

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

1 (40)

журнал выходит четыре раза в год

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**
№ 1 (40), 2019

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.и.н. Б.Х. Бгажноков, д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
д.ф.н. А.М. Готов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Р.Г. Ошроев, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

1 (40)
the journal comes out four times a year

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH**
№ 1 (40), 2019

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *T.S. Bittirova*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *R.G. Oshroev*; Candidate of History *D.N. Prasolov*;
Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Бгажноков Б.Х.</i> Культурное содержание и черкесские корни греческих терминов «камара» и «камариты»	7
<i>Кешиева З.М.</i> Туристическая отрасль в КБР в конце XX – начале XXI века и ее ребрендинг	14
<i>Тетуев А.И.</i> Перестройка экономики Кабардино-Балкарии на военный лад и мобилизация всех ресурсов в начальный период Великой Отечественной войны	21
<i>Алоев Т.Х.</i> Перед лицом языкового сдвига: размышления к положению черкесского языка в дошкольном образовании Кабардино-Балкарской Республики (2000–2014)	33
<i>Жанситов О.А.</i> Кризис власти и обострение криминогенной обстановки в Нальчикском округе в годы Гражданской войны	39

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Дзуганова Р.Х.</i> Топонимические термины в адыгском нартском эпосе	44
<i>Махиева Л.Х.</i> Терминологическая дериватология: морфологический (аффиксальный) способ образования терминов (на материале карачаево-балкарского языка)	52
<i>Токъмакъ М.Хь.</i> Адыгэбзэ эмотивнэ лэжыгъэцІэхэм яхэлъ гъэщІэгъуэнагъхэр	58
<i>Шокарова О.А.</i> Проблемы формирования словника толковых словарей адыгских языков	64
<i>Алхасова С.М.</i> Обогащение кабардинской литературы новыми именами в период «оттепели»	72
<i>Берберов Б.А., Кучукова З.А.</i> Образ судьи в карачаево-балкарской сказке	78
<i>Бетуганова А.Н.</i> Жанр исторического рассказа в современной кабардино-черкесской прозе	85
<i>Биттирова Т.Ш.</i> Мир духовно-нравственных поисков Кязима Мечиева и его новаторство	91
<i>Сарбаишланы А.М.</i> Жазыгучуну суратлау дуниясы (Толгъурланы Зейтунну 80 – жыллыгына)	97
<i>Хавжокова Л.Б., Шогенова Э.А.</i> К проблеме разграничения сонета и четырнадцатистрочника в кабардинской поэзии	106
<i>Хакуашева М.А.</i> Традиции гуманистической поэтики в национальном художественном нарративе (на примере произведений Ю. Чуюко из книги «Кинжал танцора»)	112

РЕЦЕНЗИИ

<i>Кропачев С.А.</i> Рецензия на книгу «Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе (1918–1940-е гг.) Историко-архивные материалы и воспоминания / автор-составитель А.К. Шапарова. – Нальчик, 2017. – 824 с.	117
<i>Мухаджиев С.-Х.Х.</i> Рецензия на книгу «Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе (1918–1940-е гг.) Историко-архивные материалы и воспоминания / автор-составитель А.К. Шапарова. – Нальчик, 2017. – 824 с.	119

ЮБИЛЕИ

<i>Панеш А.Д.</i> Он посвятил свою жизнь служению народу	121
--	-----

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Bgazhnokov B.H.</i> Cultural content and circassian roots greek terms «kamara» and «camite»	7
<i>Kesheva Z.M.</i> The tourism industry in the KBR at the end of XX – beginning of XXI century and its rebranding	14
<i>Tetuev A.I.</i> The restructuring of the economy of Kabardino-Balkaria on a military basis and the mobilization of all resources in the initial period of the Great Patriotic War	21
<i>Aloev T.H.</i> Facing a language shift: reflections on the position of the circassian language in preschool education in the Kabardino-Balkarian Republic (2000–2014)	33
<i>Zhansitov O.A.</i> The crisis of power and the aggravation of the criminal situation in Kabarda during the Civil War	39

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Dzukanova R.H.</i> Toponymic terms in the adygean nart epos	44
<i>Makhieva L.H.</i> Terminological derivatology: morphological (affixal) method of terms formation (based on the Karachai-Balkarian language)	52
<i>Tokmakova M.H.</i> Features of emotive verbs in kabardino-cherkess language	58
<i>Shokarova O.A.</i> Problems of formation of the vocabulary of explanatory dictionaries of the adyghian languages	64
<i>Alkhazova S.M.</i> The enrichment of the kabardian literature of new names in the period of «thaw»	72
<i>Berberov B.A., Kuchukova Z.A.</i> Image of judge in karachay-balkarian fairy-tale	78
<i>Betuganova E.N.</i> The genre of historical narrative in contemporary kabardino-cherkess prose	85
<i>Bittirova T.S.</i> World of spiritual and moral searches Kyazima Metchieva and his innovation	91
<i>Sarbasheva A.M.</i> The artistic world of the writer (to the 80 th anniversary of Tolgurov Zeytun)	97
<i>Havzhokova L.B., Shogenova E.A.</i> To the problem of the difference of a sonnet and a fourteen-term verse in kabardino poetry	106
<i>Hakuasheva M.A.</i> Traditions of humanistic poetics in the national artistic narrative (on the example of works by Yu. Chuyako from the book «Dancer's Dagger»)	112

REVIEWS

<i>Kropachev S.A.</i> Review of the book «Political Repressions of Circassians in the North Caucasus (1918–1940). Historical and archival materials and memoirs» / by A.K. Shaparova. – Nalchik: IGI KBNC RAS, 2017. – 824 p.	117
<i>Musadzhiev S.-H.H.</i> Review of the book «Political Repressions of Circassians in the North Caucasus (1918–1940). Historical and archival materials and memoirs» / by A.K. Shaparova. – Nalchik: IGI KBNC RAS, 2017. – 824 p.	119

ANNIVERSARY

<i>Panesh A.D.</i> He dedicates his life to service to people	121
---	-----

УДК 39 (470.62/.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-7-13

КУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ЧЕРКЕССКИЕ КОРНИ ГРЕЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ «КАМАРА» И «КАМАРИТЫ»

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), bbarasbi@yandex.ru

Поставленная проблема рассматривается в плоскости греко-абхазо-адыгских культурных связей периода античности. Отмечено, что термин «камариты» служил для греков синонимом собирательного этнического имени «гениохи», который был, в свою очередь, общим наименованием древних абхазо-адыгских племен Восточного Причерноморья (зигов, ахейцев, керкетов, санигов, абазгов, апсиллов). Возникновение термина «камариты» было обусловлено тем, что владея боевыми лодками – камарами, указанные племена вели пиратский образ жизни. Особое внимание уделяется этимологии термина «камара». Показано, что так же, как и этноним «гениохи», это слово имеет абхазо-черкесские корни, что вплоть до XX в. термин «камара» в виде *кѳуашьомар/кѳуэмар* использовался причерноморскими черкесами для обозначения класса боевых лодок.

Ключевые слова: Восточное Причерноморье, греки, гениохи, абхазо-адыгские племена, «камариты», «камары», боевые лодки.

В источниках античного времени пиратский образ жизни и использование для этого боевых лодок под названием *камара*, *кацара* называют обычно как наиболее характерную черту всех гениохских племен, включая зигов, ахейцев, керкетов. И это позволяет понять, почему эти племена объединяют иногда под названием камаритов. Например, Евстафий пишет, что в Восточном Причерноморье за Керкетом, страной керкетов, лежащей у Кавказа, живут ахейцы, гениохи и зиги, происходящие от пелазгов¹. И затем определяет их как «большое племя камаритов, которые носят это название от употребляемых ими круглых разбойничьих судов, которые у эллинов назывались «камарами». Это были небольшие узкие и легкие ладьи, вмещавшие до 25 и редко до 30 человек...»².

О «восточном народе иберов» и о камаритах (гениохах), как о самых главных народах между Каспийским и Черным морем пишет также Дионисий Перизетгет: «Здесь Фасис, катясь по поверхности Киркейской равнины, извергает в волны Эвксина свои быстрые пенные воды, получив свое начало у Арменийской горы. К северо-востоку от него лежит перешеек между Каспийским и Эвксинским морями. На нем живет восточный народ иберы, которые некогда пришли с Пиренеев на восток и вступили в ожесточенную войну с гирканами, и *большое племя камаритов...*»³ (выделено мной. – Б.Б.).

Встречаются, кроме того, упоминания «знаменитых поселений камаритов» между Трапезундом и Фасисом» (Аммиан Марцелин, XXII. 8. 24), кавказского «племени камаритов, очень любимых Вакхом» (Присциан. 644–721) и т.д.

Термин «камариты» во всех этих случаях служит заменой собирательного этнического имени «гениохи», включая сюда все древние абхазо-адыгские племена Восточного Причерноморья: зигов (зихов), ахейцев, керкетов, санигов, абазгов, апсиллов. Дополнительно к этому он указывает на то, что речь идет о племенах, имеющих боевые лодки «камары», используя которые они нападают на проплывающие суда и ведут пиратский, разбойничий образ жизни. Наиболее подробную запись об этом оставил Страбон:

«После Синдской области и Горгииппии, что на море, следует побережье ахейцев, зигов и гениохов, лишенное большей частью гаваней и гористое, так как оно является частью Кавказа. Эти народности живут морским разбоем, для чего у них есть небольшие, узкие и легкие лодки вместимостью приблизительно до 25 человек, редко – до 30; у греков они называются «камарами». Как говорят, эту Ахею заселили фтиотийские ахейцы из войска Иасона, а лаконцы поселились в Гениохии; предводителями последних были Крекас и Амфистрат – возницы Диоскуров; по всей вероятности, гениохи получили свое имя от них. Снаряжая флотилии таких «камар» и нападая то на купеческие корабли, то даже на какую-нибудь страну или город, они господствовали на море. Иногда им помогают даже жители Боспора, предоставляя свои корабельные стоянки, рынок для сбыта добычи. Когда они возвращаются в родные места, то при отсутствии корабельных стоянок им приходится на плечах переносить «камары» в леса, где они и живут, обрабатывая скудную землю. Когда же наступает время плавания, они снова несут свои лодки к берегу. Точно так же поступают они и в чужих странах, где им хорошо известны лесистые места; там они прячут свои «камары», а сами пешком бродят днем и ночью, похищая людей для продажи в рабство»⁴.

Таким образом, два различных и сложных по своему происхождению и культурному содержанию термина – «гениохи» и «камариты» стали для древних греков, а через них и для древних римлян обозначением всех абхазо-адыгских народов Восточного Причерноморья, за исключением синдов. Конечно, эти термины были не абсолютными синонимами, а лишь идеографическими (стилистическими).

Следует сказать в данной связи, что в традиционном греческом сознании этноним «гениохи» ассоциировался с представлениями о родственной связи народов под таким названием с пеласгами и вследствие этого также и с греками⁵. Тем самым греки выделяли абхазо-адыгские племена из общей массы жителей Восточного Причерноморья. Они рассматривали их как особый тип варваров, родственников им и культурных по происхождению, но огрубевших вдали от цивилизации в суровых условиях Западного Кавказа⁶.

Термин «камариты», в отличие от этого, закреплял за абхазо-адыгскими племенами двойственный образ смелых, искусных, но диких и безжалостных пиратов и торговцев рабами. Отсюда, с одной стороны, пиетет, с которым, судя по источникам, относились греки и римляне к камаритам. А с другой, – осуждение этих племен за жестокость и разбойничий образ жизни, за захват судов, людей и имущества в открытом море, в прибрежных городах и портах. Страбон и другие античные писатели сообщают о безуспешных попытках греческих наместников, а также местных правителей бороться с этими пиратами. К числу наиболее успешной борьбы с пиратством на Черном море называют при этом действия Боспорского царя Евмела (310–304 гг. до н.э.). Он, по словам Диодора Сицилийского, «вступил в войну с варварскими народами, обыкновенно занимавшимися пиратством – гениохами, таврами и ахеями» и «присоединил значительную часть соседних варварских земель»⁷.

За всем этим стояла на самом деле ожесточенная борьба гениохских племен с греческими и затем римскими завоевателями и колонистами. Действия камаритов в акватории Черного моря были средством защиты от проникновения греков и римлян все дальше вглубь материка, средством выживания, самосохранения

народа. При этом пиратство как средство обогащения и торговли рабами развилось сначала в самом греческом обществе. Затем оно перекинулось с Эгейского моря (с острова Крит, Киликии и других районов) на Черное море⁸. Поэтому активность камаритов на Черном море греки воспринимали ревностно как угрозу их присутствию и господству на Западном Кавказе. Не переставая вместе с тем восхищаться умением местных жителей вести позиционную, партизанскую войну, используя для этого свои легкие и грациозные боевые лодки.

Сложилась вследствие всего этого и традиция считать слово «камара», *καμαρα* исконно греческим⁹. В древнегреческих словарях оно представлено как «судно со сводчатым (арочным) покрытием»¹⁰. Однако в самом греческом языке слово *καμαρα* не имеет внутренней мотивации и формы. Это означает, что указанное толкование навеяно только внешним видом и конструкцией гениохских камар. Более чем красноречиво свидетельствует описание камар в известном труде римского историка Корнелия Тацита, ср.:

«Варвары с удивительной быстротой понастроили себе кораблей и безнаказанно бороздили море. Корабли эти называются у них камары, борта их расположены близко друг к другу, а ниже бортов корпус расширяется; варвары не пользуются при постройке кораблей ни медными, ни железными скрепами; когда море бурно и волны высоки, поверх бортов накладывают доски, образующие что-то, вроде крыши, и защищенные таким образом барки легко маневрируют. Грести на них можно в любую сторону, эти суда кончаются острым носом и спереди, и сзади, так что с полной безопасностью могут причаливать к берегу и одним, и другим концом»¹¹.

По всей видимости, эти лодки, определявшие во многом быт и образ жизни местных племен, имели свое, особое «туземное» название и, скорее всего, оно и лежит в основе заимствованного греками у этих племен термина *камара*. Одним словом, исходное обозначение гениохских лодок может быть только абхазским, убыхским или черкесским. Но скорее всего, черкесским, и не только потому, что черкесский язык был преобладающим для абхазо-адыгских народов Восточного Причерноморья, но еще и по той причине, что черкесское обозначение лодки или судна *къуашьо/къуафэ* гораздо больше напоминает термин камара, чем абхазские и убыхские аналоги данного понятия: абх. анышь – лодка, азандал – корабль¹², убых. уэва, γαβα – «корабль»¹³.

К поиску исходного адыгского слова, на основе которого возник греческий термин *καμαρα* (камара), предрасполагает еще одно весьма существенное обстоятельство. А именно: прочная связь традиций и обычаев мореходства, сложившихся в древности у гениохов, с теми, что сохранялись в течение двух тысячелетий и были живы еще в XIX в. в этих же самых местах у черкесов. Обращая внимание на стойкость этих традиций, Фр. Дюбуа де Монпере, совершивший в 1833 году путешествие на русском военном корабле вдоль всего Черноморского побережья Кавказа, писал:

«Выше я изобразил черкесов такими, какими их изображает Страбон. Невольно изумляешься, как мало изменений совершилось с тех пор среди этих пиратов. В наши дни, как и тогда, у них те же легкие галеры, которые греки называли «камара», а они сами называют «каф», или «куафа», только сейчас они немного больших размеров. Это узкие ладьи с килем, длиной в 50 футов. Во времена Страбона они поднимали 25–30 человек, теперь же в них помещается 40–60 человек, из которых две трети гребут. Не имея мачт, эти низкие галеры ускользают от взоров вдоль берега; если пиратов преследуют слишком близко, их галеры так легки, что команда может вытащить их на берег и даже спрятать в лесу. Говорят, что в случае необходимости шапсуги, убыхи, саши или сахи могут снарядить 40 галер»...¹⁴

По следам своих путешествий в Черкесию в 1818 и в 1823–1824 гг. аналогичным образом описал черкесские лодки Тебу де Мариньи, а затем снабдил титул своей

книги «Путешествие по Черкесии» (в ее английском издании) рисунком одной из таких лодок с подписью *Circassian War-Boat* – «Черкесское военное судно»¹⁵ (рис. 1).

Дюбуа, в свою очередь, дополнил свои наблюдения сообщением о том, как называли черкесы свои галеры или боевые суда на родном языке, и упоминает в числе этих названий термин *камара*. «Эти галеры, – пишет он, – называются по черкесски «каф» (*kaf*) или «куафа» (*kuafa*), а также «камара» (*kaмага*); по-абхазски «акба» (*akhbat*); на языке турецком «геме» (*geme*)»¹⁶.

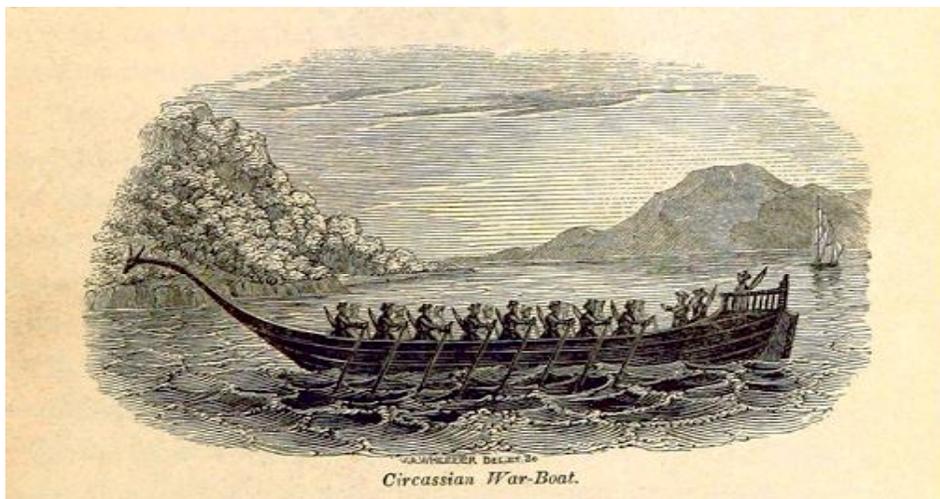

Рис. 2. Черкесская боевая лодка – галера (начало XIX века)

Из этого следует, что во времена пребывания Дюбуа в Черкесии (1833 год), адыги, наряду с обычным обозначением боевых лодок *къяуашь/къяуашьо/кхъяуафэ*, использовали и древнее (упоминавшееся в сочинениях античных писателей) название *камара* или другое, но очень близкое (по звучанию) к этому термину слово.

В начале прошлого века на это обратил внимание и А.Н. Генко. По его словам, «термин «камара», служивший древним керкетам и гениохам для означения их военных лодок, сохранился, судя по некоторым указаниям в литературе, до новейших времен»¹⁷. О том же пишет вслед за ним Инал-Ипа, ср.: ««камара» – местный черкесо (– абхазский?) термин, бывший в употреблении еще в первой половине прошлого столетия»¹⁸.

Приняв к сведению всю эту весьма важную информацию, нам остается только ответить на вопрос, о каком именно адыгском термине, близком по звучанию к термину «камара» идет речь в трудах Дюбуа де Монпере, А.Н. Генко и Ш.Д. Инал-Ипа. И, таким образом, попытаться объяснить термин «камара» средствами адыгского языка.

В нашем понимании, слово *камара* распадается на две самостоятельные части: *ка-мара*. При этом первый компонент восходит к черкесскому слову *къяуашьо/кхъяуафэ* – «лодка», а второй к устаревшему слову *къяуашьо/кхъяуафэ* – «боевое оружие». Каждая из этих основ является, в свою очередь, сложным словом, состоящим из двух лексических единиц. При этом нижнечеркесское (кяхское или адыгейское) слово *къяуашьо* состоит, вне всякого сомнения, из лексических морфем *кьо* – «кабан» и *шьо* – «кожа», наглядно демонстрируя, что для обозначения лодки в черкесском языке была использована лексика, взятая из древней, практиковавшейся многими народами, технологии обшивки лодки кожей диких животных. Отсюда и соотносимое с адыгским *къяуашьо/кхъяуафэ* слово *σκαρη* [skaphe. ská. p^he:] «лодка, челнок, желоб, корыто» в древнегреческом языке. Что напоминает

лишний раз об уходящем своими корнями в далекое (пеласгийское) прошлое родстве греческого и черкесского языков.

Итак, нам удалось восстановить, – и сравнительно легко, – первую часть термина *ка-мара*. Она восходит к слову «лодка», «челнок» и является, по всей видимости, общим для черкесского и греческого языков, но объяснимо лишь на почве черкесского языка.

Гораздо трудней установить конкретное значение и внутреннюю форму термина *марыхъу*, которое используется самостоятельно и в паре с термином *марыбз* в кабардинском варианте адыгского нартского эпоса, в сюжете о поединке Тотреша и Сосруко. В академическом издании адыгского нартского эпоса дается явно ошибочный перевод этих терминов в виде личных имен: Марух и Марыбз¹⁹. В большом словаре кабардино-черкесского языка предлагается иное толкование: *марыхъу* – «портной», *марыбз* – «портниха». Кроме того, для слова *марыхъу* в качестве второго значения отмечено также: «вид старинного, холодного оружия», «меча»²⁰. Хотя ничего не сказано при этом, каким образом эти значения объединяются, «уживаются» в одном и том же слове, понятно, что исходным для термина *марыхъу* является в любом случае значение холодного оружия.

По всей вероятности, перед нами сложное слово, состоящее из трех элементов: 1. *ма/мэ* – «орудие», «инструмент», 2. *хъу/хъуэн* – «точить», «тереть», «скоблить», 3. семантического множителя (семемы) *-ры-*, который выполняя здесь роль интерфикса, соединяет две предыдущие корневые морфемы в одну и придает созданному таким образом сложному слову орудное значение²¹. В нартском эпосе богатырь Тотреш, вогнав нарта Сосруко по колено в землю пускает в ход сначала именно это оружие и, таким образом, нейтрализует, устрашает, приводит его в трепет, а затем вынимает нож, чтобы отсечь голову:

И мэрыхъу щигъабзэри,
И сэжьейри кърихъу,
Щхъэ фIэхъыным щыхуэкIуэм...²²

Свой марух приставил,
Свой нож вынул,
И когда собрался голову отсечь ...

Из всего сказанного следует, что термин *марыхъу* в нартском эпосе адыгов является даже не столько обозначением какого-либо конкретного вида оружия, сколько передачей способа использования определенных видов холодного оружия, для устрашения, деморализации и капитуляции противника. Поэтому как противопоставление такому способу использования холодного оружия используется в нартском эпосе собирательное слово *мэ-ры-бз* с лексической морфемой *бзын* – «резать» в конце слова.

В конечном итоге слово *мэрыхъу* предстает как собирательный образ эффективного средства, инструмента или оружия, способного парализовать противника, заставить его сдаться. По всей видимости, камара считалась именно таким высокоэффективным орудием устрашения и принуждения к капитуляции проплывающих судов. С последующим захватом грузов и обращением в рабство членов экипажа и пассажиров.

Легко представить после всего сказанного, каким образом формировался термин «камара». С самого начала он объединил в себе два черкесских слова: *къуашьо/къуафэ* и *марыхъу*, создавая, таким образом, этимон *къуашьомарыхъу*, исходный для обозначения боевой лодки гениохов. Не исключено, что еще в древности этимон *къуашьомарыхъу* был преобразован сначала в *къуашьомарэ* и, в конце концов – в *къуэмарэ* вследствие акцентно-фонетических процессов экономии (абсорбция, синкопа), которые привели к выпадению в исходном слове второго слога – *шьо* и усечению в нем конечного звука *хъу*.

Возникая, в результате соединения слов *кѳуашѳо/кѳѳуафѳ* и *марѳхѳу*, этимон *кѳуашѳомарѳхѳу*, как мы видим, выполнял в древнечеркесском языке роль неявной, мыслимой или внутренней формы слова, утвердившегося для обозначения боевой лодки гениохов. Получилось в итоге легко произносимое слово *кѳуашѳомарѳ/кѳѳумарѳ*, на основе которого возникло греческое слово *каѳара*, как передача туземного (гениоховско-черкесского) обозначения боевого гребного судна со сводчатым верхом.

И последнее, о чем необходимо сказать. Судя по сообщениям Дюбуа де Монпере, термин *кѳуамара/кѳѳумарѳ*, как обозначение боевой лодки, близкое по звучанию к греческому *каѳара*, *каѳара*, сохранялось в активном словаре причерноморских черкесов до XIX в. наряду с обычным словом лодка – *кѳуашѳо*. Иначе говоря, *кѳуамарѳ* – это слово, которое еще Дюбуа постоянно слышал из уст черкесов, с которыми он общался. По всей видимости, местные жители употребляли это слово в тех случаях, когда нужно было подчеркнуть, что речь идет не об обычном судне – *кѳѳуашѳо/кѳѳуафѳ*, а о военном, приспособленном к боевым действиям – *кѳуашѳомарѳ/кѳѳумарѳ*.

После геноцида и изгнания причерноморских адыгов из Западного Кавказа слово *кѳѳумарѳ* стало малоупотребительным и затем вовсе исчезло вместе с носителями языка и культуры этой части черкесского народа. Но сейчас есть все основания реанимировать термин *кѳѳумарѳ* и соответственно по новому взглянуть на все, что связано с каѳарами и каѳаритами античных писателей, рассматривая эти сведения как важный элемент древней истории и образа жизни черкесского народа.

Примечания

1. *Евстафий*. Комментарии к «Землеописанию» Дионисия. 680, 687.
2. *Евстафий*. Указ. соч. С. 700.
3. *Дионисий Перизетт*. Описание населенной земли. С. 652–710.
4. *Страбон*. География. XI. 2. 12.
5. *Бгажноков Б.Х.* К культурной истории майкопско-анатолийских племен (гениохи и Гениохия) // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2017. Вып. 7. С. 33–60.
6. *Asheri D.* The Achaeans and the Heniochi. Refletions on the Origins and History of a Greek Rhetorical Topos // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology. Stuttgart, 1998.
7. *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека. XX, 25.
8. *Tsetskhladze G.R.* Black Sea Piracy//The Black Sea Region in the Greek, Roman and Byzantine Periods. Talanta XXXII–XXXIII, 2000–2001. Amsterdam, 2002. P. 11–15.
9. *Брашинский И.Б.* Понтийское пиратство // Вестник древней истории. М., 1963. № 2. С. 126; *Tsetskhladze G.R.* Idem. P. 11.
10. *Sophocle E.A.* Greek lexicon of the roman and bezantine periods. Cambridge, Leipzig, 1914. P. 624.
11. *Корнелий Тацит*. История. III. 47.
12. Русско-абхазский словарь. Сухуми, 1964. С. 313, 392.
13. *Dirr Ad.* Die Sprache der Ubychen. Leipzig, 1928. S. 77.
14. *Dubois de Montpereux F.* Voage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée. Paris, 1839. Vol. 1. P. 169.
15. *Taitbout de Marigny J.-V.-E.* Three Voyages in the Black See to the Coast of Circassia. London, 1837.
16. *Dubois de Montpereux F.* Ibid.
17. *Генко А.Н.* О языке убыхов // Известия АН СССР. М., 1928. № 3. С. 228.
18. *Инал-Ипа Ш.Д.* Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965. С. 283.
19. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: «Наука», 1974. С. 62–63, 211.
20. Адыгэ псалъалэ (Словарь кабардино-черкесского языка). М.: «Дигора», 1999. С. 509.

21. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л., 1948. С. 118; Урусов Х.Ш. Морфемика адыгских языков. Нальчик, 1980. С. 314–315.

22. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. (Нарты. Кабардинский эпос). Нальчик, 1995. С. 103.

CULTURAL CONTENT AND CIRCASSIAN ROOTS GREEK TERMS «CAMARA» AND «CAMARITES»

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, Head sector of the ancient history and archeology of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru

The problem posed is considered in the plane of the Greek-Abkhaz-Adyg cultural ties of the period of antiquity. It is noted that the term «camarites» served for the Greeks as a synonym for the collective ethnic name «geniokhi», which was, in turn, the common name of the ancient Abkhaz-Adyg tribes of the Eastern Black Sea region (zygov, Akheyans, kerkets, Sanigov, Abazgs, Apsils). The emergence of the term «camarites» was due to the fact that owning combat boats – camaras, these tribes led a pirate lifestyle. Special attention is paid to the etymology of the term «Camara». It is shown that just like the ethnonym «geniokhi» this word has Abkhaz-Circassian roots, which up to the XX century. The term «Camara» in the form of *къуашьомар/къуэмар* was used by the Black Sea Circassians to denote the class of combat boats.

Keywords: Eastern Prichernomorie, Greeks, Geniokhs, Abkhaz-Adyg tribes, «Camarites», «Camara», combat boats.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-7-13

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ОТРАСЛЬ В КБР В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА И ЕЕ РЕБРЕНДИНГ

Кешева Зарема Мухамедовна, кандидат исторических наук, зав. сектором новейшей истории отдела исторических наук Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kesheva10@gmail.com

В статье исследуются основные направления в развитии туристической отрасли КБР в постсоветский период. Анализ тенденций и перспектив социально-экономической и этнокультурной динамики Кабардино-Балкарской Республики в свете общей стратегии развития РФ и закономерностей трансформации мирового сообщества в формате глобализации / глокализации показал актуальность трансляции основополагающих идей ребрендинга объектов туристического показа в целях повышения инвестиционной привлекательности региона и обеспечения его устойчивости в условиях вызовов современности.

Отмечено, что значимыми условиями успешного развития въездного туризма и его ребрендинга является дальнейшая разработка и модернизация различных инфраструктур, призванных обеспечивать туристическую сферу на значительном уровне. В КБР расположены природные бренды, способные повысить доходность региона, среди них – рекреационный комплекс «Эльбрус-Безенги», в пределах которого развивается Приэльбрусье, признанный центр горнолыжного спорта, туризма и альпинизма. Правильный и мощный ребрендинг может стать одной из важных составляющих для привлечения в республику финансовых средств и оздоровления экономической обстановки в регионе.

Ключевые слова: туризм, Кабардино-Балкарская Республика, глобализация, глокализация, достопримечательности, теракты, ребрендинг.

Период конца XX – начала XXI в. отмечен активизацией глобальных вызовов современности, к которым можно отнести развитие коммуникативных связей, единого всемирного рыночного пространства, унификацию всех сфер жизнедеятельности. Примерно в это же время британским социологом Роландом Робертсоном было обозначено понятие «глобализация» (от латинского *globus* – шар). Глобализация предполагает формирование единого финансово-экономического, международного правового и культурного поля. Американский социолог Ульрих Бек отмечает: «Мы стоим на пороге, за которым также становится возможно космополитическое общество (это «также возможно» включает в себя и катастрофы). Не замечать этого «также возможно», заиклившись на катастрофичности, значит быть нереалистичным»¹.

Опасность заключается в том, что в процессе вненациональной унификации и стандартизации могут быть утеряны автохтонные культурные традиции, которые веками сохранялись народом. Поэтому весомую значимость приобретает задача, сформулированная Генеральным директором Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) Коитиро Мацура: «В ответ на глобализацию экономики международному сообществу необходимо проявлять решимость в действии универсальности в самом глубоком смысле этого слова – универсальности, которая претендовала бы на объединение всех

моделей и в рамках которой отражалось бы признание и уважение вклада всех народов во всеобщую цивилизацию»².

Глобализация экономической активности сопровождается волнами трансформации в сфере культуры, процессом, который называют «культурной глобализацией». При этом речь идет, главным образом, о фабрикации символов культуры. Некоторые из общественных наук и часть общественности усвоили на это явление точку зрения, которую можно назвать конвергенцией глобальной культуры. В целом опасна не только макдоналдизация, но и вестернизация, как тенденция современной культуры³.

Реакцией на глобализационные вызовы стал процесс глокализации. Глокализация – это термин, означающий сочетание процессов глобализации и локализации, т.е. совмещение процессов модернизации локальных культур с достижениями формирующейся глобальной мультикультурной цивилизации. Она происходит в результате культурной гибридизации, т.е. конструктивного сотрудничества и взаимообогащения культур в рамках культурных регионов. Для выполнения жизненно важной для будущего каждого народа функции сохранения и воспроизводства этнической ментальности необходимы новые адекватные культурные технологии. Одной из наиболее перспективных и доходных отраслей является туристическая отрасль, которая, развивая локальные объекты туристического показа – отвечает на глобальные вызовы современности.

В настоящий момент сфера туризма и сопутствующие ей отрасли развиваются достаточно интенсивно. Во время заседания президиума Государственного совета в Крыму в 2015 г., Владимир Путин заявил, что при грамотном подходе Россия обладает всеми шансами, чтобы превратить туризм в эффективную отрасль⁴. Поэтому рассмотрение вопросов, связанных с историей развития туризма, приобретает особую значимость, так как необходимо просчитать, какие особенности стимулируют организацию туристической сферы, и какие риски могут при этом возникнуть.

В начале 1990-х гг. после с развала СССР в Российской Федерации начался новый этап политико-экономической модернизации. Блок реформ, проведенных в России, демонтировал дискредитировавшую себя административно-хозяйственную систему, была совершена конверсия к экономическим методам регулирования.

Политические процессы, происходившие в стране, не могли не сказаться на развитии туристической сферы. В 1990-е гг. внутрироссийские объекты рекреации испытывали значительное количество рисков, как в социально-политической, так и в макроэкономической сферах. Внутренний туризм находился в полосе глубокого кризиса во многом из-за разваливавшейся и ветшавшей материально-технической базы. В связи с отсутствием должного обеспечения объектов показа и инфраструктуры, внутренний туризм приходил в упадок, произошла переориентация турпотока на выездной туризм.

Системный кризис конца 80–90-х гг. XX в. сказался на курортно-рекреационной сфере Кабардино-Балкарии. Туристическое оборудование, канатные дороги, базы отдыха были изношены, морально устарели и требовали реорганизации. В сложный для России период 1990-х, количество туристов, посещающих КБР сократилось практически в 10 раз. Это объясняется множеством факторов, среди которых можно отметить расширение масштабов преступности, усиление темпов разрастания экстремизма и терроризма; увеличение цен на туристические и рекреационные услуги при невысоком уровне их предоставления клиентам.

С конца XX в. туристы охотнее посещали КБР, в среднем время пребывания туриста в данный период равнялось примерно 10 дням. Если сравнивать с 1990-ми, то время нахождения в республике увеличилось. Таким образом, кратковременный, плохо организованный туризм 1990-х сменился на более продуманный и упорядоченный⁵. То есть большее количество туристских поездок в республику стало

осуществляться через туристские фирмы, возросла роль туроператорской и турагентской деятельности, что является признаком положительной тенденции в отрасли⁵. Seriously пострадала рекреационная деятельность в Кабардино-Балкарии в середине 2000-х – начале 2010-х гг. КБР постоянно находилась в отчетах о терактах и взрывах, хотя ранее считалась одной из самых стабильных и благополучных республик в Северо-Кавказском регионе.

Самый крупный в истории КБР теракт произошел 13 октября 2005 г., когда силовые структуры Нальчика подверглись нападению боевиков. Ситуация в республике была серьезно дестабилизирована, пострадала и туристическая сфера, в частности, развитие Приэльбрусья. И если раньше нападений на туристов и людей, работавших в данной сфере, практически не происходило, то после 2005 г. подобные случаи участились.

Президент московской компании «Альп Индустрия» С. Зон-Зам около 20 лет был связан с Приэльбрусьем. Будучи специалистом в области альпинизма и туризма, он составлял бизнес-проекты, организовывал в Кабардино-Балкарии совместно с республиканскими органами власти различные мероприятия спортивного характера. Он являлся соорганизатором нескольких чемпионатов России по фрирайду, проводил активную работу по привлечению состоятельных российских и зарубежных туристов на вертолетное катание на лыжах (хели-ски). Однако 6 мая 2006 г. в Приэльбрусье на С. Зон-Зам подвергся нападению, его здоровью был нанесен ущерб, как в целом имиджу КБР, как безопасного для туристов курорта. С. Зон-Зам написал обращение к президенту КБР А. Канокову, в котором отметил, что разбойные нападения в Приэльбрусье между поляной Чегет и Терсколом приобрели системный характер: «Избиениям и грабежам подвергаются российские и зарубежные туристы. Все это очень бурно обсуждается в интернет-пространстве и создает Приэльбрусью репутацию крайне небезопасного курорта»⁶. Зон-Зам предлагал предпринять меры по преодолению сложившейся негативной ситуации, в частности, создать специальный Терскольский ОВД, который бы целенаправленно занимался обеспечением безопасности туристов.

2007–2009 гг. были весьма напряженными в привычно нестабильных в плане нарушения правопорядка республиках Северного Кавказа – Чечне, Ингушетии, Дагестане. В отличие от них, обстановка в Кабардино-Балкарии казалась сравнительно спокойной. Однако в 2010 г. ситуация обострилась, например, только с 1 июня по 20 июля 2010 г. произошло около 17 взрывов и 8 обстрелов представителей силовых структур, обезврежено 13 взрывных устройств. Причем вновь в сводках стали фигурировать туристы. 5 августа в 2010 г. Приэльбрусье было совершено покушение на президента Федерации айкидо КБР Е. Парамонова. 18 февраля около 2011 г. 18.45 на въезде в с. Заюково были убиты трое туристов, направлявшихся в Приэльбрусье, два человека ранены. В ночь на 19 февраля 2011 г. произошел еще один теракт. Новая гондольная подвесная канатная дорога «Азау-Старый кругозор», открытая в 2006 г., была подорвана, обрушилось около 30 из 45 кабинок⁷. СМИ обращали внимание, что за противоправными действиями начала 2010-х гг. стояло бандподполье. Раньше целью боевиков, как правило, являлись представители силовых структур, к подобной ситуации в республике уже привыкли, но туристы считались неприкасаемыми персонами, и убийство гостей из Москвы выглядело как акция запугивания для всех горнолыжников страны.

Трагические события февраля 2011 г. не могли не сказаться на состоянии туристической сферы республики. Начальник отдела туризма Министерства спорта, туризма и курортов М. Отаров, подводя итоги 2011 г. констатировал, что туристический поток в КБР ощутимо снизился. Это произошло в связи с тем, что в пик горнолыжного сезона в КБР проводилась контртеррористическая операция. «В 2010 году мы приняли 194 тыс. туристов, – отмечал М. Отаров. – Причем около 100 тыс. отдыхали в Приэльбрусье. В этом году мы их недосчитаемся, и в лучшем

случае примем около 90 тыс. туристов»⁸. Следует подчеркнуть, что руководство КБР приняло решение о выделении средств для компенсации потерь от недополученной прибыли из-за отсутствия туристов, в связи с действовавшей в Приэльбрусье контртеррористической операцией, т.к. многие местные жители имели доход только от реализации туристам предметов народных промыслов, которые уже давно являются брендами региона: вязаные шали, жилеты, теплые носки, изделия из войлока и т.д.

Для скорейшего преодоления сложившейся ситуации, правительство Кабардино-Балкарии была разработано целевую программу «Профилактика экстремизма и терроризма в Кабардино-Балкарии» на 2011–2014 гг. Основными результатами Программы стали: устранение возможности проведения терактов и проявления экстремизма в республике; создание системы защиты объектов повышенной опасности; проведение мониторинга по вопросам эффективности принимаемых мер по антитеррористической направленности; организация системы сбора информации об объектах, подлежащих защите, и лицах, причастных к террористическим актам; популяризация норм толерантного поведения, терпимости друг к другу в социальную сферу; выстраивание системы мониторинга и диагностики социальной ситуации в республике; инкорпорация учебных программ по формированию установок толерантного сознания и поведения в систему образования; налаживание условий для утверждения принципов толерантности в обществе и др.⁹.

Росту сферы туристического бизнеса в России, и, в частности, в Кабардино-Балкарии, препятствуют недостаточные инвестиции в материально-техническую базу туризма. Республике предстоит полноценно перейти на рельсы мировых тенденций, связанных с бумом курортно-рекреационной сферы и с повышением значимости сферы услуг в целом. Сбои навстречу этим тенденциям в условиях эскалации экстремизма и терроризма привели к тому, что республика неестественно (вынужденно) «скатилась» на рельсы той парадигмы общественного развития, именуемого «традиционным обществом», в котором аграрный сектор является определяющим в экономическом развитии¹⁰.

В данное время в КБР создана законодательная база в сфере физкультуры, спорта, курортов и туризма. Комитет по спорту и туризму систематически осуществляет исследование федерального законодательства и законодательства КБР с целью своевременного внесения корректив в законы, направленные на развитие физической культуры, спорта, курортов и туризма. Каждый месяц проходят заседания, на которых рассматриваются соответствующие законопроекты.

Вместе с тем, институционализация туристских предприятий национального масштаба, способных создавать конкурентоспособные отечественные туристские продукты, представляется одним из первостепенных условий роста в российской индустрии туризма. В настоящее время ведется активная работа по реализации инвестиционных проектов в сфере туризма и рекреации на основе государственно-частного партнерства в рамках реализации федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ (2011–2018 годы)». Разрабатывается Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ», рассчитанная на период 2019–2025 гг. На сегодняшний день, в целях совершенствования республиканской законодательной базы, регулирующей отношения в сфере физической культуры и спорта в КБР, а также в сфере туризма, подготовлено два законопроекта, планируется внести изменения в законы «О регулировании отношений в сфере физической культуры и спорта в КБР» и «О туристской деятельности в КБР».

Неотъемлемой частью современной жизни является присутствие в ней брендов (образов, символов), которые помогают продвижению того или иного продукта на рынке. То есть популяризация доступным способом тех особенностей, которые могут привлечь туристов, а значит, принести прибыль. Один из основоположников теории брендинга, Дэвид Аакер американский профессор, специалист

в области маркетинга, рекламы и брендинга отмечает: «Бренд – это больше, чем выполнение обещаний. Это также своего рода путь, развивающиеся отношения, построенные на восприятии и опыте потребителей, сталкивающихся с брендом. Бренды – мощная сила. Они служат основой взаимоотношений с клиентами, являются платформой для стратегических возможностей и силой, воздействующей на финансовые показатели»¹¹.

КБР обладает целым рядом природных брендов, способных повысить доходность. Весомыми возможностями для брендинга обладает рекреационный комплекс «Эльбрус-Безенги», в пределах которого развивается Приэльбрусье, признанный центр горнолыжного спорта, туризма и альпинизма. Здесь присутствуют уникальные целебно-оздоровительные ресурсы, благоприятный микроклимат и значительные запасы высококачественных минеральных вод, что создает предпосылки для создания горнолыжного курорта мирового класса. На сегодняшний день в Приэльбрусье функционируют 11 канатных дорог. Третья канатная дорога на Эльбрусе стала самой высокогорной и не имеет аналогов в России и Европе. Она включена в «Книгу рекордов России» как самая высокая канатная дорога в стране. Верхняя станция расположена на высоте 3842 м., что дает возможность круглогодичного использования этого объекта для туристов. Нужно отметить, что новый отрезок канатной дороги доступен и для людей с ограниченными возможностями – ширина некоторых гондол позволяет заехать в них на инвалидной коляске.

Дальнейшее развитие рекреационно-туристического комплекса региона должно стать значимой статьей дохода республиканского бюджета и одним из ведущих в РФ центров экстремального туризма (альпинизм, горные лыжи). В решении этой важнейшей задачи должна помочь грамотно продуманная система брендов. Компания Volga Volga провела ребрендинг компании «Курорты Северного Кавказа» («КСК») в рамках развития крупнейшего в мире горного туристического проекта. Ребрендинг организации разрабатывает корпоративные бренды для всех курортов, в том числе и «Эльбрус-Безенги». Новый логотип и концепция единого визуального образа отражают суть корпоративного бренда – усилия компании по стратегическому развитию региона. По словам авторов проекта, логотипы и стилиобразующие элементы будут направлены на сохранение культурного и экологического потенциала территорий.

В рамках ребрендинга республики был объявлен конкурс на разработку единого туристического бренда КБР. Он завершился 23 февраля 2019 г. Министр курортов и туризма КБР М. Шогенцуков, отметил, что на конкурс пришло около 20 заявок, призовой фонд составляет 100 тыс. рублей. М. Шогенцуков подчеркнул, что опрос жителей республики определил, что 70% брендом республики назвали горы, 90% – Эльбрус, 15% респондентов считают уникальным брендом животного мира республики кавказского тура. Одна из претенденток предлагает объединить восьмилестник с лепестками разного цвета, каждый из которых означает определенную группу дестинаций, расположенных в Кабардино-Балкарии – Чегемское и Черекское ущелья, Приэльбрусье и т.д. Шогенцуков предполагает, что после того, как весь материал будет обработан, подключатся специалисты для создания единого туристического бренда КБР.

Многообразие духовных и материальных объектов КБР, способных стать брендами республики дают основание предположить, что данное направление является весьма перспективным. Согласно осуществляемым в настоящее время программам будет обозначен перечень туристских ресурсов Кабардино-Балкарии. В нем будет представлена информация об объектах туристского (экскурсионного) показа, о центрах развлечений, культурно-этнографических центрах, центрах народных промыслов и ремесел, спортивно-туристических объектах¹³.

Важными условиями успешного развития въездного туризма являются дальнейшая разработка и модернизация различных инфраструктур, призванных обеспечивать туристическую сферу на самом высоком уровне. Для достижения этой задачи необходимо вложение инвестиций, содействие представителям малого и среднего бизнеса. Важно обратить внимание и на такой ресурсный потенциал туризма Кабардино-Балкарии, как ее национальные особенности. Этот ресурс в республике практически не учитывается. Между тем, в условиях тотальной унификации формы и содержания культурного потребления, когда повышается спрос на экзотику, элементы национальной культуры и быта выступают национальными брендами, неотъемлемым атрибутом туристского обслуживания и источником финансового благополучия региона. Вряд ли можно переоценить должное использование этого историко-культурного потенциала в социально-экономическом развитии рассматриваемого региона.

Таким образом, брендинг и продуманный ребрендинг признанных туристических объектов выявляет приоритетные векторы продвижения отдельных регионов, к которым относится Северный Кавказ, и, в частности, КБР. Инкорпорация «Эльбрус-Безенги» в туркластер Северо-Кавказского региона, присутствие иных высокопотенциальных проектов, нацеленных на формирование положительного имиджа региона, будет содействовать увеличению количества туристов и отдыхающих в КБР, а также дальнейшему продвижению смежных отраслей и организации новых рабочих мест, что позитивно отразится на экономическом климате республики. Такая региональная стратегия туристско-рекреационной сферы органично вписывается в долгосрочную стратегию развития РФ, в основные положения послания Президента РФ Федеральному собранию относительно пространственного развития регионов.

Примечания

1. *Ульрих Бек*. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. Перевод с немецкого А. Григорьева и В. Седелника. Москва. [Электронный ресурс]. URL:2001<https://studfiles.net/preview/5287209/> (дата обращения: 13.01.2019).
2. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.jourclub.ru/9/849/2/> (дата обращения: 15.01.2019).
3. Там же.
4. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.kp.ru/online/news/2138699/> (дата обращения: 16.01.2019).
5. [Электронный ресурс]. URL: http://tourlib.net/statti_tourism/malaeva.htm (дата обращения: 20.01.2019).
6. *Олег Гусейнов*. Приэльбрусье приобретает репутацию небезопасного курорта // Газета Юга. № 22. 2006. 01 июня.
7. *Ахмед Акбашев*. Упали 33 гондолы // Газета Юга. № 8. 2011. 24 февраля.
8. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.votpusk.ru/news.asp?msg=379953> (дата обращения: 03.02.2019).
9. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=798855> (дата обращения: 15.02.2019).
10. *Ошироев Р.Г.* Анализ общественно-политической и религиозной ситуации в Кабардино-Балкарии в аспекте противодействия экстремизму. Нальчик, 2017. С. 89.
11. *Аакер Д.* Аакер о брендинге. 20 принципов достижения успеха. М., 2014. С. 8.
12. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.sostav.ru/publication/ajdentika-kurortov-severnogo-kavkaza-ot-volga-volga-14089.html> (дата обращения: 11.03.2019).
13. [Электронный ресурс]. URL: <http://nalchik.bezformata.com/listnews/razvitiya-regionalnogo-turizma/66344636/> (дата обращения: 12.03.2019).

THE TOURISM INDUSTRY IN THE KBR AT THE END OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY AND ITS REBRANDING

Kesheva Zarema Muhamedovna, Candidate of History, Acting Head sector of the latest history department of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kesheva10@gmail.com

The article examines the main trends in the development of the tourism industry of the CBD in the post-Soviet period. Analysis of trends and prospects of socio-economic and ethno-cultural dynamics of the Kabardino-Balkarian Republic in the light of the overall development strategy of the Russian Federation and the laws of transformation of the world community in the format of globalization / glocalization showed the relevance of the translation of the basic ideas of rebranding objects of tourist show in order to increase the investment attractiveness of the region and ensure its sustainability in the face of modern challenges. It is noted that the significant conditions for the successful development of inbound tourism and its rebranding is the further development and modernization of various infrastructures designed to provide the tourism sector at a significant level. The KBR contains natural brands that can increase the profitability of the region. This recreational complex «Elbrus-Bezengi», within which develops Elbrus, a recognized center of skiing, tourism and mountaineering. The correct and powerful rebranding can become one of the important components for attracting funds to the region and improving the economic situation in the region.

Keywords: tourism, Kabardino-Balkarian Republic, globalization, glocalization, attractions, terrorist attacks, rebranding

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-14-20

ПЕРЕСТРОЙКА ЭКОНОМИКИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ НА ВОЕННЫЙ ЛАД И МОБИЛИЗАЦИЯ ВСЕХ РЕСУРСОВ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Тегуев Алим Инзрелович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alim-tetuev@mail.ru

В статье анализируется историография и процесс перестройки экономики Кабардино-Балкарии на военный лад в начальный период Великой Отечественной войны. Обобщен опыт работы государственных органов власти по проведению мобилизации в Красную армию призывников и добровольцев. Особое внимание уделяется формированию и участию в боевых действиях 115 Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. На основе новых источников выявлены общая численность призванных в Красную Армию и погибших в годы войны. Освещается деятельность предприятий республики по изготовлению для воинских подразделений военной продукции и организации ремонта военной техники. Анализируется работа государственных органов власти, предприятий и колхозов по подготовке из числа женщин и мужчин непризывного возраста специалистов для работы на промышленных предприятиях и в сельскохозяйственном производстве. Исследуется организация сбора средств в Фонд обороны страны и теплых вещей, подарков для Красной армии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Кабардино-Балкария, мобилизация, фронт, кавалерийская дивизия, перестройка экономики, сбор средств, фонд обороны.

Изучение, обобщение и осмысление процесса перестройки экономики на военный лад и мобилизация всех ресурсов в начальный период Великой Отечественной войны имеет большое научное и практическое значение. По данной проблеме опубликован ряд работ, представляющих определенный интерес. Так, исследованию вопросов перестройки народного хозяйства на военный лад, а также вклада рабочих и колхозников республики по снабжению фронта была посвящена монография Т.А. Жакомихова¹.

Существенный вклад в изучение истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны внес Е.Т. Хакуашев. Ученый впервые ввел в научный оборот значительный фактический материал, собранный из центральных и местных архивов, периодических изданий, воспоминаний участников войны².

В целом, в советский период развития историографии исследуемой нами проблемы отмечены накоплением богатого фактического материала, который не был в достаточной степени осмыслен на основе современных методологических принципов (научность, историзм, объективность, системность).

Новый этап в освещении истории Великой Отечественной войны начался в 1990-х гг. Наступление его связано с демократизацией общественной жизни, открытием секретных фондов и возможностью использования новой методологии. Заметным явлением на этом этапе стало издание фундаментального труда истории Великой Отечественной войны в 12 томах. Это первая попытка в новейшей истории России дать объективную оценку событиям Великой Отечественной

войны. Наибольший интерес по исследуемой теме представляет первый том, где излагаются современные взгляды по основным событиям Великой Отечественной войны³.

О.Л. Опрышко в своей работе «Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» подробно анализирует ход мобилизационных мероприятий по перестройке работы предприятий, учреждений, колхозов и совхозов на военный, приводит новые факты партизанском движению на территории республики⁴. В работе особое внимание уделяется самоотверженности и героизму, проявленному уроженцами республики в тылу и на различных фронтах войны⁵.

Заслуживает внимания исследование М.Х. Гуговой, посвященной социально-культурному и экономическому развитию Кабардино-Балкарии накануне и в начальный период Великой Отечественной войны. Особое внимание автор уделяет деятельности партийных и советских органов власти по мобилизации ресурсов республики для нужд войны⁶.

Особый научный интерес представляет монография известных специалистов в области истории Северного Кавказа советского периода А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Бугая, Е.Ф. Кринко⁷. В книге анализируется широкий круг вопросов: особенности организационно-мобилизационной работы в республиках Северного Кавказа, история национальных частей, сформированных в регионе. Раскрываются причины и масштаб явлений коллаборационизма и антисоветского повстанческого движения, депортации ряда народов с исторической родины.

В монографии рассматривается также один из самых болезненных вопросов, связанных со степенью участия северокавказских народов в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Признавая, что монография представляет собой аналитическое исследование, свидетельствующее о новом уровне научного осмысления рассматриваемой нами проблемы, позволим не согласиться с некоторыми его положениями. Так авторы монографии беспартийно утверждают, что прямым следствием ограничительной политики государства в области призыва и мобилизации по социально-политическим и национальным мотивам стала явная диспропорция по участию различных народов СССР в Великой Отечественной войне. Так, по их мнению, из Кабардино-Балкарии было призвано в 1941 г. 6777 человек, а число безвозвратных людских потерь среди кабардинцев и балкарцев в годы Великой Отечественной войны составило 3,4 тысяч человек⁸.

Исследование архивных документов и деятельность государственных органов власти Кабардино-Балкарии по мобилизации в Красную армию позволяет утверждать, что приведенные цифры не соответствуют действительности. В первый же день войны Великой Отечественной войны Президиум Верховного Совета Союза ССР принял Указ о мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому военным округам от 22 июня 1941 г.⁹

Программным документом военной перестройки всей жизни страны, мобилизации всех сил и средств страны на разгром фашистских захватчиков стала Директива СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 29 июня 1941 года партийным и советским организациям прифронтовых областей. Для руководства перестройкой народного хозяйства в соответствии с требованием военного времени и оперативного решения организационных вопросов Постановлением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР 30 июня 1941 г. был образован Государственный Комитет Обороны (далее – ГКО), наделенный всей полнотой власти в стране¹⁰. Его распоряжения, директивы и постановления должны были иметь статус законов военного времени с обязательным исполнением их всеми государственными, советскими, партийными органами и гражданами. С образованием

ГКО была осуществлена полная централизация власти, окончательно ликвидировано разграничение функций высших государственных и партийных органов.

22 октября 1941 г. ГКО СССР принял постановление о создании в 46 городах и прилегающих районах, представляющих ближайший тыловой район фронта городские комитеты обороны, в том числе Нальчикский¹¹. В ведении Комитетов была сосредоточена вся полнота гражданской и воинской власти республике. Нальчикским комитетом обороны (председатель З.Д. Кумехов – первый секретарь Кабардино-Балкарского областного комитета ВКП(б)) были разработаны мероприятия по обороне республики, мобилизации военнообязанных в ряды Красной Армии, поставке фронту и стране продукции промышленности и сельского хозяйства республики¹². Особое внимание комитет обороны уделял организации военно-учебных пунктов и отправки мобилизованных уроженцев республики на фронт. На пункты приходили военнообязанные и те, которые по возрасту и состоянию здоровья не подлежали призыву. Об этом свидетельствуют документы, рассказывающие о митингах и собраниях, прошедших в первые дни войны на заводах, фабриках, колхозах, организациях и учебных заведениях, где жители республики заявляли о готовности встать на защиту многонациональной Родины и работать во имя победы не покладая рук. В своем обращении в Нальчикский районный военкомат Кишев Х. писал: «Считаю своим долгом вступить в ряды защитников Родины... Прошу направить меня на фронт».

Готовность встать на защиту Родины выразил перед своими односельчанами житель селения Гунделен, участник войны с финнами в 1939–1940 гг., Эфендиев. Он заявил: «Я и мои товарищи готовы идти на фронт, У озера Хасан, на Халхин-Голе, в Финляндии мы доказали, что советское оружие непобедимо. И в этой войне мы победим»¹³.

В первые же дни войны жители республики стали приходиться в Нальчикской городской военкомат с просьбой зачислить в ряды в Красной армии. В своем заявлении рабочий Нальчикского мясокомбината А. Б. Харагезов писал: «Трудно описать мое возмущение... Горю желанием пойти добровольцем на защиту Родины. Убедительная просьба – зачислить меня в Красную Армию». В некоторых письмах звучат нотки благодарной зависти к тем счастливым, которые добились чести быть в ее рядах: «Мои сверстники давно служат в Красной Армии. Я же зачислен в запас второй категории, – пишет М.А. Шевченко. И сейчас, когда нашей стране навязали войну и весь советский народ готовит сокрушительный отпор врагу, вторгнувшимся на нашу священную землю, я считаю, что мое место должно быть на передовых позициях. Поэтому убедительно прошу зачислить меня в ряды Красной Армии и направить в одну из действующих частей».

В другом письме тов. Колобников пишет: До революции я был батраком и не хочу быть снова угнетенным. Прошу зачислить меня в действующие части. Буду честно сражаться, защищая прекрасную Родину»¹⁴.

Многие обращались в военкоматы с просьбой направить их добровольцами в качестве санитарок, медсестер и врачей. Так, врач Нальчикской поликлиники Джашитьян был снят с военного учета. Когда пришло известие о начале войны, он сказал своим товарищам: «Сейчас каждый советский патриот горит желанием отдать все для скорейшей победы над врагом. И я как врач не могу остаться в стороне!» Тов. Джашитьян подал заявление о зачислении его добровольцем в качестве военного врача».

Врач из города Нальчика Н.А. Кожева, муж которой уже был призван в ряды армии, в своем заявлении писала: «Наглая бандитская свора Гитлера посмела посягнуть на нашу священную землю. Я, как и многие советские медицинские специалисты, горю желанием принять самое активное участие в боях с гитлеровской бандой, отдавая все свои знания, умение, энергию на помощь раненым бойцам и командирам доблестной Красной Армии»¹⁵.

Военком КБАССР К.А. Бронзов на заседании Нальчикского городского партактива, состоявшемся 4 июля 1941 года, в докладе о ходе мобилизации в республике сказал «об огромном количестве патриотических заявлений, полученных от граждан и гражданок Кабардино-Балкарии, выразивших свое желание добровольно идти на фронт и громить врага»¹⁶. Подобных заявлений было несколько тысяч и все они выражали единую мысль – твердо и непреклонно защищать свою страну. С началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. тысячи мобилизованных и добровольцев уроженцы Кабардино-Балкарской АССР уходили на фронт. Они сражались на всех фронтах Красной Армии. Среди них были пехотинцы и кавалеристы, танкисты и артиллеристы, летчики, моряки и саперы, прошедшие славный боевой путь от предгорий Кавказа до Берлина. Уже в первые дни войны на территории Прохладненского района КБР была сформирована 175-я стрелковая дивизия, которая выступила на фронт в первых числах июля 1941 г. и принимала активное участие в обороне столицы Украины – Киева. В ее полках и подразделениях подавляющее большинство бойцов и командиров составляли наши земляки. В мемуарах «Так начиналась война» Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза И.Х. Баграмяна сказано: «Особенной стойкостью отличались части 175-й стрелковой дивизии полковника С.М. Гловацкого... сформированной на территории Кабардино-Балкарии. Люди дрались до последней капли крови»¹⁷. На территории Северного Кавказа была сформирована 337-я стрелковая дивизия. По состоянию на 2 октября 1942 г. в дивизии числилось 241 осетин, 196 кабардинцев и балкарцев, 48 представителей народов Дагестана и 40 человек чеченцев и ингушей – 5,3% всего личного состава дивизии¹⁸.

По состоянию на 1 июля 1941 г. в войсках Северо-Кавказского военного округа (далее – СКВО) числилось 4606 кабардинцев, балкарцев, чеченцев, ингушей (3,9% от всего личного состава). В составе войск Северной группы Закавказского фронта на 20 ноября 1942 г. числилось 1215 кабардинцев и балкарцев¹⁹.

Несмотря на приостановку призыва в 1941–1942 гг. по социально-политическим мотивам горских народов, в том числе кабардинцев и балкарцев, их представители продолжали поступать в войска на добровольной основе, так и по призыву. Так, с 16.08.1941 до оккупации Кабардино-Балкарии (10.08.1942 г.) Военный комиссариат Нальчикского района КБАССР* после соответствующей проверки органами НКВД «на благонадежность» направил в Красную армию 2240 призывников²⁰. В основном они направлялись в запасные воинские части и соединения СКВО для массовой подготовки в кратчайшие сроки различных военных специалистов и маршевых подразделений, а также в состав рабочих колонн. По состоянию на 1 апреля 1942 г. в запасных частях СКВО числилось 9160 военнослужащих горских национальностей (25,2% всего переменного состава запасных частей), в том числе 2733 кабардинцев и 412 балкарцев²¹.

19 сентября 1941 г. в СКВО поступила инструкция, утвержденная зам. наркомом СССР и начальником Главного управления формирований и укомплектования войск Красной Армии армейским комиссаром 1-го ранга Е.А. Щаденко за № V/X/875, в которой было предписано, в целях «очищения запасных частей от негодных вражеских и неустойчивых элементов», в переменном составе нужно оставить «только русских, украинцев, белорусов (кроме западных), казанских татар, мордву, грузин, азербайджанцев, евреев. В число отсеянных попали все горские народы и представители среднеазиатских народов.

Как отмечают исследователи А.Ю. Безугольный, Н.Ф. Бугай, Е.Ф. Кринко положение горских народов в частях СКВО стало совсем неопределенным 4 октября 1941 г., когда в округ поступила директива Е. А. Щаденко с перечнем категорий личного состава, подлежащих оставлению в составе рабочих колонн. Представителей

* Книги призыва 1941–1945 гг. Военный комиссариатов КБАССР были уничтожены накануне оккупации республики. Частично сохранились Книги призыва 1941–1945 гг. Военного комиссариата Нальчикского района и Военного комиссариата г. Нальчика.

северокавказских народов в этом перечне не оказалось. В такой ситуации командиры воинских подразделений действовали по своему усмотрению, отчисляя или оставляя в частях горцев²².

В начальный период войны в связи с выбытием из строя значительной части личного состава и кадрового корпуса в Красной армии был дефицит резервов и опытных офицеров и младшего командного состава. Другой серьезной проблемой стало то, что в составе призывных контингентов ряда союзных и автономных республик имелось немало людей, слабо владевших русским языком или совсем не знавших его, что затрудняло их обучение и удлиняло сроки подготовки боевых резервов. Учитывая эти факты, а также предложения партийных и советских органов на местах ГКО СССР постановлением от 13 ноября 1941 г. разрешил ЦК КП(б) и Совнаркомам Союзных и автономных республик формирование 20 кавалерийских дивизий и 15 отдельных стрелковых бригад. Это имело большое военное и морально-политическое значение.

Ответственность за материально-техническое обеспечение и укомплектование национальных соединений личным составом возлагалась на местные органы власти. 25 ноября 1941 г. согласно постановлению ГКО от 13.11.1941 г. командующий войсками Северо-Кавказского военного округа издал приказ о формировании ряда национальных кавалерийских соединений.

13 ноября 1941 г. Нальчикский комитет обороны создал комиссию по формированию 115-й Кабардино-Балкарской национальной кавалерийской дивизии (председатель З.Д. Кумехов). При райкомах также были созданы аналогичные комиссии в составе первых секретарей райкомов партии, председателей райисполкомов, начальников райотделов НКВД и райвоенкоматов. На них возлагалась ответственность за своевременное и качественное выполнение нарядов по формированию подразделений дивизии.

В 115-ю дивизию были направлены в качестве командиров и политработников опытные кавалеристы, наиболее авторитетных коммунисты из партийного и советского актива республики²³.

В научной литературе и воспоминаниях предметом дискуссий является численность состава дивизии. Т.М. Катанчиев, С.И. Аккиева, Х.-М.А. Сабанчиев, опираясь на воспоминания бывших воинов дивизии (без привлечения архивных документов), утверждают, что общая численность 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии составляла 5500 человек²⁴. Между тем, в соответствии с приказом Командующего СКВО от 25 ноября 1941 предполагалось сформировать национальные кавалерийские дивизии численностью 3500 человек, в том числе и 115-ю Кабардино-Балкарскую кавалерийскую дивизию.

Данная цифра подтверждается рядом документов. Это, прежде всего, решение Нальчикского комитета обороны от 25.11.1941 г. о размещении в населенных пунктах республики 3000 человек, призванных в 115-ю Кабардино-Балкарскую национальную кавалерийскую дивизию. Кроме того, согласно письма Нальчикского комитета обороны командованию Северо-Кавказского военного округа от 09.12.1941 г., начальник снабжения 115-й кавдивизии Безруков был командирован в Ростов-на-Дону для получения комплектов черкесок и башлыков в количестве 3500 штук²⁵. И еще один немаловажный факт, для 115-й кавалерийской дивизии колхозы Кабардино-Балкарии дали свыше 3000 лошадей²⁶.

В своей монографии А.Ю. Безугольный, Н.Ф. Бугай, Е.Ф. Кринко на основе архивных материалов указывают, что моменту отправки на фронт численность дивизии составляла 4508 человек, том числе кабардинцев – 2919, русских – 680, балкарцев – 568, других национальностей – 341²⁷.

На наш взгляд, эта цифра наиболее реальная, но с учетом всех приданных 115-й кавалерийской дивизии подразделений²⁸. Полки и подразделения дивизии были укомплектованы личным составом, обеспечены лошадьми, всем необходимым

обмундированием и снаряжением за счет ресурсов республики. В этой связи начальник штаба 115-ой Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии подполковник М.С. Эхохин в своем дневнике отмечал: «К моменту выступления на фронт, хотя дивизия и получила все виды боевого оружия, но все еще далеко не полностью так, например: полностью отсутствовала зенитная батарея, не хватало 25% 76 мм. и 45 мм. орудий, 35% станковых пулеметов и 45% ручных пулеметов. С таким комплектом дивизия вступила в бой 17 мая 1942 г.»²⁹.

Для управления национальными кавалерийскими соединениями на основании приказа командования войсками Северо-Кавказского фронта от 25 мая 1942 г. № 091 создается Отдельный кавалерийский корпус. В состав корпуса вошли 115-ая Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия, 110-ая Калмыцкая кавалерийская дивизия и приданные средства усиления (командир корпуса генерал – майор Б.Н. Погребов, начальник штаба – подполковник К.П. Панасюк оба погибли 29.07.1942 г. в районе с. Мартыновка)³⁰.

Воины 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии в июле-августе 1942 г. героически сражались в районе с. Мартыновка с превосходящими танковыми и моторизованными силами гитлеровцев, развернувших наступление на Сталинград, нанеся им значительные потери в живой силе и технике. Командующий 51-й армией генерал Н.И. Труфанов, отмечая боевые заслуги бойцов и командиров 115-й кавалерийской дивизии, входившей в состав этой армии, писал: «Несмотря на тяжелые потери, дивизия задержала врага, не дала ему прорваться к Волге, с честью выполнила поставленную задачу перед ней»³¹.

Анализируя боевые действия кавалерийской дивизии в районе Мартыновки, начальник штаба М.С. Эхохин в своем дневнике отмечал: «Громадное численное превосходство, как в живой силе, так и в технике, несмотря на все упорство обороны, сделали свое дело – дивизия была, конечно, но как боевая единица перестала существовать. Возникает сам по себе вопрос, и он у нас всегда возникал, правильно ли мы были использованы. Надо ли было бросать дивизию против бронированного кулака, ведь мы все-таки кавалерийская? Мартыновка оказалась не по нашей вине мышеловкой для дивизии, благодаря чему дивизия потеряла значительную личного состава, коней и материально-техническую часть. В этом, безусловно, вина командира корпуса и его штаба, которые, не имея самой должной разведки и не поставив задачи нам на разведку, поставили дивизию и 155 танковую бригаду под удар»³².

Следует уточнить и потери 115-й кавалерийской дивизии. А.Т. Хатукаев в своей работе пишет, что в соответствии с приказом войскам 51-А от 15.10.1942 г. из уцелевших подразделений 115-й кавдивизии были сформированы «истребительно-противотанковый дивизион и отдельные дивизионы разведки, вошедшие в 4-й кавалерийский корпус»³³.

В выявленном в ЦАМО РФ списке потерь личного состава 115-й кавалерийской дивизии, составленном 15.09.1942 г. (за подписью начальника штаба дивизии подполковника М.С. Эхохина) и направленном в Центральное бюро учета потерь личного состава Красной Армии, числится 3019 человек, в том числе погибших – 878, пропавших без вести – 928, попали в плен – 5, эвакуированных – 8, раненных – 846³⁴. Вместе с тем анализ указанных потерь показал, что 219 человек, числившихся пропавшими без вести, оказались живыми. Не удалось пока выяснить судьбу – 135 человек. Полагаем, что они попали в плен.

Наиболее полные данные о призванных в Красную Армию уроженцев Кабардино-Балкарии имеются в официальных источниках. Согласно данным Военкомата КБАССР с начала Великой Отечественной войны всего в Красную Армию по состоянию на 15 августа 1944 г. было призвано из республики без учета балкарцев 48 300 человек человек (см. таб. 1)³⁵.

Таблица 1

Сведения*
о числе лиц, призванных в Красную Армию
с начала Отечественной войны по 15 августа 1944 г.
25 августа 1944 г.

Наименование районов	Призванных с 1941 по 1944 г.					Находятся в КА в данное время				
	всего	из них		по национальности		всего	из них		по национальности	
		офицеры	рядовой и сержантский состав	кабардинцев	других		офицеров	Рядовых и сержантов	кабардинцев	других
Баксанский	3240	123	3117	2426	814	2079	93	1986	1764	315
Зольский	963	35	928	586	377	783	27	756	475	308
Кубинский	2064	154	1910	1439	625	1634	112	1522	1145	489
Лескенский	1964	26	1938	1538	426	1721	22	1699	1463	258
Майский	4089	323	3766	16	4073	2878	263	2615	8	2870
Нагорный	1323	59	1264	1254	69	1120	35	1085	1082	38
Нальчикский РВК	1898	142	1756	1618	280	1435	97	1338	1256	179
Нальчикский ГВК	12150	430	17720	312	11838	10650	270	10380	142	10508
Прималкинский	1676	30	1646	687	989	1089	17	1072	459	630
Прохладненский	7492	235	7257	11	7481	5538	120	5418	2	5536
Терский	3765	145	3620	2484	1281	1917	110	1807	1336	581
Урванский	3528	79	3449	2389	1139	2282	57	2225	1427	855
Советский	747	45	702	747	–	523	32	491	523	–
Чегемский	1920	56	1864	1725	195	840	25	815	727	113
Эльбрусский	1481	65	1416	1112	369	1988	65	1923	1012	976
Всего:	48300	1947	46353	18344	29956	36477	1345	35122	12821	23656

Как видно из таблицы, численность призванных по национальному составу с 1941 по 1944 гг. составляла: кабардинцев – 18344, других национальностей – 29 956 человек. При этом надо еще учесть призванных в 1938–1940 гг., а также в период с 16 августа 1944 по май 1945 г. По разным данным балкарцев было призвано от 7 до 10 тыс.³⁶ С учетом этого призвано в Красную Армию из Кабардино-Балкарии до 60 тыс. человек. Это соответствовало показателям в других регионах к началу 1944 г. – 10–15%.³⁷ Численность безвозвратных людских потерь (убитые, умершие от ран, пропавшие без вести и погибшие в плену) составляют по Книге памяти Кабардино-Балкарской Республики 38 580 человек, в том числе кабардинцев – 14 988 и балкарцев – 4552 русских – 15 750, других национальностей – 3290³⁸.

Одновременно с мобилизацией резервов Нальчикский ГКО большую работу по формированию отрядов народного ополчения, истребительных батальонов, обучению населения военному делу, строительству оборонительных сооружений.

Начавшаяся война потребовала срочного перевода всех предприятий, организаций на жесткий порядок работы. Президиум Верховного Совета СССР, в дополнение к закону «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих

* Указанные сведения составлены без учета балкарцев, так как постановлением ГКО СССР от 05.03.1944 г. балкарский народ 8 марта был выселен из Кабардино-Балкарской АССР.

с предприятий и учреждений» от 26 июня 1940 г, принял 26 июня 1941 г. указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», предоставивший руководителям предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства, торговли право вводить сверхурочные работы. Отменялись все очередные и дополнительные отпуска, они заменялись денежной компенсацией, допускались только отпуска по болезни, по беременности и родам, работникам до 16 лет. В июле 1941 г Совнарком СССР, в целях восполнения трудовых ресурсов, принял постановление «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство», согласно которому им выплачивались пенсии весь период войны независимо от заработка.

Ведение указанных нормативных документов в Кабардино-Балкарии создавали условия для перестройки экономики на нужды фронта. 25 октября 1941 г., согласно постановлению Государственного Комитета Оборона СССР, бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) приняло решение о налаживании и обеспечении выпуска для Красной Армии на предприятиях республики военной продукции. С этой целью создавалась специальная комиссия, которой поручалось «обеспечить массовый выпуск разнообразного вооружения предприятиями республики»³⁹. С конца 1941 г. на гидротурбинном заводе в Нальчике наладили производство мин. В январе 1942-го их было выпущено 25 тысяч штук, а затем их производство возросло до 30 тысяч мин в месяц. Завод, целиком переведенный на изготовление военной продукции, стал также производить гранаты и ранцевые огнеметы. Позже коллектив этого предприятия и группа рабочих Одесского завода имени Октябрьской революции, прибывшая в Нальчик с заводским оборудованием, наладили выпуск реактивных снарядов для гвардейских минометов-«катюш»⁴⁰.

В цехах Тырныаузского комбината шло изготовление мин, гранат и ранцевых огнеметов. Боеприпасы также производились на Нальчикском мясокомбинате, обособленном заводе и фабрике «Чинар». Из Кабардино-Балкарии на военные заводы страны, выпускавшие самолеты, поставлялась высококачественная авиа фанера до 1200 кубометров в месяц, которую до оккупации республики в 1942 г. гитлеровцами выпускал Лескенский фанерный завод.

На Прохладненском мотороремонтном заводе, с осени 1941 г. вошедшем в состав ремонтной базы № 12 Главного автобронетанкового управления Красной Армии, ремонтировались доставляемые с фронта танки. За период с середины ноября по декабрь здесь было отремонтировано 40 боевых машин, которые 25 декабря «отгрузили на фронт». 30 января в действующую армию отправили новый эшелон с 10 танками. Докшукинский (Нарткалинский) ацетонобутаноловый завод поставлял для оборонной промышленности свою продукцию, а коллектив Нальчикской кондитерской фабрики приступил к выпуску специальных пищевых концентратов в пакетах и продовольственных брикетов, предназначенных для снабжения бойцов Красной Армии. Помимо этого, «по централизованным спецзаказам», полученным в сентябре 1941 г. из Москвы, были изготовлены и отправлены для нужд Красной Армии десятки тысяч патронных сумок, маскировочных костюмов, бидонов для бензина, пулеметных подставок, седел, кружки жестяные – «неограниченное количество», полушубков, тысячи меховых жилетов, пар валенок⁴¹.

Одновременно в Кабардино-Балкарии началось движение по оказанию помощи фронту, которое приняло разнообразные формы: сбор средств для нужд Красной Армии и отправка теплых вещей и подарков бойцам и командирам. С первых дней Великой Отечественной войны трудящиеся Кабардино-Балкарии с большим энтузиазмом откликнулись на призыв об укреплении оборонной мощи РККА. Об этом свидетельствует Информация Нальчикского ГКО о поступлении средств в Фонд обороны СССР: «От трудящихся Кабардино-Балкарии в Фонд обороны страны на 10 января 1942 г. поступило 3 млн. 300 тыс. руб. деньгами, облигаций – на 4 млн. 839 тыс. руб., 181 тонна зерновых, 73 тонны подсолнечника, 956 центнеров мяса, пищевых заготовок на 9527 руб.»⁴².

С начала сентября 1941 года по призыву ЦК ВКП(б) по всей стране развернулось всенародное движение по сбору теплых вещей для Красной Армии⁴³. С большим патриотическим подъемом и энтузиазмом населения проходило оно и в Кабардино-Балкарии. Для практической работы по сбору теплых вещей для Красной Армии при обкоме ВКП(б) была создана комиссия из ответственных работников республики. Комиссии с аналогичными функциями создавались при райкомах ВКП(б) и сельских исполкомах. Сбор теплых вещей для воинов Красной Армии проходил по всей Кабардино-Балкарии. И повсюду эта кампания находила горячий отклик у людей, готовность помочь защитникам Отечества, сражавшимся с гитлеровскими захватчиками. 19 февраля 1942 г. первый секретарь обкома партии З.Д. Кумехов в телеграмме, направленной в ЦК ВКП(б), сообщил об итогах патриотического движения, проходившего под лозунгом «Теплые вещи – защитникам Родины!»: «В Кабардино-Балкарии с начала кампании по 15 февраля собрано у населения теплых вещей, материалов для Красной Армии: полушубков, бурок – 7100, жилетов меховых – 4270, валенок – 7950, шапок – 10 900, теплых рукавиц, перчаток, варежек – 15 200, теплых носков, чулок, портянок – 28 500, белья – 6580 пар, шаровар – 3240, курток ватных – 7500, прочих вещей – 44 200, овчин – 39 тысяч, шерсти – 32 тонны. Изготовлено из шерсти, овчин: валенок – 6140 пар, носков, чулок – 870 пар, полушубков – 5170, жилетов меховых – 4150, рукавиц – 1150, шапок – 1300⁴⁴.

С переводом народного хозяйства на военный лад промышленность республики испытывала нехватку рабочих рук, так как наиболее дееспособная часть мужчин ушли на фронт. Ряды рабочих промышленных предприятий стали пополнять женщины и подростки.

Наиболее трудная ситуация сложилась в сельскохозяйственном производстве республики. Ведь в течение первого периода войны из сельских районов Кабардино-Балкарии основная часть мужчин была призвана и отправлена на фронт. Среди них были бригадиры, заведующие фермами, механизаторы, агрономы, зоотехники и другие специалисты сельского хозяйства. В этой связи многие женщины заменили своих мужей, ушедших на фронт. Всего первые месяцы в колхозах Кабардино-Балкарии работали 30 373 женщин, в том числе трактористами и комбайнерами – 782⁴⁵.

Создавались краткосрочные курсы по подготовке трактористов, комбайнеров и других специалистов сельскохозяйственного производства, где обучались несколько тысяч женщин и мужчин непризывного возраста. В марте 1942 г. было подготовлено 13 тысяч различных специалистов сельскохозяйственного производства⁴⁶.

Кроме того, в соответствии с постановлением СНК СССР от 2 июля 1941 г. «О привлечении в военное время учащихся 7–10 классов к участию в сельскохозяйственных работах» органы народного образования Кабардино-Балкарии привлекли учащихся 7–10 классов к участию в сельскохозяйственных работах в колхозах сроком до 1 ноября 1941 г. Но в связи со сложной обстановкой на Южном фронте, где враг подходил к Ростову и возникла угроза его прорыва на Северный Кавказ, необходимо было ускорить уборку урожая. 5 ноября руководство республики в соответствии с указанным постановлением Совнаркома СССР от 2 июля 1941 г. приняло решение о привлечении в организованном порядке для участия в сельскохозяйственных работах в колхозах наряду со старшеклассниками и учащихся 5–6 классов. Срок участия в сельскохозяйственных работах с 5-го по 10-ый класс устанавливается до 1 декабря 1941 г. В условиях острой нехватки рабочей силы в деревне эта помощь школы имела большое значение в деле своевременного и качественного проведения в сжатые сроки полевых работ. В дальнейшем весь период Великой Отечественной войны учащиеся школ Кабардино-Балкарии, как и студенты всех учебных заведений, принимали самое активное участие в работе

на колхозных полях, тем самым оказывая большую помощь в снабжении Красной Армии продовольствием⁴⁷. Благодаря самоотверженному труду колхозников, студентов и учащихся колхозники Кабардино-Балкарии в 1941 г. убрали урожай на 20 дней раньше намеченного срока.

Таким образом, государственные органы власти в начальный период войны обеспечили мобилизацию всех ресурсов Кабардино-Балкарии для фронта. Своевременно была проведена мобилизация в Красную армию призывников и добровольцев, которые принимали участие в боевых действиях на всех фронтах Великой Отечественной войны. Оперативно была осуществлена перестройка экономики для нужд фронта, что позволило наладить поставку некоторых видов вооружения, обмундирования и ремонт танков. Организован сбор и отправка средств в фонд обороны страны и теплых вещей и подарков бойцам и командирам Красной армии. В то же время в изучении указанной проблемы остается много не исследованных до конца вопросов: ограничительная политика государства в области призыва и ее результаты, дезертирство и коллаборационизм в регионе, судьба военнопленных.

Примечания

1. *Жакомихов Т. А.* Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и его восстановление в послевоенные годы (1946–1950 гг.) // История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1967. Ч. II. С. 97–144.

2. *Хакуашев Е. Т.* Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик, 1978. 318 с.; *Он же.* Героизм сынов и дочерей Кабардино-Балкарии в наступательных боях // История Кабардино-Балкарской АССР. М.: Наука, 1967. Т. 2. С. 259–276; *Он же.* Боевое братство: 1941–1945 гг. Нальчик: Эльбрус, 1983. 167 с.

3. История Великой Отечественной войны в двенадцати томах 1941–1945 гг. Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. Т. 1. 848 с.

4. *Опрышко О. Л.* Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // История многовекового содружества: К 450-летию единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. С. 378–400.

5. Кабардино-Балкария: Тыл и фронт 1941–1945 (к 60-летию Великой Победы) / сост.: Х. М. Думанов, В. Х. Кажаров, А. И. Тетуев, О. Л. Опрышко. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 338 с.

6. *Гугова М. Х.* Кабардино-Балкария накануне и в начальный период Великой отечественной войны // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 2 (37). С. 23–29.

7. *Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2012. 479 с.; *Бугай Н. Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х гг. // История СССР. 1989. № 6. С. 135–144; *Он же.* Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: документы, факты, комментарии. М., 1992. 228 с.; *Он же.* Л. Берия – И. Сталину: «согласно вашему указанию...». М., 1995. 320 с.

8. *Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф.* Указ. соч. С. 122, 164.

9. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Сборник документов и материалов). Нальчик: Эльбрус, 1975. С. 23.

10. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5: Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества. 1938–1958 гг. Кн. 1 (1941–1945 гг.). М., 1970. С. 156–164.

11. Российский государственный архив общественно – политической истории (РГА-СПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 180–181.

12. Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы КБР (далее – УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 88. Д. 1. Л. 130.

13. Кабардино-Балкария: Тыл и фронт 1941–1945. Указ. соч. С. 8.

14. *Жилин А.* Корреспонденция «Поток заявлений о добровольном вступлении в Красную Армию // Молодой сталинец. 1941. 24 июня.

15. Сообщение о просьбе врача Нальчикской поликлиники Джашистьян зачислить его добровольцем в Красную Армию // Социалистическая Кабардино-Балкария 1941 г. 24 июня. № 147.
16. Социалистическая Кабардино-Балкария 1941. 6 июля.
17. *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. К.: Политиздат Украины, 1988. С. 286, 239, 243.
18. *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Указ. соч. С. 184, 186.
19. *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Указ. соч. С. 184, 185.
20. Архив военного комиссариата г. Нальчика Кабардино-Балкарской Республики // Книга призыва в Красную Армию Нальчикским районным военным комиссариатом КБАССР в 1941–1942 гг. Лл. 71–444.
21. *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Указ. соч. С. 178, 179.
22. Там же. С. 174–177.
23. Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы КБР (далее – УЦДНИ АС КБР). Ф. 26. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.
24. *Катанчиев Т.М.* Правда о дивизии. К истории 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик: Эль-Фа, 1999. С. 9; *Акжиева С.И., Сабанчиев Х.-М.А.* Указ. соч. С. 9.
25. *Лики войны: Сб. документов и материалов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).* Нальчик, 1996. С. 58, 69.
26. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Сборник документов и материалов). Нальчик: Эльбрус, 1975. С. 423.
27. *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Указ. соч. С. 200.
28. *Лики войны... С. 77.*
29. Дневник командира 115 кавалерийской дивизии полковника Эхонина // Центральный архив Министерство обороны. Ф. 3624. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
30. Центральный архив Министерство обороны (далее – ЦАМО). Ф. 3624. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
31. *Хатукаев А.Т.* Славой овейянные. Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской дивизии. Нальчик, 1985. С. 162, 1799.
32. Дневник командира 115 кавалерийской дивизии полковника Эхонина // Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 3624. Оп. 1. Д. 1. Л. 41, 50.
33. *Хатукаев А.Т.* Славой овейянные. Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик, 1985. С. 164.
34. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1890.
35. Сведения о числе лиц, призванных в Красную Армию с начала Великой Отечественной войны по 15 августа 1944 г. // УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 170. Л. 61.
36. *Тетуев А.И.* Зарубежная диаспора карачаевцев и балкарцев: история и современность. Нальчик, 2016. С. 86; *Сабанчиев Х.-М.А.* Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 33.
37. *Мякишев А.П.* Коллаборационизм на Северном Кавказе: историческая правда или исторический миф // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Вып. 4. С. 114.
38. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Сборник документов и материалов). Нальчик: Эльбрус, 1975. С. 658; Книга Памяти: Российская Федерация. Кабардино-Балкарская Республика. Т. 1 // ред. коллегия: К.Ф. Дзамихов (председатель) и др.; [Сост. О.Л. Опрышко, А.И. Тетуев, Х.А. Атабиев]. Нальчик: Эльбрус, 2014. 448 с.; Т. II. 2015. 408 с.; Т. III. 2015. 424 с.; Т. IV. 216. 424 с.
39. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 88. Д. 1. Л. 131.
40. Кабардино-Балкария: Тыл и фронт 1941–1945. Указ. соч. С. 23.
41. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 17–19, 20–22; Кабардино-Балкария: Тыл и фронт 1941–1945. Указ. соч. С. 24.
42. Кабардино-Балкария: Тыл и фронт 1941–1945. Указ. соч. С. 33.
43. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 415. Л. 17–26–28.
44. Кабардино-Балкария: Тыл и фронт 1941–1945. Указ. соч. С. 32.
45. УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 4. Д. 10. Л. 8, 23; Ф. 1. Оп. 1. Д. 289. Л. 16; *Каменева Г.Н.* Патриотическая деятельность женщин Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Миркаль, 2014. С. 23, 24.
46. Там же.
47. Кабардино-Балкария: Тыл и фронт 1941–1945. Указ. соч. С. 21.

**THE RESTRUCTURING OF THE ECONOMY OF KABARDINO-BALKARIA
ON A MILITARY BASIS AND THE MOBILIZATION OF ALL RESOURCES
IN THE INITIAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Tetuev Alim Inzrelovich, Doctor of History, Leading Researcher of the Recent History Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alim-tetuev@mailru

The article analyzes the historiography and the process of restructuring the economy of Kabardino-Balkaria on a military basis in the initial period of the Great Patriotic War. The experience of state authorities in mobilization of conscripts and volunteers to the Red Army is summarized. Special attention is paid to the formation and participation in hostilities of the 115th Kabardino-Balkarian cavalry division. On the basis of new sources, the total number of those called up to the Red Army and killed during the war years has been revealed. It covers the activities of the republican enterprises for the manufacture of military products for military units and the organization of the repair of military equipment. The work of state authorities, enterprises and collective farms on the training of women and men of non-conscript age specialists for work at industrial enterprises and in agricultural production is analyzed. The organization of the collection of funds to the National Defense Fund and warm clothes, gifts for the Red Army is being investigated.

Keywords: Great Patriotic War, Kabardino-Balkaria, mobilization, front, cavalry division, economic restructuring, fundraising, defense fund.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-21-32

УДК 94:37.014(470.64).08

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-33-38

**ПЕРЕД ЛИЦОМ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА:
РАЗМЫШЛЕНИЯ К ПОЛОЖЕНИЮ
ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
(2000–2014)**

Алов Тимур Хазраилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), aloborsa@mail.ru

Проблематика защиты языковых прав меньшинств является одной из сфер, в которых проявляется степень сбалансированности межэтнических отношений в сложно-устроенных полиэтничествах. Об уровне комплиментарности последних к лингвистическим запросам миноритарных сообществ можно безошибочно судить по степени включенности тех или иных языков в государственную систему образования.

В фокусе настоящего исследования оказывается положение черкесского языка в одном отдельно взятом сегменте системы образования в Кабардино-Балкарской Республике. Аналитическая оптика направлена на выяснение условий функционирования черкесского языка в дошкольных образовательных учреждениях республики. Исследовательская перспектива выстраивается на соотношении наличествующих в республике институциональных ресурсов, демографического потенциала и лингвистического запроса населения на всестороннее изучение черкесского языка и де-факто реализуемой в рамках системы образования курса на профанацию идеи полилингвального обучения.

Ключевые слова: черкесский язык, дошкольное образование, Кабардино-Балкарская Республика, институциональная инфраструктура.

Одно из распространенных в лингвистике определений языка гласит, что это исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе. Однако полноценное функционирование этой системы возможно лишь при условии социальной (экономической, политической, демографической и т.д.) стабильности, практикующей тот или иной язык популяции. Одним из ключевых параметров, выражающих устойчивость социума в лингвистическом отношении и одновременно определяющим фактором витальности языка, выступает качество инфраструктуры его межпоколенной трансмиссии. В условиях современных урбанизационных процессов и стандартизации повседневной жизни модусы передачи культурного багажа, в том числе языковых компетенций от старших к младшим поколениям, претерпевает существенные, порой кардинальные изменения. Очевидно, что центр тяжести в процессах социализации личности переместился от семьи/округи/общины в сторону системы государственного образования. В этой связи не случайно, что базовым институтом культурной трансмиссии в современной социологии признана система образования, обеспечивающая передачу культурного багажа от старших поколений (воспитатели дошкольных учреждений, учителя

школ, преподаватели высшей школы) к младшим (от дошкольников до студентов) посредством санкционированных государством механизмов обучения. В РФ данная система, как и в большинстве стран, градуируется несколькими уровнями (дошкольное, начальное, школьное и т.д.). От налаженного преподавания языка на каждом из них, в конечном итоге, и зависит степень языковой компетенции каждого нового, вступающего во взрослую жизнь поколения. Вместе с тем, следует подчеркнуть особую роль, которая возложена на систему дошкольного образования в деле гарантированной качественной передачи языковых навыков. На лингвосоциальных аспектах ее функционирования в Кабардино-Балкарской республике (КБР) сосредоточивается внимание настоящего текста. При этом следует оговориться, что анализируемая здесь ситуация и фактология целиком относятся к периоду предшествовавшему дискриминационному крену, обозначившемуся в действиях Москвы с середины 2017 г. (выступление В. Путина в Йошкар-Оле относительно необходимости преференций для русского языка, антиконституционный закон, направленный на подрыв миноритарных языков в республиках, принятый Государственной Думой летом 2018 г., закрепление «особого» статуса русского народа в концепции национальной политики РФ, принятой осенью 2018 г., выделение 80 млн. рублей на «поддержку» миноритарных языков РФ, тогда как на развитие условий функционирования русского языка в 2018–2020 гг. планируется затратить более 7 млрд. рублей). Представляется, что исследование ситуации, сложившейся до текущей фазы этноязыковой турбуленции, позволит выстроить максимально корректную оптику анализа.

Прежде всего следует артикулировать значение дошкольного возраста с точки зрения обеспечения эффективного вовлечения детей в стихию родного языка. Овладение родным языком, развитие речи является одним из самых важных приобретений ребенка в дошкольном возрасте и рассматривается в современном дошкольном воспитании как общая основа воспитания и обучения детей. И здесь важным элементом механизма полнокровной передачи языковых компетенций наряду с семьей связующим звеном между родителями и детьми в процессе освоения родного языка выступает или должен выступать детский сад, в который ребенок попадает в период бурного развития его когнитивных способностей. Соответственно, дошкольный возраст – это период, когда дети активно усваивают разговорный язык. Как известно, в этом возрасте ребенок осваивает все разнообразие окружающей языковой стихии (фонетику, лексику, грамматику). Полноценное овладение родным языком в дошкольном возрасте является необходимым условием для решения задач умственного, эстетического и нравственного развития, а также последующей полноценной социализации. Однако этот, характеризующийся гиперспособностью к восприятию и ускоренному закреплению нового знания период весьма краток. Уже к 6–7 летнему возрасту пластичность нервной системы начинает существенно снижаться (до недавнего времени полагали, что такая благоприятная фаза у ребенка продолжается до 11–12 летнего возраста) и это сказывается на способности к развитию когнитивных навыков, в частности, языковых.

В случае, если упускается промежуток жизни ребенка, когда мозг максимально пластичен и способность создания новых нейронных связей и выстраивания релевантных внешней среде репрезентаций отличается наивысшими показателями, полноценное восполнение этого пробела в будущем становится невозможным. Относительно языковых компетенций, в таком случае можно говорить если не о нейрофизиологическом зиянии, то по меньшей мере о мало поддающихся полноценной коррекции когнитивных дефектах.

Эти обстоятельства подвигли к попытке выяснения степени адекватности системы дошкольного образования в КБР современным вызовам по обеспечению полилингвального образования на базе инклюзивной языковой политики.

Кабардино-Балкария, с ее 2/3 черкесского населения (удельный вес которого продолжает расти) представляет собой мощный в демографическом, культурном и интеллектуальном отношении анклав черкесов на Северном Кавказе. Более того, с момента обрушения тоталитарной системы демографическое давление нетитульного населения существенно спало (с 38% до примерно 20%) и продолжает снижение. Если в 50-х гг. XX в. удельный вес черкесов в столице республики едва превышал десятипроцентную отметку, то сегодня Нальчик – город уже преимущественно черкесским населением. Черкесская идентичность в республике обладает мощной инфраструктурой самоподдержания не только в виде десятков крупных сел (с населением от 5 до 15 с лишним тысячами жителей в каждом). Она устойчиво регенерируется и с опорой на сеть малых (по российской шкале) городов с десятками тысяч жителей (Баксан, Нарткала, Терек, Чегем, Залукокоаже).

На этом фоне наличие институциональных инструментов (продекларированный на конституциональном уровне статус государства, Главы и Парламента республики и т.д.) защиты этнокультурных интересов, казалось, обещало безболезненное, гарантированное поддержание языковых и идентитарных основ развития республики. Однако сложившиеся к исходу первого десятилетия XXI в. реалии были таковы, что образование на родном языке не было налажено ни в начальной, ни в средней и тем более высшей школе. Как следствие (и во многом сопутствующее явление) черкесский язык не стал рабочим ни в делопроизводстве, ни в экономике и политике. Более того, при ознакомлении с открытыми сведениями, относящимися к сферам, в которых формируется инфраструктура культурного суверенитета народа, обнаруживаются явные провалы ведомств, отвечающих за образование и культуру в КБР. Не вдаваясь в анализ всего спектра направлений, требующих кардинального пересмотра принципов и методов работы, укажем лишь на пример культурного нигилизма со стороны республиканских ведомств в одном конкретном сегменте системы образования.

Согласно данным Росстата за 2011 г., в КБР зафиксировано 15 дошкольных учреждений, то есть детских садов, в которых работа велась на черкесском языке¹. В Республике Татарстан, которая с момента краха Советского Союза выступает флагманом по продвижению принципов федерализма и защите языковых и культурных прав республик в РФ, в это время зафиксировано 1544 подобных учреждений². Разница в тысячу раз (sic!) Это при том, что численность татар в Татарстане лишь в четыре раза превышает данный показатель у черкесов в КБР.

Для полноты и объективности взгляда на ситуацию уместно обратиться к более близкому (по крайней мере географически) примеру соседней с КБР Республики Северная Осетия-Алания³. Хотя эта республика ни демографически, ни экономически не сопоставима с Татарстаном, количество дошкольных учреждений с осетинским языком воспитания в 2011 г. там достигло 199. Это при том, что численность осетин уступает черкесскому населению в КБР.

Показательно, что цифровые показатели 2011 г. находятся в явственной корреляции с последующими стратегиями в области языкового строительства, продемонстрированными вышеуказанными республиками.

Так, с февраля 2012 г. в Татарстане стартовала программа по изучению государственных языков в дошкольных учреждениях. В соответствии со «Стратегией развития образования в Республике Татарстан на 2010–2015 годы «Килэчэк» – «Будущее» творческой группой, созданной Министерством образования и науки Республики Татарстан, разработан учебно-методический комплект по обучению детей двум государственным языкам в дошкольных образовательных учреждениях Республики Татарстан⁴.

В целях успешного внедрения учебно-методического комплекта в дошкольных образовательных учреждениях, в 2011–2012 учебном году Министерством образования и науки Республики Татарстан подготовлены тьюторы по обучению

татарскому языку русскоязычных воспитателей дошкольных образовательных учреждений по специально разработанной программе⁵.

Второй пример. На заседании комиссии, которое прошло под руководством Главы республики Северная Осетия-Алания В. Битарова, обсуждались итоги реализации мероприятий государственной программы «Национально-культурное развитие осетинского народа» на 2018–2020 годы за первое полугодие текущего года. О поэтапном внедрении полилингвальной (осетинско-русской) модели образования в школы и детские сады республики рассказала министр образования и науки И. Азимова. С нового учебного года обучение и воспитание по этой системе планируется внедрить в 16 школьных и 23 дошкольных учреждениях Владикавказа и районов. Как подчеркнула Азимова, со временем перечень учебных заведений будет расширяться⁶.

В Кабардино-Балкарии усилия республиканских ведомств в последние годы сводятся лишь к тому, что «в дошкольных группах занятия по изучению родного языка проводятся в игровой форме 2 раза в неделю. Длительность занятий составляет 20–30 минут»⁷.

Ретроспективный взгляд на ситуацию с родным языком в дошкольных учреждениях за декаду до 2011 г. также удостоверяет в преобладании тревожных тенденций в этой сфере. Весьма красноречивыми в этом плане представляются данные социолингвистических опросов, проведенных среди старшеклассников в 2001 г. Согласно этим результатам, лишь 28,9 % из них ходили в детский сад с русским языком воспитания. В том же году 22,2% респондентов посещали детский сад с родным языком воспитания⁸. В ходе проведенных опросов было выявлено, что 41,9% опрошенных посещали дошкольное учреждение с родным и русским языком воспитания. В последующем ситуация существенно изменилась, что позволило инициаторам опроса утверждать, что «в дошкольных учреждениях в 2001 г. большее количество опрошенных... воспитывались в условиях двуязычной среды»⁹.

Обозначившаяся тенденция к деградации дошкольного образования на родном языке тем удивительнее, что республиканские институции открыто игнорируют языковые запросы населения. Такое заключение проистекает из данных, предоставленных в 2014 г. образовательными учреждениями г. Нальчик относительно языковой компетенции детей дошкольного возраста. Согласно этим сведениям, 82% черкесских детей дошкольного возраста говорили на родном языке. Доля понимающих, но затрудняющихся разговаривать на нем составляла 12%. И лишь 6% детей совсем не владели черкесским языком¹⁰. Подобная статистика позволяет заключить, что сложилась ситуация, характеризующаяся явной раскоординированностью между лингвокультурными запросами/стратегиями населения и системой институций, призванной обеспечить их полнокровную реализацию.

Необходимость адекватного понимания истоков и инструментов профанации идеи создания полноценной системы образования на родном языке, обнаружившейся при обращении к статистическим сведениям, побуждает к выяснению хотя бы наиболее рельефно выраженных черт деструктивной институциональной активности. Если попытаться хотя бы пунктирно обозначить ее динамику, которая в конечном итоге купировала все интенции к ренессансу черкесского языка, можно в качестве отправной точки обратиться к первым отчетливым шагам республиканской власти в условиях перестроечной либерализации и под нажимом демократической общественности. В частности, можно упомянуть приказ Министерства народного образования КБАССР «О введении обучения родным языкам в национальных детских садах (группах) в КБАССР (Приказ № 279 от 18 августа 1989 г.)»¹¹. 17 января 1990 года данное ведомство подготовило другой документ «О мерах по повышению роли родных языков в учебно-воспитательном процессе общеобразовательных школ, профтехучилищ и дошкольных учреждений г. Нальчика»¹². Однако уже тогда, согласно выводам исследователей, обозначилось «саботирующее» отношение многих управленцев к подобным инициативам¹³.

Хотя тезис о том, что функционирование языка в системе образования представляет собой «важнейший аспект, ибо обучение на языке обеспечивает его выживание и развитие»¹⁴ давно стал аксиомой в языкознании, властные институты, не подотчетные населению, редко проявляют склонность к тратам, мотивированным идеалистическими соображениями. Судьба черкесского языка стала наглядным тому подтверждением. К 1997 году, когда национально-демократическое движение, инициировавшее в свое время политику языкового возрождения черкесов, в силу ряда причин потеряло былую мощь, «процесс перехода на родной язык обучения постепенно свернулся»¹⁵.

И хотя лишь годом ранее в КБР была утверждена «Государственная Программа развития языков народов Кабардино-Балкарской Республики» с многомиллионным бюджетом, рассчитанной на десять лет, к концу этого срока ситуация, наоборот, ухудшилась.

Как справедливо отмечается в одной из работ, новая редакция закона «О языках народов КБР», изданная в марте 2003 г., явственно ограничила функциональное поле черкесского языка. Так, в нее не был включен пункт 3 статьи прежней редакции 1994 г., где говорилось, что «официальные документы, удостоверяющие личность гражданина или сведения о нем, оформляются с учетом национальных традиций именованья, специфики языков народов Кабардино-Балкарской республики»¹⁶. Здесь же отмечается, что статьи 14 и 15 новой редакции закона «О языках» официальную переписку между учреждениями и организациями, а также судопроизводство и делопроизводство в судах и правоохранительных органах предписывают вести только на государственном языке РФ, тем самым исключив возможность использования черкесского языка для этих целей, что предусматривалось в редакции 1994 года¹⁷.

Закон об образовании, принятый в 2013 г., также в значительной степени дезавуировал достижения в языковой сфере в первой половине 1990-х гг. Разумеется, на фоне такого устойчивого тренда политико-правового отторжения интенций к полноценному лингвистическому равноправию кризис с обучением родному языку в системе дошкольного образования подтверждает сложившийся в республике неблагоприятный языковой режим для носителей черкесского языка.

Примечания

1. Образование на языках народов России // [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Образование на языках народов России](https://ru.wikipedia.org/wiki/Образование_на_языках_народов_России) (дата обращения: 20.09.2018).

2. Там же.

3. Там же.

4. «Новые подходы в обучении детей двум государственным языкам – русскому и татарскому в дошкольных образовательных учреждениях Республики Татарстан» // <https://gigabaza.ru/doc/98749.html> (дата обращения: 20.10.18); Направления Стратегии развития образования «Килэчэк» – «Будущее» 2010–2015 гг. // [mon.tatarstan.ru/rus /file/pub456134. pdf](http://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub456134.pdf).

5. *Галютдинова Л.Р.* Обучение государственным языкам в дошкольных образовательных учреждениях как основа формирования культуры толерантности // [https://infourok.ru/statya – obuchenie – gosudarstvennim – yazikam – v – usloviyah – dou 44761. Html](https://infourok.ru/statya-obuchenie-gosudarstvennim-yazikam-v-usloviyah-dou-44761.html)

6. Образование на двух языках введут в Северной Осетии // [https://sputnik – ossetia](https://sputnik-ossetia).

7. *Башиева С.К., Улаков М.З., Хамдохова Ж.М.* Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской республике: состояние и проблемы. Нальчик, 2016. С. 116.

8. Там же. С. 119.

9. Там же. С. 120.

10. Там же.

11. Там же. С. 36.

12. Там же. С. 38.

13. Там же. С. 36.

14. Гак В.Г. К типологии форм языковой политики // Вопросы языкознания. 1989. № 5. С. 130.
15. Башиева С.К., Улаков М.З., Хамдохова Ж.М. Указ. соч. С. 114.
16. Мирзаканова Е.А. Современные этноязыковые процессы и проблема сохранения языка // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2004. Вып. 11. С. 137.
17. Там же.

**FACING A LANGUAGE SHIFT:
REFLECTIONS ON THE POSITION
OF THE CIRCASSIAN LANGUAGE IN PRESCHOOL EDUCATION
IN THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC
(2000–2014)**

Aloev Timur Khazrailovich, Senior Researcher of the Department of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), aloborsa@mail.ru

The issue of the protection of the linguistic rights of minorities is one of the areas in which the degree of balance of inter-ethnic relations in complex polities is manifested. The level of complementarity of the latter to the linguistic needs of minority communities can be accurately judged by the degree of involvement of certain languages in the state education system.

The focus of this study is the position of the Circassian language in one particular segment of the educational system in the Kabardino-Balkarian Republic. Analytical optics is aimed at clarifying the conditions for the functioning of the Circassian language in preschool educational institutions of the republic. The research perspective is built on the correlation of the institutional resources available in the republic, the demographic potential and the linguistic demand of the population for a comprehensive study of the Circassian language and the de facto course of profanation of the idea of multilingual education implemented within the educational system.

Keywords: Circassian language, preschool education, Kabardino-Balkarian Republic, institutional infrastructure.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-33-38

КРИЗИС ВЛАСТИ И ОБОСТРЕНИЕ КРИМИНОГЕННОЙ ОБСТАНОВКИ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), osman.zhansitov@yandex.ru

Данное исследование сфокусировано на проблемах обострения криминогенной обстановки в Кабарде в ситуации социально-политических турбуленций. С одной стороны, криминализация населения рассматривается как следствие дезорганизации (вакуума) власти, с другой – связывается с деятельностью политических сил, провоцирующих и использующих рост преступности, облакаемой в формат социального движения, в качестве инструмента для демонтажа существующей государственной системы. Показано, как призывы большевиков к неповиновению властям, захвату частной собственности, расправе над «врагами революции» переходят рамки политической борьбы и приобретая отчетливый уголовный оттенок, оборачиваются неконтролируемыми, массовыми случаями нарушения закона, затрагивающими все, в том числе и лояльные к советской власти слои общества. Рассматривается деятельность «белой» администрации Кабарды по обеспечению правопорядка, осложнявшейся, во-первых, стремлением пострадавших при большевиках жителей, вне правового поля вернуть утраченную собственность, во-вторых – наличием большевистского подполья, подстрекающего население к противозаконным действиям, и, в-третьих, трудностью применения общероссийских правоохранительных практик, обусловленной незавершенностью процесса интеграции местного социума в административно-правовое поле страны.

Ключевые слова: революция 1917 г., гражданская война, Кабарда, народная милиция, преступность, советская власть, контрреволюция, большевизм, деникинская администрация.

В дореволюционный период царская администрация в целом справлялась с вопросами поддержания правопорядка в Кабарде. В отличие от соседних Ингушетии и Чечни, где «земельный голод» и общая экономическая неустроенность провоцировали горцев на противоправные действия, выливающиеся порой в абреческие движения, большинство кабардинцев не испытывало недостатка в земельных наделах, было хозяйственно обеспечено. Соответственно, в этих условиях, основная масса населения Нальчикского округа объективно не была поставлена перед необходимостью обеспечения себя незаконными методами.

Конечно имели место преступления на бытовой почве, конокрадство и всякого рода мелкие правонарушения, которые, однако не приобретали массовый и неконтролируемый характер. Конфликтный потенциал в обществе, провоцируемый спором за пастбищные участки между крупными коннозаводчиками и владельцами незначительных поголовий крупного рогатого скота, который вылился в 1913 г. в Зольское восстание, к 1917 г. был в целом нейтрализован. У администрации к тому же имелся ресурс к пресечению возможных на этой почве преступлений со стороны считающих себя неудовлетворенными групп населения.

Падение самодержавия и переход власти в России к Временному Правительству в первое время не привели к серьезным потрясениям в стране. В Нальчикском

округе положение также оставалось спокойным. Однако формировавшиеся новые органы власти как в центре, так и на местах не пользовались, в отличие от имперской администрации авторитетом. В состоянии всеобщей эйфории после отречения царя, предвкушения либерализации всех сторон жизни население ждало скорейшего удовлетворения накопившихся при прежнем режиме претензий, к чему новые власти не были готовы.

В Кабарде подобная ситуация привела к тому, что отдельные крестьяне, надеющиеся получить в пользование дополнительные земельные наделы, в условиях отсутствия твердой власти предпринимали попытки самовольного захвата участков, находящихся в собственности или на правах аренды у коннозаводчиков.

Положение усугублялось тем, что большевики, заинтересованные в дезорганизации действующего режима и стремившиеся сформировать в регионе свою социальную базу, открыто призывали недовольные слои населения к подобно-го рода действиям, которые грозили принять стихийный характер. Принимая во внимание неблагоприятные последствия такого сценария Прокурор Терской области счел необходимым предупредить большевистских лидеров Нальчикского округа о том, «...что всякие провокаторские выступления и попытки натравлять одну часть населения на другую, вносящие смуту и мешающие спокойной работе демократических организаций будут преследоваться по всей строгости закона»¹. В то же время Нальчикский областной исполнительный комитет (орган Временного Правительства) в обращении к населению округа призвал «не допускать в отношении владельцев крупных земельных участков никаких насилий, не разорять и не ломать построек, ... дав им время без ущерба угнать табуны и скот, тем самым устранить вероятность возникновения враждебного отношения одной части населения к другой, столь пагубного для всего народа, в переживаемое тяжелое время»².

Нейтрализовав провокаторскую деятельность большевиков, власти Нальчикского округа столкнулись с новыми обстоятельствами, провоцирующими рост правонарушений. Развал Кавказского фронта, обусловил массовое неконтролируемое передвижение деморализованных частей русской армии с района боевых действий в Закавказье в центральные области России. Их путь лежал через Северный Кавказ³. Дезорганизованные, слабо управляемые командирами, но, при этом, хорошо вооруженные подразделения, оседали в населенных пунктах региона. Оставшись без продовольственного снабжения, они были поставлены перед необходимостью самостоятельно добывать пропитание, искать ночлег и средства для возвращения в родные края. Естественно, что затруднительное положение, в котором оказались военнослужащие провоцировало их столкновения с местным населением как с русским, так и с горским. В сложившейся ситуации, наблюдалось скачкообразное увеличение числа грабежей, разбоев, убийств. Порой дело доходило до вооруженных столкновений между солдатами и горцами, что имело место по большей части в крупных городах региона Владикавказе, Грозном и т.д., которые как крупные железнодорожные узлы служили своего рода перевалочными базами для воинских формирований.

Советы рабочих и солдатских депутатов, начавшие формироваться в городах региона с марта 1917 г., увидев возможность организовать разлагавшиеся солдатские части в мощную вооруженную силу, которую можно было противопоставить своим противникам в Терской области – казачеству и еще не проникшимся идеями социалистической революции горским массам, не предпринимали каких-либо действенных мер для предотвращения инцидентов между населением и военнослужащими. Последние, в свою очередь, нашли в лице большевиков ту политическую силу, которая готова удовлетворить их интересы. Декрет о мире, выводящий Россию из Первой мировой войны, обнародованный 9 ноября 1917 г. Советом народных комиссаров, являлся ярким тому подтверждением.

В Кабарде, не испытывавшей в отличие от соседних округов крупных эксцессов с участием солдат, все же случались инциденты с их участием. Тем не менее местная администрация не обладала достаточным ресурсом для их предотвращения. Более того, в ситуации политического кризиса прежние практики оперативно-розыскной работы были малоэффективны. В этих условиях, действенную поддержку властям в деле борьбы с преступностью оказал передислоцированный в Нальчикский округ с фронтов Первой мировой войны Кабардинский полк Кавказской (Дикой) конной дивизии, сохранившийся как дееспособная воинская часть и подчинявшийся приказам Временного Правительства. Из числа его служащих формировались патрули, дежурившие в ночное время в слободе Нальчик и наиболее проблематичных населенных пунктах округа. Главной задачей, возложенной на полк, являлось разоружение и выдворение из Кабарды сосредоточенных здесь солдатских частей, подверженных большевистской пропаганде и замеченных во всякого рода противозаконных действиях. «Эти части, – отмечал в своих мемуарах офицер Кабардинского полка К. Чхеидзе, – начали высказываться и действовать в духе большевизма. Ни в одном полку Дикой дивизии не было ничего подобного тем настоящим дикостям, которые совершались в частях разлагающейся Русской Армии. Солдаты являлись грозой населения»⁴.

После провозглашения в Кабарде в марте 1918 г. советской власти, бывшие солдаты царской армии, уже соорганизованные в революционные отряды, продолжали (хотя и значительно реже) становиться источниками правонарушений. По этому поводу в Нальчикском окружном народном Совете проходили специальные заседания, где рассматривалось «возмутительное поведение отдельных солдат слободы Нальчик, а также прибывших из Пятигорска, выразившееся в убийстве 5 мая осетина, в убийстве 7 мая в Слободском правлении кабардинца и поранении другого и в самоличном отбирании оружия у приезжавших на базар кабардинцев, а также во всякого рода бесчинствах»⁵.

Советская власть, в рамках соблюдения «революционной законности», пыталась пресекать противоправные действия, совершаемые лояльными ей социальными группами, например, могла осудить солдат без соответствующего мандата реквизирующих оружие или продовольствие у жителей. Однако в моменты угрозы своему существованию, допустим в период антисоветского восстания терского казачества, поддержанного в Кабарде отрядом под руководством бывшего офицера Кабардинского конного полка З. Даутокова-Серебрякова (июнь – октябрь 1918 г.) большевики закрывали глаза на действия революционных отрядов, часто превышающих свои полномочия в борьбе с контрреволюцией, в результате чего пострадавшими оказывались лица и целые группы населения, не имевшие к ней какого-либо отношения. «У правого и виноватого, – писал К. Чхеидзе, – отбирали оружие. Никто не был гарантирован от ареста, обыска. Началась усиленная агитация против имущих слоев населения. А так как в Кабарде почти все имущие, то науськиванием воспользовались абреки и деморализованные люди. То там, то здесь происходили грабежи»⁶.

С точки зрения большевиков и их сторонников, подобные действия не являлись противозаконными и объяснялись как месть «угнетенных слоев населения» бывшим «угнетателям». В реальности же имели место банальная «уголовщина» и стремление морально не обремененных лиц в условиях революционного хаоса к легкой наживе, что отчетливо явствует из сведений «Комиссии по выяснению и удовлетворению убытков лиц, ограбленных и разоренных большевиками», которая работала в Кабарде в период правления Деникина. Согласно специально разработанному положению, удовлетворению подлежали только те жители, которые пострадали при власти большевиков по политическим мотивам, то есть как отнесенные советской властью в разряд контрреволюционеров представители дворянства, духовенства, офицерства и т.д. Соответственно значительная часть

пострадавших (порядка 4 тыс.) не добились компенсации за разграбленное имущество, поскольку их случаи были расценены как уголовные происшествия, разбор которых должны заниматься соответствующие инстанции⁷.

Таким образом, уже с позиции противников советской власти, которые если не превосходили, то точно не уступали по численности ее сторонникам, период властвования большевиков в Нальчикском округе явился временем небывалого разгула преступности.

Заняв в январе 1919 г. Северный Кавказ, А. Деникин издал «Временное положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией». Его реализация подразумевала возвращение к законодательству, применяемому на территории страны до прихода к власти большевиков. Соответственно, вне закона оказывались все установления советской власти, в том числе и те, которые легитимировали отъем частной собственности. В этих условиях, пострадавшие при большевиках лица, естественно стремились возратить потерянное имущество или компенсировать убытки, при этом часто преступая законные рамки⁸. Лишь под угрозой применения уголовного преследования, деникинской администрации, которую представлял в Кабарде князь Т. Бекович-Черкасский в статусе Правителя округа, удалось вернуть проблему компенсации убытков пострадавшим в правовое поле.

Более серьезным источником правонарушений в период правления Деникина, явились различные «белые» военизированные формирования, которые не имея на то полномочий, занимались реквизициями и конфискациями в селениях Нальчикского округа. С другой стороны, ушедшие в подполье сторонники советской власти, объединявшиеся в небольшие отряды, занимались тем же самым. Большевистские лидеры, поощряя и координируя их деятельность, которая по большей части носила уголовный оттенок⁹, тем самым дезорганизовывали и ослабляли деникинскую власть в Кабарде. Т. Бекович-Черкасский в мае 1919 г. обязал старшин всех селений Нальчикского округа составлять списки «лиц, принимающих участие в большевистском движении, образуя при этом шайки и делая нападения на мирных жителей»¹⁰.

Правителю Кабарды Т. Бековичу-Черкасскому приходилось бороться с участвовавшими на подведомственной территории случаями краж, угонов скота, грабежей. Много времени и средств отнимали мероприятия по организации охраны селений, контролю за преступным элементом, поиску и возвращению хозяевам украденного скота и лошадей. Пришлось увеличить штат образованной в марте 1919 г. указом Деникина Государственной стражи, которая занималась поиском и задержанием преступников. Применялись и радикальные методы – селение, в котором проживал преступник, по принципу круговой поруки несло ответственность перед пострадавшей от его действий стороной.

Белой властью предпринимались попытки создать в Кабарде систему уголовного розыска и секретной агентуры, что должно было повысить раскрываемость преступлений¹¹. Но Бекович-Черкасский дал мотивированный отказ на реализацию подобной инициативы: «По условиям местной жизни, выдача преступника обществом затрудняется тем, что родственники подозреваемого прилагают все усилия к оправданию своего близкого. В то же время, при обострившихся в связи с переживаемым моментом личных отношений среди населения, создание уголовного розыска дает возможность использовать новое положение в целях сведения личных счетов, или удовлетворения личной мести, а также и вымогательства... Неблагоприятные последствия указанного выше могут привести к нарушению мирной жизни на местах и нареканием на администрацию»¹².

Рост преступности, спровоцированный политическим кризисом, подрывал ресурсы и осложнял деятельность как «красных», так и «белых» властей в Нальчикском округе. Сам закон в условиях противоборства социально политических сил,

начавшегося в центре России и распространившегося на регионы после Февральской революции 1917 г., не мог однозначно толковаться и применяться. Каждая из сторон политического кризиса ставила под сомнение легитимность реализации властных полномочий оппонентом.

Примечания

1. Управление центра документации новейшей истории архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 25. Оп. 1. Д. 38. Л. 58.
2. Там же. Л. 41.
3. *Музаев Т.М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. Нальчик, 2012. С. 296.
4. Чхеидзе К.А. Генерал Заур-Бек Даутоков Серебряков. Гражданская война в Кабарде. Нальчик, 2008. С. 42.
5. Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 23.
6. *Чхеидзе К.А.* Указ. соч. С. 55.
7. Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики (УЦГА КБР). Ф. 197. Оп. 1. Д. 35. Л. 40.
8. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4, 5. Вооруженные силы юга России. Берлин, 1925. С. 176.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6711. Оп. 2. Д. 163. С. 11.
10. УЦГА КБР. Ф. 197. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
11. УЦГА КБР. Ф. 197. Оп. 1. Д. 44. Л. 19.
12. Там же. Л. 22.

THE CRISIS OF POWER AND THE AGGRAVATION OF THE CRIMINAL SITUATION IN KABARDA DURING THE CIVIL WAR

Zhansitov Osman Aslanovich, Candidate of Historical Sciences, associate professor, Senior Researcher of the New History section of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), osman.zhansitov@yandex.ru

The article examines the factors of the crime growth in the context of engagement of the North Caucasus region and, in particular, Kabarda in the Russian revolutionary process. On the one hand, the criminalization of the population is viewed as a consequence of the disorganization (vacuum) of power, on the other hand, it is associated with the activity of the political forces instigating and using the growth of criminality concealed under the social movement format as a instrument for overthrow of the existing state system. It is shown how the Bolsheviks' calls for disobedience to the authorities, seizing of private property, massacring of the “enemies of the revolution” go over the framework of the political struggle and acquire a clear criminal shade, turn into uncontrollable, mass cases of law violation affecting everything including segments of society loyal to the Soviet government.

The article discusses the law enforcement activity of the “white” administration of Kabarda, complicated, firstly, by the desire of affected by the Bolsheviks people to return the lost property outside the legal field, secondly, by the presence of the Bolshevik underground inciting the population to illegal actions, and, thirdly, by the difficulty of applying all-Russian law enforcement practices due to the integration of the local society into the administrative and legal field of the country process incompleteness.

Keywords: revolution, civil war, Kabarda, people's militia, crime, Soviet power, counter-revolution, Bolshevism, Denikin's administration.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-39-43

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.331. (= 352.3)

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-44-51

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В АДЫГСКОМ НАРТСКОМ ЭПОСЕ

Дзуганова Рита Хабаловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dzug.rita@yandex.ru

В статье рассматриваются топонимические термины в адыгских сказаниях о нартах. Необходимость и важность сохранения названий местностей, где проживали наши предки, определила тему данного исследования. Вводимый в научный оборот фольклорный материал будет полезен не только для филологов, но также и для историков и этнологов при исследовании фольклорных текстов. Из всех топонимических терминов, выявленных нами при анализе фольклорного материала, сюда вошли наиболее известные, более информативные названия. Для удобства читателя они подаются в виде словарных статей в алфавитном порядке. Документированный иллюстративный материал, содержащий топонимические термины, переводится на русский язык, дается этимологическая справка, где это представляется возможным.

Ключевые слова: топонимические термины, адыгский героический эпос, нарты, фольклор, духовная культура, кабардинский язык, адыгейский язык.

В изучении ономастики уже достигнуты значительные успехи. Вместе с тем следует отметить, что эта область языкознания не до конца разработана, остаются нерешенные и спорные вопросы. Решение пролеи ономастики усложняется тем, что здесь переплетаются несколько смежных дисциплин, таких как лингвистика, фольклористика, история, археология и др. Между тем, следует подчеркнуть, что данные ономастики, в частности географические названия играют немаловажную роль при установлении структуры этноса и следов миграции того или иного народа и т.д. В этом отношении изучение географических названий (топонимов) имеет большое значение.

Язык фольклора может хранить обряды и обычаи, следы весьма древней культуры и служить тем ценным историческим источником, доносящим до нас информацию первостепенной важности. Роль такого источника особенно возрастает для таких младописьменных народов, как адыги. В нем отразились важнейшие явления и события, пережитые обществом.

Ярким примером тому может служить адыгский героический эпос, имеющий обширную географию. Нартский эпос адыгов, имея древние корни, складывался в разное время и в разных местах. Поддающиеся расшифровке на основе языка адыгов географические названия, встречающиеся в эпосе, свидетельствуют о значительности, масштабности территории и самого адыгского этноса. Развитию же духовной культуры предков адыгов мешали частые нашествия.

Учитывая вышеизложенное, изучение топонимических терминов в адыгском нартском эпосе приобретает особую актуальность.

Настоящая статья построена следующим образом. После предварительных замечаний топонимические термины, выявленные нами в адыгском нартском эпосе, подаются в виде словарных статей. Названия местностей приводятся в оригинальной форме – кабардинской или адыгейской. Каждая словарная статья снабжена иллюстративным документированным материалом, в котором содержится тот или иной топонимический термин. Иллюстративный материал переведен на русский язык, даются этимологические справки, где это представляется возможным. Следует добавить, что из 135 топонимических терминов, выявленных нами в сказаниях о нартах, в статью вошли наиболее употребительные названия.

Остановимся на некоторых топонимических названиях, которые являются более информативными. Например, топонимический термин *Тэман икЫпнІэ*, который встречается только в кабардинском варианте сказания о первом бое основного героя эпоса Сосруко с Тотрешем. Ср.: *Кхъаблэ БанэкІэ нэгъгъазэщ, Уий, икЫпнІэ Таманыр Къээзтэзуцыхъурэ АрыкъыщхэмкІэ сыкъыхъэщ, Къуэ ебланэм сьдэжауэ Зы фЫцІагъи къэслъагъуцІ*. «В сторону Кабла Баны я направился, Рыская у перехода через Тамань, В верховьях Арыка я очутился, Выскочив из седьмой балки, Черное пятно я увидел вдали».

Встречающийся в адыгейском варианте сказания слово *темэн* в значении «плавни», «болото», М.А.Кумахов сближает с топонимом *Тэман* «Тамань» не только фонетически, но и генетически. «*Темэн* – адыгейское название *Тамани*, – пишет он, – а то, что слово *темэн* в адыгейском языке означает «болото», «плавни», «озеро», легко объяснить семантически: ведь широко известны болотистые края Таманского полуострова (близ Азовского моря)»².

Между тем, несмотря на то, что в кабардинских сказаниях мы встречаем *Таман* «Тамань», кабардинцы не помнят ни топонимического названия *Темэн* «Тамань», ни нарицательного имени *темэн* «болото», «плавни», которые употребляются в современном адыгейском языке. В кабардино-черкесском языке с этой целью используется *шэд* «болото».

В анализируемом тексте содержатся еще два топонимических термина. Первое это *Кхъэблэ Банэ* «Кабла Бана» – название местности. Буквальный перевод данного фиктонима мы находим в работе Дж.Н. Кокова: *кхъаблэ* «носилки для покойника» и *банэ* «колючка»³. Второе топонимическое название *Арыкъ* «Арик» в сказаниях означает холмистую местность без леса.

Довольно часто употребляется топоним *Барс губгъуэ* «Барсово поле». Это древнее название степи на Средней Кубани. Ср.: *А махуэм Барс губгъуэм ар (Батрээ) Къыщхэм, Барс губгъуэ тцы Марыкъуэ къыщыгуоцІэ*. «В тот день, когда выехал (Батраз) на Барсово поле, На Барсовом поле встретил князя Маруко»⁴.

В героическом нартском эпосе и в кабардино-черкесской художественной литературе нередко встречается топоним *Индыл* «Индыль». Это адыгский вариант названия реки Волги. Покажем на материале: *Индылыжсьым, ой дуней, лъэсыр шебакъуэмэ, А зэманым, ой дуней, сьлыныкъуэтхъут*⁵. «Когда могучий Индыль, ой дуней, можно было перешагнуть, в те времена, ой дуней, я начал только сесть».

Кабардино-черкесское название реки Кубань – *Псыжь* получило довольно широкое распространение как в эпосе, так и в литературе. Адыгейское же название этой реки – *Пиыз*. Некоторые авторы этимологизируют этот гидроним как «князь рек» или «старый князь». Однако в адыгейском языке «старый князь» не *пииз*, а *пшгыжьы*. Поэтому можно допустить, что адыгейская форма *Пиыз* исторически имела такую же структуру, как и кабардино-черкесская *Псыжь*⁶. Ср.: *Пиызэ адрыкЫм щакІо согъакІори къагужъу...*⁷. «За Пшизу... на охоту посылаю – долго не возвращается». Ср. также: *Сэтэней гуащэ Псыжь Іуфэ жьыщІэу Іуст*⁸. «Сатаней гуаша сидела на берегу Псижа и стирала».

Одним из более употребительных терминов в сказаниях является топоним *Тэн*. Это адыгское название реки Дон. Ср.: *ТэнкІэ цыгъуазэщ (Бадынокъуэ),*

*ПсыжькІэ цыгъуазкІейц*⁹. «Ему (Бадыноко) знакомы пути по **Тену** (Дону), а по Псыжу (Кубани) еще более осведомлен».

Интерес представляют синонимичные топонимические термины *Тенджыз тІуацІэ* и *ХытІуалэ*. Ср.: *Куэдрэ кІуа, мацІэрэ кІуа Шауей Тенджыз тІуацІэм кызыыхутац*¹⁰. «Шел он долго-долго (Шауей) и очутился на морском острове (**Туаша**)». Ср. также: *Ар (Къарэльбакъуищыр) кызылыгъэр ХытІуалэ азыфагу ЦэІунажъэу псым ищы Іэхъогъу хэтэу Тхъожъыер ары*¹¹. «Его (Каралакуиша) спасло то, что он ожеребился от Тхожея, находясь на морском острове (**Хитуала**) у Цаунаж». С лингвистической точки зрения нас интересует вторая часть указанных топонимов: *тІуацІэ* «двойной, двухслойный» и *тІуалэ* «вершок (старинный метод измерения – указывает на толщину двух пальцев)». В обоих лексемах содержатся словообразовательные суффиксы числительных: в первом слове – *-ацІэ*, во втором *-алэ*. С помощью суффикса *-ацІэ* образуются числительные от 1 до 9, у которых исходная огласовка редуцируется до нуля¹². Например: *з-ацІэ* «одинарный» (от *зы* «один»), *тІу-ацІэ* «двойной» (от *тІу* «два»), *иц-анэ* «тройной» (от *ицы* «три») и т.д. Для адыгейского языка специфичны приблизительные числительные, передающие примерное количество денотатов, а для кабардино-черкесского – так называемые слоевые, обозначающие число слоев чего-л.¹³ При помощи суффикса *-алэ* строятся числительные, показывающие длину в сопоставлении с шириной указательного пальца: *з-алэ* «мера длины в ширину указательного пальца», *тІу-алэ* «толщина в два пальца, вершок» и так до 5¹⁴.

Особый интерес представляет то, что топоним *Фыцты* «Фишт» – название горы близ Сочи, мы находим в сказаниях героического адыгского нартского эпоса. Ср., например: *Фыцты кызысыхэм (нартхэм), аишын ямыгъотыжъэу гъаблэ къафэхъу...*¹⁵. «Как только дошли (нарты) до **Фишта**, остались без еды, наступил голод...»

Подробную информацию дает эпос о местонахождении *Цызагъо мэз* «Цызаго мез (лес)» Ср.: *Понэжъыкыуае чІыгум кыыхыбытэу къутырэу Кэчкиным пэблагъэу Цызагъо мэзым Лъэтищ хэсыгъ*¹⁶. «На территории Понажукая, близ хутора Кочкин, в лесу **Цызаго** жил Тлепш».

И, наконец, популярен в эпосе топоним *Іуащхъэмахуэ* «Ошхамахо» (Эльбрус) (*Іуащхъэ* «курган» и *махуэ* «счастливый»). Ср.: *Іуащхъэмахуэ и цыгум Мэзытхъэ, Амыщ, Тхээгъэлэдж, Созрэц, Лъэтиц сымэ Псатхъэ деж цызэхуэсахэу санэхуафэ яІэм*¹⁷. «Мазитха, Амыш, Тхагалег, Созреш и Тлепш собрались у Псатха на вершине **Ошхамахо** и пировали».

Далее следуют словарные статьи, содержащие топонимические названия, выявленные в адыгском нартском эпосе. Для удобства читателя они располагаются в алфавитном порядке.

АБЫН ПСЫХЪО (АБИН ПСИХО) – название реки. *Абын псыхъо кІэи Намырыфо дэсыгъ, – нарт ялгъэпкыгъ*¹⁸. «На берегу **Абын** жил Намирыфо – из племени нартов».

АРЫКЪЫПС (АРЫКИПС) – кабардино-черкесское название реки и холмистой местности в Кабарде. *Арыкъ* – хребет, изрезанный лощинами, на юго-востоке КБР¹⁹. *Псым здэкІуам (Сэтэней) тІысауэ кыльгъуац Арыкъыпс и адрыцІкІэ Нартхэ я жэмыхъуэ Сос*²⁰. «Пришла она (Сатаней) к реке, села на камень у воды, и тут увидел ее с другого берега реки **Арык** нартский пастух Сос».

АФЭ БГЫЩХЪЭ (АФА БГИШХА) – название горы. *Афэ БгыщхъэкІэ эджэм нартхэм ядзауэ цытауэ мывэжъыиц нобэмикІ телъц*²¹. «На горе **Афа Бгишха** находятся до наших дней брошенный нартами туда три больших камня».

АХЪМЭТ И ЦЫГУ (АХМАТ ШИГУ) – название кургана. *Ахъмэт и цыгум деж (Архъэшэу) и сыныр тетц*²². «Памятник Архашу стоит на кургане **Ахмат**».

БАНЭІЭБЖЭ (БАНААБЖА) – название территории. *ИкІэм, БанэІэбжэ деж (иджы Аргуданыр здэщысым икІэкІэ) банэм и кум унэ тІэкІу хэту (Сосрыкъуэ)*

илъэгъуац²³. «Наконец, около **Банаабжа** (где сейчас село Аргудан) он (Сосруко) увидел маленький домик, который стоял в колючем кустарнике».

БАС ЯГУБГЪО (**БАС ГУБГО**) *губгъуэ* – степь, поле. *Патэрэз а пшээрльгъуэ нартыхъхэм къыфаишгъэр ыгъээзэкIэнэу Дуль-Дулым къэкIэси Бас ягубгъом къыхагъ*²⁴. «Патраз, оседлав Дуль-дуль, отправился через Басово поле исполнять те обязанности, которые ему поручили нарты».

БЭЖЪУЭ (**БАЖО**) – названия села. *Къутэмэгу пэмычыжъау къуаджэ горэ шылагъ. Ац БэжъуэкIэ еджэтыгъэх*²⁵. «Неподалеку от Кутамегу находилось село **Бажо**».

ВЫНДЫБЫЩХЪЭ (**ВИНДИБИШХА**) – название горы. *Сосрыкъуэ а меданым и Тхуэжъейм тесу Вындыбыщхъэ зигъэкIэрахъуэу тетти, илъэгъуац псори*²⁶. «В ту минуту Сосруко на своем Тхожее стоял на горе **Виндибишха**, и все увидел».

ГУМЭ-ГУБГЪО (**ГУМА-ГУБГО**) – пустое огромное поле нартов. *Ерыгунэ Гумэ-губгъо Гъатхэпэрэ икхъохъунIэу...*²⁷. «**Гума** – поле является для Еригуна местом пастбищ свиней...»

ГЪУАГЪО МЭЗ (**ГУАГО МЕЗ**) – название леса близ аула Гатлукай и Шахангерихабль. *Хъымыщ игъазэжъи цунагъо дэжъ, Гъуагъо мэз Iушгъо кIожъыгъэ*²⁸. «Химиш вернулся в семью, которая находилась близ леса **Гуаго**».

ГЪОБЭКЪУАЕ ЧЫГУ (**ГОБАКОЕ ЧИГУ**) – название территории. *Пицыцэ псыIушгъом дэжъ, Гъобэкъуае чыгум пэмычыжъэу шысыгъ (Уача)*²⁹. «На берегу Пшиша, близ земли **Гобыкое** жил Уача».

ГЪУНД-ГЪУНД (**ГУНД-ГУНД**) – фиктоним из нартского эпоса. *Нартмэ язэманым Гъунд-Гъунд къалэджэ еджэхэу къалэ шылагъ*³⁰. «Во времена нартов была крепость под названием **Гунд-Гунд**».

ГЪУЧИПЦІЭ ИУАШГЪХЪ (**ГУЧИПЦИЙ ОШХ**) В нескольких курганах (близ аулов Бжегской, Эдежукай, Шэнджий, Тугургой) с такими названиями во время раскопок найдены железные предметы, отсюда идет и название: *гъуциI* «железо», *Iуацхъэ* «курган»³¹. Ср: *Лъэпшгъ зыцыгъукIэтыгъэр джы Едэпсыкъое чылэр зыдэцысым дэжъы иIэ ГъучыпциIый Iуашгъхъ ары, ац ыльапс*³². «Глепш кузнечил на кургане Гучипций, близ селения Эдепсукай». Ср. также: *Ар зыцыхъугъагъэр ГъукIыпциIэ и Iуашгъхъэ дэжъ*³³. «Это случилось около кургана Гучипца».

ДЭДЖЫУ БЖЪАПЭ (**ДЕДЖИУ БЖАПА**) Деджуйская возвышенность, название местности, встречающееся в эпосе. *Саусырыкъор Дэджыу бжъапэм теуцуагъ, Шэбатныкъор кIэм иуцуагъ*³⁴. «Саусырыко поднялся на Деджуйскую возвышенность, а Шабатнуко стал в долине».

ДЭНДЖЫУ (**ДЕНДЖИУ**) – название реки. *Татаршао Шхъэгъуацэ къикIи, Дэнджыу Iушгъо къырэкIокIыгозагъо*³⁵. «Татаршао перешел Шагуаша и пошел по берегу **Денджуй**».

ДАСТО ГУБГЪО(**ДАСТО ГУБГО**) – фиктоним из нартского эпоса. Дасто поле – название местности в Адыгее³⁶. *Тхъэгъэлэдж Дэсто губгъуэ кIуат вакIуэ*³⁷. «Тхагалег ушел в поле **Дасто** пахать». Ср. также: *УкъыкIыжмэ Дэсто губгъо уджэгунI*³⁸. «Вернувшись – **Дасто поле** место игры для тебя».

ДОХЪУТЭМЫЩЕЙ МЭЗ (**ДОХТОМЫШЕЙ МЕЗ**) – название леса. *Гъуэгу гужауэ малхъэниэ гъуэгукIэ еджэу Дохъутэмыщей мэзыр иджыри иIэц (абыкIэ Шауей кIуэжац)*³⁹. «По покинутой, высохшей дороге, в так называемый **Дохтомышей лес** ушел Шауей».

ДЖЭДЖЭНЫЩХЪЭ (**ДЖЕДЖЕНЬШХА**) – название горы. *Джэдджэныщхъэм кърифыжъи, ДжэрджэныкIэм къынифысыгъ, къыIехи шъиукIыгъ (Пицы Марыкъуэ)*⁴⁰. «Начиная от **Джедженышха**, он погнал его вниз и убил там (Пши Марыко)».

ДЖЭРДЖЭНЫТХ (**ДЖЕРДЖЕНИТХ**) – название горного хребта. *Пиыашгъэр шгътэри сежъэжъи етIушгъыгъау сыхIозэ, Джэрджэнытхы сынэсыгъ, – ыIуагъ*⁴¹. – «Взяв девушку, я помчался и дошел до **Джердженитх**».

ДЖЫН-ДЖЫН (ДЖИН-ДЖИН) – название местности, встречающееся в эпосе. Джин-Джин кош – фиктоним; рифмующееся сложение типа *Гьунд-Гьунд куэци* – означает закрытую местность⁴². *Джын-Джын куэци* *кьыцыдыгьэр уэ уи анэц*⁴³. «Его (Бадыноко) мать озорят солнцем **склоны Джин-Джина**».

ДЗЫЛЫЗЭ (ДЗИЛИЗА) – название местности. *Курпыцхьэ бжэпэ укьыцоуэри Дзылызэ нэсыжари еблыгьуэхи*⁴⁴. «Ты пускаешь стрелы с кручи Курпа (Шабатнуко) Как молния, сжигаешь того, кто уже в **Дзилизе**».

ЖЬЫГЪЭИБГ (ЖИГАИБГ) букв.«Гора Старости». *Жьыгьэибг и цхьэм дахьрти (жьы хьуахэр) драхьейрт*⁴⁵. «Выносили (стариков) и поднимали на вершину **«Горы Старости»** (ЖИГАИБГ).

ИЛ (ИЛ) – название реки. *Гушалэм пае: Псэкьупс, Шхьагуацэ, Ил, Шабжьы, нэмыкхэм аЛусыгьэх (нартхэр)*⁴⁶. «На берегах рек, например: Псакопс, Шхагуаша, **Ил**, Шабжи жили нарты».

ИНЖЫДЖ (ИНЖИДЖ) – река Зеленчук в Карачаево-Черкесии (адыгское название левого притока Кубани)⁴⁷. *Ар (Батрээ) а махуэм Инжыдж жьей кьытхудедэ (Вакуэ Нанэ)*⁴⁸. «В тот же день она (Вако-Нана) бросает его (Батраза) в **Инжидж**».

ИНДЫЛ (ИНДЫЛЬ) – адыгское название реки Волги. Ср. тюркские наименования этой реки: Итиль, Удель, Этэль, Атал. У кабардинцев термин *Индыл* употребляется как сравнение для всякой большой реки. Кабардинское выражение *Балкь Индылу кьиауац* переводится как «Река Малка разлилась Индиллом». Этот гидроним закрепился в эпосе адыгов. Ср.: *Индылыжьым, ой дуней, лэсыр цебакьуэмэ, А зэманмэ, ой дуней, сьлЫныкьуэтхьут*⁴⁹. «Когда могучий **Индыль**, ой дуней, можно было перешагнуть, В то времена, ой дуней, я начал сесть».

ИТАМ-ИТЫКУ (ИТАМ-ИТИКУ) – название местности. *Клалэр ежьагьэу Итам-Итыку Клозэрэ, бгьэжьышхо горэм ...ыльагьуэ*⁵⁰. «Парень отправился на **Итам-Итыку** и по дороге встретил (или увидел) большого орла».

КИНТ ГУЭРЭНЫГУ (КИНТ ГОРАНИГУ) – эпическое название местности, встречающееся в эпосе. *Чынт гуэрэныгу* «Чинт гуаранигу» – фиктоним из нартского эпоса. Кинты, чинты каб.-черк. *кинтхэр* – наименование народа, враждебного нартам. *Гуэрэн* «куст», *гу* – аффикс, указывающий на поверхность чего-л. (ср.: *цЫгу* «поверхность земли»). В целом название может быть понято как «кинтов земля»⁵¹. Ср.: *Ар (Бадынокьуэ) КинткИэ цыгьуазэц...*⁵². «Ему (Бадыноко) знакомы пути по **Кинту**».

КЪУРГЪОМЭЗ (КУРГОМЕЗ) – название леса. *ЗыцытыукЫгьэ Кьургьомэз лъапэм дэжь шьыхьым ышго цытатхи, тари чыпИэ ац цитхыгь, – илуагь нарт Хьымыц*⁵³. «Мы убили оленя в **Кургомезе**, содрали шкуру и мы провели там ночь, – сказал нарт Химиш».

КУРДЖЫПС (КУРДЖИПС) – название реки. *Тхьэм Курджыпс мыжьуакИэ еш, -ылуи... (Тотреш)*⁵⁴. «Пусть бог превратит **Курджипс** в камень, – сказал... (Тотреш)».

КЪАПЩЫКЪАЙ (ЛЪАПО) (КАПШУКАЙ) – эпическое название какой-то горы. *Сосрыкьуэ жьыхуалэм Къапщыкьай лъапэм кьагьэувыр, Абрэ мывэ кьрагьэжэжьрти, натИпэкиэ пэцигуэвэрти, нэхь хуабжьыжу дрихуеишт*⁵⁵. «(Того), кого зовут Сосруко, ставили у подножья **Капшукая**, Абра-камень катили (на него) с горы, он лбом ударял и еще быстрее прежнего забрасывал (камень) на гору».

КЪАРЭНЫДЖ (КАРАНИДЖ) – название реки. *Инджыдж псыхьуэ удэкрэ Къарэныдж зэпычу Кьубыц псыкуэци урехьу Кьуэпэ ижьырабгьум худэпунтлейурэ Псыжь уи сэмэгурабгьуу Кьэрэчынт уиклмэ, «Сосрыкьуэ и шыгьэдэжэгулэ» мывэм улуоци*⁵⁶. «Выйдя из речной долины Инжидж, переходя **Каранидж**, идя по речной долине Кубиш, направляясь в правую сторону Куапа и держась за левую сторону Псиж, перейдешь Карачинт и увидишь камень, который являлся местом джигитовки Сосруко».

КЪЭНЖАЛЫЩХЪЭ ПХАЩІЭ (КАНЖАЛИШХА ПХАША) – подножие горы Канжал. (*Сэтэней*) *зызэцІекъуэри Къэнжалышхъэ пхащІэ мэІэпхъуэ*⁵⁷. «Сатаней, собрав все свои вещи, переселяется на **Канжалишха пхаша**».

КЪЭРЭЧЫНТ (КАРАЧИНТ) см. **Каранидж**. Название реки, которая впадает в Кубань слева ниже устья Теберды⁵⁸.

КЪОЖЭУБЭ (КОЖЕУБА) – название горы. *Лабэ зэпрыхІыжъыгъэу Къожэубэ Іуашъхъэ кІэс пелыуаныжъыр къеуагъ*⁵⁹. «Перейдя реку Лаба, тот силач, который сидел под оврагом **Кожеуба** ударил его».

КЪОШКО **ДЭКІЫГЪО** (КОШКО ДАКИГО) – название горного перевала. *Бгышкоу, Пыццэ адырабгъуджэ Гъобэкъуае изанкІэу, «Къошко дэкІыгъоджэ» еджэхэу дэкІыпІэ горэ иІ*⁶⁰. «Высокая гора, за Пшишем, близ Гобыкое была тропинка под названием **Кошко**».

КІЭНКІЭПІЭ **ІУАШЪХЪ** (ЧАНЧАПА ОШХ) – название горы. *Іуащхъэмэ ацІэхэр: Колэсыжъ, Чамыдэжъ – Рамфыт зычІэлыр ары, КІэнкІэпІэ Іуашъхъ, джынэф шъузым ыцІэкІэ ац еджагъэх*⁶¹. «Названия холмов: Коласиж, Чамидеж, где похоронен Рамфит, **Чанчапа ошхой** назвали по имени его жены».

КІАХЭ (КЯХА) – западная Черкесия...*Ари (хъыджэбзри) ииэри кІуэжаци КІахэ адыгэм (Къанжэ и къуэ Щауейр)*⁶². «Он увез и ее (девушку) и уехал в **Кяха** к адыгам (сын Канжи-Шауей)».

КЪУМ (КУМ) – название степной территории (ныне часть Ставропольского края). *ЗэфІэцтхъауэ нартыжъхэр, Къум гъуэгужъым къытонэ*⁶³. «Замерзшие нарты остановились на старой дороге **Кума**».

КЪУЩХЪЭХЪУ (КУШХАХУ) – горное пастбище. *Къушъхъэхъу джыри Хъымыц цІэмкІэ еджэх*⁶⁴. «До сих пор **Кушхаху** называют землей Химиша».

МЭЩЫ-КЪУШЪХЪЭ (МЕШИ-КУШХА) – название горы. *Зы цу ин дыдэ горэ цылагъ ылъакъохэр Мэщы-къушъхъэм тетэу зыхъуджэ ышъхъэ Эльбрус-къушъхъэм нэсыцтыгъ...*⁶⁵. «Был такой бык, у которого ноги стояли на **горе- Мешы**, а голова доходила до горы Эльбрус».

МЫУТІЭ (ХЫ) (ХИ МИУТА) – название моря (Меотское море – ныне Черное море). *Тэн и цІыб сыхъами, Хы МыутІэ и Іуфэ зэхэскІухъами уэ пхуэдэу сызыубыф сэ къысхуэзакъым, – кІияц Псэбыдэ*⁶⁶. «Где бы я не ходил: за Доном, на берегах **Хи Миута**, я не встречал людей, которые говорили обо мне плохо, кроме тебя, – закричал Псабида».

ПЩЫЩ (ПШИША) – название реки в Адыгее. *ЧанІэмкІэ Алэджы јунэ зыдэцтытыгъэр Пыццабгъу дэжъырэ бжъапэр арыгъэ*⁶⁷. «Дом Аледжевых находился на горке, неподалеку от реки **Пшиша**».

ТХЪЭЧИАГЪ **МЭЗ** (ТХАЧАГ МЕЗ) – *ТхъэцІагъ* букв. «под богом». Название особенно больших деревьев (чаще дубов), которые объявлялись священными, а также мест в лесу, где молились. На деревья вешали оружие, шкуру животного, принесенного в жертву. Культ идет от язычества⁶⁸. Ср.: *Сэтхэр алоу нарт зэишиц цІэрыІохэу къушъхъэм, ТхъэчІагъ мэзы хэсыгъэх*⁶⁹. «Знаменитые братья – нарты Сатховы жили в лесу **Тхачаг**».

УАРП **ПСЫХЪО** (УАРП ПСИХО) – название реки (Уруп). *Дуль-Дулыр къыгъэуцуи, Уарп псыхъом шы псы хэгъахъэ къызынэсым, нартыжъымэ зэраІуагъэу дзэ пакІиблэр къыдэкІыгъэу Пэтэрэзым ІэкІэлыгъэуи...*⁷⁰. «(Патраз) остановил Дуль-Дуль на **берегу Уарп** и увидел, как говорили нарты – семь войск».

УЛЭ (УЛА) – название реки. *Мейкъуапэ жъэгъукІэ къыдэкІри (кхъуэр) УлэКІэ иунэтІац лъэужъым*⁷¹. «Выбежав из Майкопа (свинья) направилась в сторону **Ули**».

ЯТІЭПСЫКЪУЭ (ЯТЕПСИКО) – название долины. *КІуэ екІуалІу ЯтІэпсыкъуи Щэ тхъэлыанкІэ егуэу, жеІэ Уэрсэр*⁷². «Подойди к **Ятепсико** и три раза крикни с просьбой, – говорит Орсер».

Проведенный анализ приводит к выводу о том, что, исследования подобного рода, безусловно, имеют важное значение с точки зрения не только этимологии,

но также и для истории. Богатый документированный иллюстративный материал окажет неоценимую помощь лексикографам при составлении ономастических и этимологических словарей. Представленные в рамках данной статьи топонимические термины значительно облегчат труд историков и этнологов при изучении прошлого адыгов и других северокавказских народов.

Примечания

1. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Налшык: Кабгосиздат, 1951. 550 н. Н. 104.
2. *Кумахов М.А.* Очерки общего и кавказского языкознания. Нальчик: Эльбрус, 1984. 326 с. С. 299.
3. *Климов Г.А.* Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986. 206 с. С. 217.
4. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Налшык: Кабгосиздат, 1951. 550 н. Н. 117.
5. Там же. Н. 128.
6. *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. 316 с. С. 245.
7. Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974. 415 с. С. 78.
8. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Налшык: Кабгосиздат, 1951. 550 н. Н. 31.
9. Там же. Н. 108.
10. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 5. Мыекъуапэ, 1970. 336 н. Н. 85.
11. Нартхэр Адыгэ эпос. Т. 3. Мыекъуапэ, 1970. 354 н. Н. 57.
12. *Дзуганова Р.Х.* Морфонологические процессы в кабардино-черкесском словообразовании. Нальчик: «Эль-фа», 2005. 216 с. С. 184.
13. *Климов Г.А.* Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986. 206 с. С. 40.
14. *Дзуганова Р.Х.* Морфонологические процессы в кабардино-черкесском словообразовании. Нальчик: «Эль-фа», 2005. 216 с. С. 185.
15. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 6. Мыекъуапэ, 1971. 329 н. Н. 250.
16. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 1. Мыекъуапэ, 1969. 320 н. Н. 234.
17. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 2. Мыекъуапэ, 1970. 344 н. Н. 41.
18. Нартхэр Адыгэ эпос. Т. 3. Мыекъуапэ, 1970. 354 н. Н. 246
19. *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. 316 с. С. 139.
20. Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974. 415 с. С. 45.
21. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 7. Мыекъуапэ, 1971. 424 н. Н. 109.
22. Там же. Н. 117.
23. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 1. Мыекъуапэ, 1969. 320 н. Н. 248.
24. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 4. Мыекъуапэ, 1970. 310 н. Н. 74.
25. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 5. Мыекъуапэ, 1970. 336 н. Н. 145.
26. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 1. Мыекъуапэ, 1969. 320 н. Н. 248.
27. Там же. Н. 197.
28. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 4. Мыекъуапэ, 1970. 310 н. Н. 10.
29. Там же. Н. 226.
30. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 1. Мыекъуапэ, 1969. 320 н. Н. 137.
31. *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. 316 с. С. 165.
32. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 1. Мыекъуапэ, 1969. 320 н. Н. 211.
33. Там же. Н. 205.
34. Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974. 415 с. С. 114.
35. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 4. Мыекъуапэ, 1970. 310 н. Н. 288.
36. *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. 316 с. С. 167.
37. Адыгэ ІуэрыІуатэхэр. Т. 2. Налшык: Эльбрус, 1969. 408 н. Н. 61.
38. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 4. Мыекъуапэ, 1970. 310 н. Н. 139.
39. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 5. Мыекъуапэ, 1970. 336 н. Н. 39.
40. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 4. Мыекъуапэ, 1970. 310 н. Н. 65.
41. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 5. Мыекъуапэ, 1970. 336 н. Н. 209.
42. *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. 316 с. С. 174.
43. Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974. 415 с. С. 84.
44. Там же. С. 183.
45. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Налшык: Кабгосиздат, 1951. 550 н. Н. 166.
46. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 7. Мыекъуапэ, 1971. 424 н. Н. 126.

47. *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. 316 с. С. 185.
48. Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974. 415 с. С. 117.
49. Там же. С. 28.
50. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 7. Мыекъуапэ, 1971. 424 н. Н. 184.
51. *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. 316 с. С. 293.
52. Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974. 415 с. С. 331.
53. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 1. Мыекъуапэ, 1969. 320 н. Н. 184.
54. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 6. Мыекъуапэ, 1971. 329 н. Н. 265.
55. Нарты. Адыгский героический эпос. М. 1974. 415 с. С. 54.
56. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 2. Мыекъуапэ, 1970. 344 н. Н. 293.
57. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 1. Мыекъуапэ, 1969. 320 н. Н. 82.
58. *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. 316 с. Н. 208.
59. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 7. Мыекъуапэ, 1971. 424 н. Н. 180.
60. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 6. Мыекъуапэ, 1971. 329 н. Н. 276.
61. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 5. Мыекъуапэ, 1970. 336 н. Н. 206.
62. Там же. Н. 59.
63. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Налшык: Кабгосиздат, 1951. 550 н. Н. 77.
64. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 4. Мыекъуапэ, 1970. 310 н. Н. 90.
65. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 2. Мыекъуапэ, 1970. 344 н. Н. 242.
66. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 5. Мыекъуапэ, 1970. 336 н. Н. 176.
67. Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974. 415 с. С. 85.
68. *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. 316 с. С. 267.
69. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 7. Мыекъуапэ, 1971. 424 н. Н. 47.
70. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 4. Мыекъуапэ, 1970. 310 н. Н. 59.
71. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 5. Мыекъуапэ, 1970. 336 н. Н. 9.
72. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 1. Мыекъуапэ, 1969. 320 н. Н. 241.

TOPONYMIC TERMS IN THE ADYGHEAN NART EPOS

Dzuganova Rita Habalovna, Doctor of philological Sciences, Chief Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dzug.rita@yandex.ru

The article deals with the toponymic terms in the Circassian tales of the sled. The necessity and importance of preserving the names of the places where our ancestors lived determined the subject of this study. Of all the toponymic terms that we identified in the analysis of folklore texts, this collection includes the most famous, more informative titles. They are submitted in the form of dictionary entries in alphabetical order, for the convenience of the reader. Documented illustrative material containing toponymic terms is translated into Russian and etymological information is given where possible.

Keywords: toponymic terms, adyghean heroic epos, Narts, folklore, spiritual culture, Kabardian language, Adyghe language.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-44-51

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕРИВАТОЛОГИЯ:
МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ (АФФИКСАЛЬНЫЙ)
СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ
(на материале карачаево-балкарского языка)**

Махиева Людмила Хамангериевна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liudmila.makhieva@mail.ru

Статья посвящена исследованию одного из малоизученных вопросов карачаево-балкарского языкознания – анализу терминологической деривации. Выбор темы обусловлен тем, что проблемы терминологической лексики данного языка до сих пор не были предметом специального монографического исследования, не существует также ни одного обобщающего труда по терминологической деривации. Основной целью данной статьи является изучение и описание морфологического (аффиксального) способа терминообразования на материале терминосистем карачаево-балкарского языка. Объектом исследования послужили продуктивные терминообразующие модели от имен и глаголов, участвующие в образовании терминов морфологическим (аффиксальным) способом. Теоретической базой исследования послужили научные труды по словообразованию в общем языкознании и тюркологии. В данной статье применялись описательный (изучение морфологического (аффиксального) терминообразования в синхронном плане) и функциональные методы. В ходе исследования указанной проблемы предпринимается попытка анализа и обоснования терминообразующих моделей, имеющих потенциальные тенденции к универсализации. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в процессе терминотворчества в карачаево-балкарском языке возможно наложение одновременно нескольких словообразовательных аффиксов. Производные термины могут быть образованы как от корней, так и от основ, обогащая словарный состав и терминологию. С точки зрения языка-источника, производящими основами при терминообразовании могут быть преимущественно как исконные карачаево-балкарские слова, так и заимствования из разносистемных языков. По своей активности аффиксы в терминологической деривации делятся на продуктивные и малопродуктивные. В количественном отношении в терминологической лексике малопродуктивных аффиксов насчитывается больше, чем продуктивных. Аффиксы продуктивные в морфологической деривации могут быть в терминообразовании малопродуктивными. Практическая ценность данной статьи заключается в том, что на её основе могут быть созданы более подробные труды, учебные пособия по карачаево-балкарской терминологии.

Ключевые слова: терминологическая лексика, морфологическое (аффиксальное) терминообразование, терминосистема, продуктивный терминообразующий формант, номинации понятий, языковой материал.

За последние годы появилось немало работ, посвященных исследованию терминологической лексики разносистемных языков, включая и тюркские. Данный вопрос своеобразно освещен во многих монографических и диссертационных работах, в отдельных главах грамматик тюркских языков. Однако терминологическая лексика в современном карачаево-балкарском языке продолжает оставаться одним из недостаточно разработанных разделов. В этой связи многие вопросы терминологической лексики данного языка заслуживают специального исследования.

В этом отношении представляет несомненную значимость изучение способов терминообразования и путей пополнения терминологической лексики, чем и вызвано наше обращение к данной проблеме.

Как правило, в тюркологии принципы терминоворчества едины для всех отраслей знания. Вместе с тем объективным является и то, что образование терминов каждой терминосистемы в конкретном языке имеет свой собственный путь развития и отличается спецификой своих теоретических и практических задач. Это, естественно, в свою очередь требует от лингвистов дифференцированного подхода в изучении процесса терминообразования в каждом отдельно взятом языке.

С точки зрения большинства исследователей, терминообразование – это совокупность способов создания специальных лексических единиц (терминов), с помощью которых обогащается терминологическая система определенного языка. «Термины формируются как средство номинации понятий, предметов, явлений или как способ фиксации полученного знания»¹. Способы образования терминов, по мнению А.В. Суперанской, зависят от времени формирования терминологических систем².

Основным источником создания терминов, обогащения терминологического фонда и усовершенствования отдельных терминологических систем современного карачаево-балкарского языка является его инвентарный словарный состав. Процесс становления терминологической лексики исследуемого языка за счет его собственных ресурсов развивался в двух основных направлениях: 1) создание новых терминов при помощи словообразовательных возможностей карачаево-балкарского языка; 2) использование для выражения новых понятий уже существующих в языке слов.

Среди терминообразующих ресурсов карачаево-балкарского языка особое место занимает морфологический способ терминообразования, представляющий собой производство слов (терминов) путём присоединения к исходным основам деривационных аффиксов, используя различные словообразовательные модели, т.е. к корню слова присоединяются словообразовательные аффиксы, создавая вторичные корни (основы). В частности, словообразовательные аффиксы сами по себе не могут создавать новые слова (термины), так как они не обладают смыслообразующей самостоятельностью. Словообразовательная модель термина складывается из значения термина мотивирующей основы и словообразовательного аффикса. Присоединяясь к именным и глагольным основам, словообразовательные аффиксы выражают конкретно-предметные и абстрактные значения.

В современном карачаево-балкарском языке «морфологическое терминообразование в целом совпадает с основными закономерностями словообразования в общелитературном языке – образование терминов происходит по единым с общелитературным языком словообразовательным моделям и с помощью тех же словообразующих аффиксов, по которым образуются общеупотребительные слова»³. Однако, как отмечает В.П. Даниленко, «взяв за основу существующие в языке способы и модели словопроизводства, терминосистема обрабатывает свою словообразовательную систему, подчинив ее основным требованиям и функциям терминологической лексики»⁴. Следовательно, терминообразование отличается от обычного словообразования тем, что в нем используются определенные терминологические элементы и структурные модели, способствующие расширению терминологической базы, в результате чего происходит процесс универсализации терминообразующих аффиксов, т.е. в образовании новых терминов используется определенное число аффиксов, при этом степень их продуктивности неодинакова в современном практическом терминоворчестве. Некоторые аффиксы, считавшиеся в современном карачаево-балкарском языке малопродуктивными, могут иметь большие потенциальные возможности в терминообразовании.

С точки зрения словообразовательного потенциала все аффиксы делятся на продуктивные и непродуктивные. В первую группу входят и так называемые

малопродуктивные аффиксы⁵. Совершенно верно отмечает Б.А. Мусуков, что «продуктивными считаются такие аффиксы, которые активно участвуют в образовании новых слов, в то время как непродуктивные – это аффиксы, не участвующие в настоящее время в словообразовательных процессах, а встречающиеся в составе лишь некоторого ограниченного числа производных единиц, образованных в исторические эпохи»⁶.

Словообразовательные аффиксы в исследуемом языке можно условно разделить на две группы: 1) аффиксы, образующие термины от имен; 2) аффиксы, образующие термины от глаголов.

Одним из высокопродуктивных аффиксов следует считать *-лыкъ/ – лик, – лдукъ/ – люк*, который присоединяется в основном к именным основам и образует имена существительные и прилагательные. При помощи этого распространенного практически во всех тюркских языках аффикса образуются некоторые термины, обозначающие: 1) **родство**: *аталыкъ* «атальчество», «воспитатель, тот, кто остался вместо отца»; *жашлыкъ*, *уланлыкъ* «пасынок, приёмный»; *кызылыкъ* «падчерица»; *ахлудукъ*, *жууукъдукъ* «родство» и др.; 2) **термины животноводства**: *жайлыкъ* «летнее пастбище»; *кышылыкъ* «зимнее пастбище»; *маллыкъ* «скотина, отобранная для выращивания, развода»; *малчылыкъ* «живодноводство»; *атлыкъ* «жеребенок, оставленный для верховой езды» и др.; 3) **термины кулинарии**: *кърмачлыкъ* «кукуруза (или пшеница) для приготовления хлопьев»; *маялыкъ* «закваска для изготовления сыра»; *шишлик*, *тишлик* (*карач.*) «шашлык»; *туздукъ* «приправа из соли, чеснока, айрана и бульона»; *кърордукъ* (*карач.*) «закваска»; *тюшлюк* «обед, полдник» и др.; 4) **термины земледелия**: *сабанлыкъ* «пахотное поле»; *жерчилик* «земледелие»; *ашлыкъ* «ячмень»; *жюзюмчюлюк* «виноградарство»; *мирзеулюк* «зерновой, зерновые» и др.; 5) **общественно-политические термины**: *кыраллыкъ* «государственность»; *мамырлыкъ* «мир»; *къраричылыкъ* «оппозиция»; *энчилик* «собственность, приватизация»; *президентлик* «президентство» и др.; 6) **термины предметов одежды и украшений**: *башлыкъ* «башлык, наголовник»; *боюндукъ* «украшение в виде фигурной застёжки, пришивавшееся на кафтанчик или нагрудник»; *буундукъ* «браслет» и др.; 7) **математические термины**: *ызыкъ* «линия»; *тенглик* «равенство»; *уллудукъ* «величина, размер, объем»; *узундукъ* «периметр» и др.); 8) **религиозные термины**: *бусурманлыкъ* «мусульманство»; *христианлыкъ* «христианство»; *къадылыкъ* «должность, обязанности кадия»; *хаджилик* «паломничество» и т.д.; 9) **термины свадебного обряда**: *кърманлыкъ* «скотина, которая приносится в жертву в честь свадьбы»; *аталыкъ* «свадебный подарок отцу жениха от невесты»; *келечилик* «сватовство»; *келинлик* «будущая сноха»; *киеулюк* «будущий зять»; *къргюнчлюк* «подарок за смотрины новобрачной» и др.).

От заимствованных из русского языка слов данный аффикс образует новые имена существительные с отвлеченными значениями: *автордукъ* «авторство», *председателлик* «председательство», *гражданлыкъ* «гражданство», *депутатлыкъ* «депутатство», *законлудукъ* «законность», *консулдукъ* «консульство» и др.

Слова (термины), образованные с помощью продуктивного аффикса *-гыч/ -гич, – гьуч/-гюч (-хыч)* – это производные единицы, производные от переходных глаголов. В основном данный словообразовательный формант образует термины **кухонной утвари**: *кыргъыч* «тёрка», *жазгыч* «каталка, скалка, сделанная из твёрдого дерева», *такъгыч* «вешалка для кухонной утвари», *ургъуч* «длинная палка с круглой деревянной головкой с отверстиями (для сбивания масла), «мутовка, толстый деревянный стержень для взбалтывания айрана», *тешигич* «зубило», *сюзгюч* «шумовка, дуршлаг, цедилка, фильтр», *туйгюч* «колотушка для толчения» и т.д.; **термины фольклористики**: *билгич* «провидец, знахарь, ясновидец, волшебник», *сатхыч* «предатель» и т.д.; **термины земледелия**: *оргъуч* «жатка», *семиртгич* «подкормка» и др. Заметим, что в зоонимической терминологии

данный аффикс способствует образованию названий животных, характерным признаком которых является действие, указанное в производящей основе. Ср.: *агъач къакъгъыч* «дятел», *къуугъуч* «погоныш», *жыртхыч* «хищник» и др.

Аффикс – *чакъ/ -чук/ -чек* – относится к числу продуктивных терминообразующих формантов. В карачаево-балкарской терминологической лексике с его помощью образованы **термины украшений**: *минчакъ* «бусы», *боюнчакъ* «ожерелье» и т.д., **термины, связанные с этнографической лексикой**: *кёпчек* «седелка», *тйюмчек* «сверток, узел», *урчукъ* «ручное веретено» *ангырчак* «ленчик» и т.д.

Аффикс – *лы/ -ли, – лу / – лю* также участвует в образовании некоторых терминов – прилагательных, в частности именных, производящих основ. Например, **военные термины**: *антлы* «давший клятву», *лагъымлы* «смелый», *мазаллы* «сильный» и др.; **термины зоонимы**: *къанатлы* «птица, пернатые», *тегенекли* «зяблик», *тёппели* «жаворонок» и т.д.; **термины животноводства**: *къумалы* «племенной», *ючлю* «трёхгодовалый, трёхлеток», *жетили* «семилетка» (о крупном домашнем скоте), *мююзлю* «рогатый» и др.; **общественно-политические термины**: *мамырлы* «мирный», *болжаллы* «временный», *жанлы* «сторонник», *сайлаулу* «выборный» и т.д.; **метеорологические термины**: *киршили* «дождливый с изморосью», *кюнлю* «освященное солнцем место», *булутлу* «пасмурный» и т.д.; **термины земледелия**: *тахталы* «грядковый», *жибекли* «волоконистый», *бюртюклю* «зернистый» и др.; **термины кулинарии**: *ашамлы* «любящий поесть», *татлы* «сладкий, калорийный», *татыулу* «вкусный», *тузлу* «солёный, содержащий соль» и др.

С помощью аффикса профессии – *чы/-чи, -чу/-чую* образуются слова (термины), обозначающие различные названия профессии. В тюркских языках, так же как и в карачаево-балкарском, основной функцией аффикса – *чы* является также образование слов (терминов), обозначающих профессию, должность и занятия людей. Ср.: *гюрбежичи* «кузнец», *темирчи* «кузнец по металлу», *алтынчы* «ювелир», *къулдукъчу* «служитель, чиновник», *башчы* «руководитель». При этом лица обозначаются через их отношения к какому-либо предмету или роду деятельности, названия которых выражены в производных основах. Например: **термины, обозначающие основные специальности животноводства**: *малчы* «животновод, скотовод», *къойчу* «овцевод, чабан», *тууарчы* «пастух, (крупного рогатого скота)», *жылкъычы* «табунщик, коневод», *кийикчи* «охотник», *бузоучу* «телятник» и др; **термины, обозначающие лицо, занимающееся профессиональной деятельностью в той или иной области науки, культуры, спорта, производства**: *илмучу* «учёный», *жазыучу* «писатель», *жомакъчы*, *таурухчу* «сказитель», *шахматчы* «шахматист», *жырчы* «певец», *къураучу* «организатор», *махкемечи* «контрщик», *келечи* «представитель», *жангычы* «новатор» и т.д.; **военные термины**: *садакъчы* «лучник», *сакълаучу* «стражник», *къодучу* «глашатай», *дыфчы* «сигнальщик», *урушчу* «воюющий» и т.д.; **юридические термины**: *жууапчы* «ответчик», *аманлыкъчы* «преступник», *терслеучю* «обвинитель», *даучу* «истец» и др.

Во всех тюркских языках при терминообразовании наиболее распространенным и продуктивным является аффикс – *им/-ым// -ум//-юм*. Модель «основа глагола + аффикс» употребляется в создании слов (терминов), обозначающих **лингвистические термины**: *этим* «глагол», *келишим* «согласование», *басым* «ударение», *айтым* «предложение», *болум* «обстоятельство», *бёлюм* «слог» и т.д.; **этнографические термины**: *къалым/ къалын* (карач.) «калым, выкуп за невесту», *союм* «животное, предназначенное на свадебное торжество» и т.д.; термины одежды и обуви: *кийим* «одежда», *бичим* «покрой», *ышымы* «ноговицы» и др.

С помощью продуктивного аффикса – *ма/ -ме* от основ переходных производящих глаголов образуются ряд терминов. По данной модели образовались термины,

связанные с различными отраслями знания: **термины животноводства:** *чончай-ма* «овца короткохвостая», *жатма* «навес для скота» и др.; **лингвистические термины:** *алынма* «заимствование», *кёчюрме* «калька», *айырма* «залог» и др.; **термины литературоведения:** *туудурма* «олицетворение», *эриклеме* «пародия», *чыгъарма* «произведение», *къайтарма* «рефрен» и др.,

Аффикс *-ла-// -ле-* активно участвует в терминообразовательных процессах, присоединяясь к именным и глагольным основам, имеющим не только тюркское происхождение, но и к тем производящим основам, которые заимствованы из других языков. С помощью продуктивной модели «производящая основа (разные части речи) + аффикс – ла-// -ле» произведены **общественно-политические термины:** *айырыула* «выборы», *кадрла* «кадры», *асламла* «массы», *белгиле* «констатировать», *жаула* «презирать, ненавидеть» и т.д.;

В терминообразовании исследуемого языка аффикс *-лау- // -леу-* является дальнейшим морфологическим развитием аффикса *-ла* и состоит из двух частей: терминообразующего форманта *-ла* и аффикса имени действия *-у*. В образовании терминов исходной основой служат именные и глагольные основы. Ср.: **общественно-политические термины:** *байрамлау* «празднование», *алгъышлау* «поздравление, «приветствие», *ырыслау* «суеверие» и др.; **математические термины:** *керелеу* «умножение», «деление», *белгилеу* «нумерация» и т.д.

По мнению М.А. Хабичева, аффикс *-уу/ -уу, -уу/-юу, -у* присоединяется в современном карачаево-балкарском, кумыкском и караимском языках только к глагольным основам и образует существительные со значением процесса или результата действия, иными словами – имена действия⁷. По языку-источнику производящими основами выступают собственно карачаево-балкарские слова, образующие, например: **математические термины:** *юлешуу*, *бёлюу* «деление», *тенгелешуу* «уравнение» и др.; **лингвистические термины:** *окъуу* «учёба», *келишуу* «согласование», *тагъылыу* «управление», *жегилуу* «спряжение» и др.; **религиозные термины:** *жазыу* «судьба, предначертание, предопределение», *ийнаныу* «вера»; **термины животноводства:** *семиртиуу* «откорм», *кютюу* «пастьба», *союу* «забой», *къутуруу* «бешенство», *къырылыу* «падёж» и т.д.; **общественно-политические термины:** *къозгъалыу* «мятеж», *салыу* «назначение», *кетериуу* «ликвидация», *бирикдириуу* «интеграция», *кётюрюу* «повышение» и др.

Аффикс взаимно-совместного залога *-ыш / -иш* в карачаево-балкарском языке употребляется не только в залоговом значении, но и в словообразовательном. С его помощью образовались такие термины, как: *тутуш*, *жыгъыш* «бороться», *туруш* «наклонение», *болуш* «падеж» и др.

Вместе с тем с помощью аффиксальных морфем карачаево-балкарского языка произведено большое количество слов от русских заимствований. Ср.: *авторлукъ* «авторство» (лит. терм.) *законлукъ* «законность», *депутатлыкъ* «депутатство», *либераллыкъ* «либерализм» (обществен-полит. терм.) и др.

Следует также отметить, что русские заимствованные прилагательные на *-ный* в терминологической лексике исследуемого языка полностью теряют эту часть⁸. Ср.: *суверен* – суверенный, *муниципал* – муниципальный, *авторитар* – авторитарный.

Таким образом, фактический языковой материал наглядно демонстрирует, что термины, образованные морфологическим способом, характеризуются наибольшей системностью и играют важную роль в формировании терминологической лексики современного карачаево-балкарского языка. Исследование показало, что терминологическая деривация опирается на основной словарный фонд данного языка, который и служит базой для образования новых слов (терминов). Более того, использование морфологического (аффиксального) способа в терминологической дериватологии исследуемого языка носит регулярный характер.

Примечания

1. *Татаринов В.А.* Теория терминоведения. Т. 1. Теория термина: история и современное состояние. М.: Московский Лицей, 1996. 311 с.
2. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология. Вопросы теории. Едиториал УРСС, 2004. 248 с.
3. *Махиева Л.Х.* Лингвистическая терминология карачаево-балкарского языка. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. 147 с.
4. *Даниленко В.П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
5. Современный карачаево-балкарский язык. Гузеев Ж.М., Аппоев А.К., Жабелова Л.Ж., Жаппуев А.А., Махиева Л.Х., Мусуков Б.А., Отаров И.М., Улаков М.З. В двух частях. Ч. 1. Нальчик: Печатный двор, 2016. 442 с.
6. *Мусуков Б.А.* Морфологическая деривация глаголов в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Издательство КБИГИ, 2009. 255с.
7. *Хабичев М.А.* Именное словообразование и формообразование в куманских языках. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 218 с.
8. *Локьяева Ж.М.* Аффиксальный способ образования общественно-политической лексики (на материале карачаево-балкарского языка). Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2016. 4 (31). С. 76–79.

TERMINOLOGICAL DERIVATOLOGY: MORPHOLOGICAL (AFFIXAL) METHOD OF TERMS FORMATION (based on the Karachai-Balkarian language)

Makhieva Lyudmila Hamangerievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher of the Karachay-Balkarian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), liudmila.makhieva@mail.ru

The article is devoted to the study of one of the little-studied issues of Karachai-Balkarian linguistics – the analysis of terminological derivation. The choice of the topic is due to the fact that the problems of the terminological vocabulary of this language have not yet been the subject of a special monographic study .. In the studied language there is also no generalizing research on terminological derivation. The main purpose of this article is to study and describe the morphological (affixal) way of terminology on the material of the Karachai-Balkarian terminological system. The object of the study was productive term-forming models, from names and verbs involved in the formation of terms in a morphological (affixal) way. The theoretical basis of the research was the scientific works on word formation in general linguistics and Turkology. In this article, we used descriptive (the study of morphological (affixal) term formation in a synchronous plan) and functional methods. During the study of this problem, for the first time in the terminological vocabulary of the modern Karachay-Balkarian language, an attempt is made to analyze and substantiate term-forming models that have potential tendencies towards universalization. The results of the study indicate that in the process of the term creation in the Karachay-Balkarian language, it is possible to overlap several word-formation affixes simultaneously. Derivative terms can be derived from both roots and fundamentals, enriching vocabulary and terminology. From the point of view of the source language, the basic principles for the formation of terminology can be both the original Karachai-Balkarian words and borrowings from different system languages. In their activity, affixes in terminological derivation are divided into productive and unproductive. In quantitative terms, in terminological vocabulary of unproductive affixes, there are more than productive ones. Affixes that are productive in the morphological derivation of the studied language can be unproductive in terms of formation. The practical value of this article lies in the fact that based on it can be written monographs, textbooks on the terminology of the target language.

Keywords: terminological vocabulary, morphological (affixal) terminology, term system, productive term-formative formant, nomination of concepts, language material.

АДЫГЭБЗЭ ЭМОТИВНЭ ЛЭЖЬЫГЪЭЦІЭХЭМ ЯХЭЛЪ ГЪЭЩІЭГЪУЭНАГЪХЭР

Токмакь Мадина Хьэсэнбий ипхьу, филологие шлэныгъэхэмкІэ кандидат, Федеральнэ къэрал бюджет шлэныгъэ ІуэхушлалІэ «Урысейм шлэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шлэныгъэ центр» Федеральнэ шлэныгъэ центрим» и филиалым и адыгэбзэ секторым и лэжыакІуэ нэхьыжъ, tokmak_madina_h@mail.ru

Адыгэбзэ эмотивнэ лексикер иджыри нэгъсауэ къэхута хьуакьым. Ар Іэмал имыІуэ джын хуей бзэщІэныгъэ унэтІыныгъэ зэмылІужыгъуэхэм ящыщ зыщ. Эмотиологиер куэд шлакьым шлэныгъэлІхэм урысыбзэми, нэгъуэщІ бзэхэми къышахутуэ зэршадзэрэ. Абыхэм къагурыІуэу шадзаш зыхэщІэныгъэхэм ди гъащІэм мыхьэнэшхуэ зэршадзэр, ар лексико-семантическэ системэм и зы Іыхьэу джын зэрхуейр. Эмотиологиер шэнхабзэм епхаш, абы къегъэлыгъуэ лъэпкъым и шытыкІэ шхьэхуэхэр, абы и къыщхьэщыкІыныгъэхэр. Эмотивхэр грамматикэ и лъэныкъуэкІэ, псалъэ лъэпкъыгъуэу джын хуейщ, и шытыкІэр, бзэм зэрхэтэр бгъэбелджылын шхьэкІэ, пэжу, нэхьыфІу къэбгъэсэбпыфын шхьэкІэ. Мы лэжыгъэр зытеухуар эмотивнэ лэжыгъэцІэхэм адыгэбзэм шаубыд увыпІэр зэхэгъэкІынырщ. Тхыгъэм къышыгъэ-лъэгъуаш эмотивнэ лэжыгъэцІэр семантическэ зэхушытыкІэ зэмылІужыгъуэхэм (синонимическэ, антонимическэ, мыхьэнэбагъэ) зэрхэтэр. Мы лэжыгъэм наІуэ ещІ эмотивнэ лэжыгъэцІэхэм бзэр нэхъ къулей зращІыр.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: эмотиологие, зыхэщІэныгъэ, лэжыгъэцІэхэр, синонимие, антонимие, мыхьэнэбагъэ, энантиосемие.

Эмотиологием едж цІыхум зыхищІэ гурыщІэхэр, ахэр къыгъэлыгъуээн папщІэ къыгъэсэбэп псалъэхэр, фразеологизмэхэр, ахэр бзэм зэрхэт хабзэхэр, н.къ. Шэч хэлъкъым зыхэщІэныгъэхэм ди гъащІэм мыхьэнэшхуэ зэршадзэр, сыт шхьэкІэ жьшІэмэ цІыхум дапхуэдэ Іуэху имыщІами, сыт хуэдэ гуп хэмытами, псоми и лъабжьэ хьужыр езым и хушытыкІэраш, псалъэм папщІэ, лъагъуныгъэ, бампІэ, гущІэгъуэ сыт хуэдэхэраш. Гупсысэм, псалъэным ямызакъуэу, зыхэщІэныгъэхэмкІэ цІыхур хьэкІэкъуэкІэхэм къащхьэщокІ.

Эмотивнэ лексикер бзэм и зы Іыхьэщ, ар фІыуэ шІІэмэ, уи гум илхэр нэхъ къэпІуэтэфынуш, хуэлэзу упсалъэфынуш. Шаховскэ В. И. зэритхымкІэ, япэм (1970-м гъэхэм ипэкІэ) Урысейм, Америкэм н.къ. шыщу бзэщІэныгъэлІ куэдым зыхэщІэныгъэхэм тепсалъыхьыну яфІэфІтэкьым¹. Абы теухуауэ лэжыгъэ закъуэ-тІакъуэ фІэкІа шыІэтэкьым². Иджы эмотиологием шлэныгъэлІ куэд йолэжъ. Адыгэбзэм и гугъу шІІымэ, зыхэщІэныгъэхэм теухуауэ тхыгъэ куэд шыІэкьым, ахэр дяпэкІэ нэхъ жьджэру джын хуейуэ къытпэщылыш³.

ЗыхэщІэныгъэхэр дэтхэнэ бзэми яІэщ, ауэ лъэпкъ къэс ахэр къызэраІуатэр эщхьэщокІ. ЦІыхум и гурыщІэхэр къызыхьэкІа лъэпкъым епхаш. Лъэпкъ къэс езым и шытыкІи и псэукІи иІэжщ, зыхэщІэныгъэхэм ар къыхош, къаІуатэ. Дуней псом шыщІэрыІуэ бзэщІэныгъэлІ Вежбицкэ А. лэжыгъэ зыбжанэ итхаш абы теухуауэ⁴. Дэри эмотивнэ лэжыгъэцІэхэр къэтхутэмэ, адыгэ шэнхабзэр къыбгурыІуэным ар сэбэп хуэхьуну догугъэ.

ЗыхэщІэныгъэхэр псалъэ лъэпкъыгъуэ зыбжанэу зэхэтщ. Зи шхьэ хушыт псалъэ лъэпкъыгъуэхэм шыщу лэжыгъэцІэхэр нэхьыбэ дьдэ мэхьури, абы дытепсалъы-хьыну дыхуейт. Адыгэбзэ лэжыгъэцІэхэм зыхэщІэныгъэ зэмылІужыгъуэ куэд къаІуэтэф: *къэгуфІэн, зыгъэгусэн, шхьэжэсгъуэн, гузэвэн, къытелІэн, хуезэшын,*

зыщццэгъэбзэнын, къэщтэн, губжъын, зыфыщццыжын, цысхъын, фццэгъуэныхъын, къыхэхъыжъэн, зыкъузын, укццытэн, ехъуэпсэн, н.къ. Сэмантикэ и лъэныкъуэкццэ къапщтэмэ, ахэр гупипццэ бгуэщ хъунуш. Япэ гупым хохъэ ццыхум здит зэманым зыхищццэ гурыщццэхэр, абы и эмотиональнэ щытыкццэр къэзыгъэлыгъуэхэр (*шынэн, плейтеин, нэццхъыфццэн, гухэн, гужъеин, нэжэгуужэн, гузэвэн*, н.къ.). Псалъэм папщццэ: *Иджыпсту, ццхъэгъубжэр зэццудзыну шынэу, армырми ихъуреягъкццэ къегъэбыдэкццэ нэшым цццэбэмццыхъу унэкум здитым, абы (Цыкъэ) и гум къокццыж и гъуэгуанэм ццыцу аргуэрэ зы теплъэгъуэ ццыкццэ⁵. Сэлихъ псалъи яхидзэтэкъым, Шарэ худэпццэин укццытэу гуахъуэр и бгъэгум цццэгъэкъуауэ ццытт⁶. Хъэуэ, зэкццэ здэпццэццэн ццыкццэным, ауэ мэгъузавэ (хъыджэбзыр)⁷.*

Еццуанэ гупым хохъэ ццыхум зыхищццэн зыщццидза гурыщццэхэр. Ар япэ гупым къызэрщццхъэщыкццыр къэдгъэлъэгъуэн папщццэ, мыпхуэдэ шапхъэхэр къэтхъынщццэ: *къэшынэн, къэплейтеин, къэнэццхъыфццэн, къэгухэн, къэгужъеин, къэнэжэгуужэн, къэгузэвэн*, н.къ. Зэрытлгъагъуши, япэ зи гугъу тццэа зыхэхщццэныгъэхэм лъабжъэпэ (префикс) *къэ-*(*къы-*) «лэжыгыгъэм и цццэдзапццэ» мыхъэнэ иццэу къапыбгъуэвэмэ, еццуанэ гупыр къохъу. Мы гупым и нэхъыбапццэр апхуэдэ къэхъукццэ зиццэ лэжыгыгъэццэхэщ, ауэ, абыхэм ямызакъуэу, нэгъуэщццэ псалъэхэри хохъэ (п.п. *ццтэн, хуэшынэн, хэнэццхъеихъын, хъэрпхъэрын, къызэфццэзэрыхъын*, н.къ.) Псалъэм папщццэ: – *Тхъэм уи гъуэгу дахэ ищццэ, – жиццэу Локотоши къэгъуфццэу фызым дэццэныкъуэрэ и къэпыр къищццэри фызым и ццыбым ирилъхъэжэщццэ⁸. Мусэбий къыщолъэт. Губжъылыгъыр къызытелъэда и нитццыкццэ Безрыкъуэ жъэхоллъэ къэлыбауэ: – Зэпыту укццэ атццэ псори!⁹ «О-о, дэ ди тхъэ, – къызэфццэнащ ар (Лацэ), – сыту ццыху ерыщццыуэ мыр (Джэрий)¹⁰.*

Ещанэ гупым хохъэ зыгуэрэм и зэранкццэ е и фццыгъэкццэ зыхэпщццэ гурыщццэхэр (*дэхъэхын, зыщццэгъэхъуэпсэн, къэгъэнэццхъеин, гъэетэн, гъэбэмццэн* н.къ.). Абы и нэхъыбэр каузатив (къыхуэгъуэшыныгъэ) лъабжъэпэ гъэ- кццэ къохъу. Псалъэм папщццэ: (*Дыццэнэ Безрыкъуэм жреццэ:*) *Сегъэгъузавэ абы (Мусэбий) Иейуэ. И ццхъэ зэрехъуэу къэнащ¹¹. Абы Уэнджырокъуэ къыгъэгъубжэщццэ, тхылъыр ццыкццэу ццыкццэу ичатхъуэу хыфццидзэжыным нэсауэ, арихъэкццэ Къэсболэт жиццэам ар Идэб ищццыжри и пццэми кърищэжэщццэ: – Дызэгъусэу дыкъевгъаджэт абы, Уэнджырокъуэ¹². (Дэфэрэджэ:) Пццыхъэццхъэ автобусым ситццысхъэнищццэ жысццати, иджы си автобусри къэнэжэщццэ, – жысццэри си билетыр къэзгъэпццэищццэ, Лэтццифэ фигъэшынащ сыт жысццэу къыхэхэзгъэщццэным¹³.*

Еплццанэ гупым къызэщццэубыдэ «зыгуэрэм хуэгъэза гурыщццэ» мыхъэнэ зиццэ лэжыгыгъэццэхэр. Ахэр нэхъыбэу къагъэхъу ири-, ццы-, хуэ-, цццэ-, те-, фццэ- лъабжъэпэхэм, абыхэм псоми зыгуэрэм хуэгъэза хушытыкццэ къагъэлыгъуэу (хуэ- нэжэгуужэн, фццэгуэныхъын, теукццытыхъын, зытегъэгъусэн, ццыгуфццыкццын, ирибжъыфццэн, цццэбэнын, н.къ.). Псалъэм папщццэ: (*Сэццимэт*) *И анэр дунейм зэрехыжрэ илъэсрэ ныкъуэрэ нобэ ирокъури абы иригуауэщццхъуэу къыщццэкццынщцэ, – игукццэ зригъэзахуэрт Къарней, – ццхъэщццысхъыным ипццэкццэ сэ абы зыхузогъэгъусэ. Ар ццыхуэгъэнищццэгъэщццэ¹⁴. (Фатццимэт:) Сыту хуабжъу сыщцыгуфццыкццэрт сэ школым сызэрыкццэуэм¹⁵. – И кццэм нэсу къедауэ, былым, – хуэдзэлъищццэщццэ Виктор къыбгъэдэсым¹⁶. Къыхэдгъэщццынщцэ, адыгэбзэ морфологием теухуауэ щыццэ лэжыгыгъэхэм зыщццыпццэи хэдгъуэтакъым къэ-, къы-, ццы-, те-, цццэ- лъабжъэпэхэм эмотивнэ мыхъэнэри зэралэнкццэ хъунур. Ахэр эмотивнэ лэжыгыгъэццэхэм шапыувэкццэ мыхъэнэщццэ яццэ мэхъу, зыхэхщццэныгъэм епхауэ.*

Етхуанэ гупым хохъэ къэбгъэлыгъуэу, къэпццэуэтэф хъу гурыщццэхэр (*ихъыдэн, кццэлыбгээн, еубзэрэбзэн, къэуццыпццын, зызэхуэфэн, цццэнэкццэн, енэццын*, н.къ.). Псалъэм папщццэ: *Иджы Мудар кццыщцыбжэм нэсыжэщццэ зэрыжиццэу, аргуэрэ псалъэр къригъэжъэжэти нысэр ихъыдэрт, ауэ иужъкццэ абы жиццэхэр нэхъыбэу зыхуигъэзар Мударт¹⁷. Гуэбэшым апхуэдэ (Къантемырыр зэрыриудынур) ищццэнкццэ мыгугъа цццэлэхэр къэуццэбжэщцэу зэщццэофшикццэ, псыхъэ хъыджэбзхэр «кццыр-кццыр-кццыр» – жэццэу мэдыхъэщццэ¹⁸. Шамсир и нэпсыр къыфццыщцэош, зыхуэмыбуыду магъ¹⁹.*

Адыгэбзэм и эмотивнэ лэжыгыгэцлэхэр мыхьэнэбагъэм (полисемием) епхаш. Языныкьуэхэм зы мыхьэнэ ялэщ (*арэзын, шынэн, егуэжлээн, гьагьын, гьэфлэн, хуэгуфлэн, ехуэпсэн, хуеин*, н.кь.), адрейхэм (ахэр нэхьыбэщ) мыхьэнэ зэдзэкламкIэ гурышIэ кьауатэ (*зэгуэудын, кьэчэн, кьэдзэлэшихэн, зыллэжын, пэбжьэуэн, пэщэн, зыукIыжын, кьэкьуэлээн, кьызэцIэллээн, кьызэцIэуцIыплээн*, н.кь.). Адыгэбзэм уащыхуозэ мыхьэниIэ зиIэ лэжыгыгэцлэхэм, тIуми зыхэщIэныгыгэ кьагьэлъагьуэу: *Инкунын* (1) «дзыхьмышцIу, темыгушхуэу щытын», *Инкунын* (2) «пIейтейуэ щытын»; *бэмпIэн* (1) «зыгуэрым шхьэкIэ хуабжыу зэгуэпын», *бэмпIэн* (2) «зыгуэрым хуабжыу хуэзэшын, гум кьэкIын, щIэбэгын», н.кь. Абы нэмышцI, ономимхэри хэтщ зи гугьу тцIы лэжыгыгэцлэхэм: *хуэгьэукIытэн* (I) «зыгуэрым и хьэтыркIэ гьэукIытэн», *хуэгьэукIытэн* (II) «игьэукIытэн льэжын, игьэукIытэфын»; *хуэгьэшы-нэн* (I) «зыгуэрым и льэлукIэ гьэшынынэн», *хуэгьэшынынэн* (II) «игьэшынынэн льэжын, игьэшынынэфын», н.кь.²⁰

Мыхьэнэбагъэм имызакьуэу, эмотивнэ лэжыгыгэцлэхэр синонимическэ, антонимическэ зэхушытыныгьэхэми хохьэ. Абы нэхьапэлуэклэ дьтетыхауэ щытащ²¹. Адыгэбзэ эмотивнэ лэжыгыгэцлэхэм нэхьыбэу синонимическэ гупхэр кьагьэхур. Языныкьуэ эмотивнэ лэжыгыгэцлэхэр синонимкIэ кьулейщ. Апхуэдэхэщ, псалъэм папщIэ, *кьэгубжыын* (*ЩIалэ цIыкIухэр зэрыгьэдыхьэхихьу, афицарым зифыщIыжу хьуцIэу, зэ зым бгьэдэлъадэрэ ехуэну, и IэштIымыр игьэдалъэу, сэлэтхэри кьэгубжыауэ я нэм цIы имылъагьужу, кьагурьIуэми, кьагурьмыIуэу зыкьыфIагьэщIу кьауащыхьырт, уэсыр зэхуатэу*²²), *кьызэцIэллээн* (*Абы тегупсысыхьурэ, ПэжIу-тIэжIуэрэ, пщыр кьызэцIоллэ*²³), *кьызэцIэнэн* (*Ауэ зы махуэ гуэрым Софят зэи хуэмьдэжу зэгуоп, уеблэмэ, губжыыгьэ мафIэкIэ кьызэцIонэ*²⁴), *кьэлыбын* (*Кьэрэжыи цыдэжану кьэлыбат, арицхьэкIэ, и фочым тегузэвыхьати, зыкьыригьэцIакьым, гушыIэнэцIи зыцIац*²⁵), *кьэпIыын* (*Уей, гуцэ, Сосрыкьуэр губжыащ. Уей, мыгьуэ, Сосрыкьуэр кьэпIыащ*²⁶), *кьэтэмакькIэщIыын* (*Талустэн кьыгьэушынкIэ мышынэжу, зэрихабзэу кьэтэмакькIэщIауэ Бабыху ину хьуцIэу щIидзац...*²⁷), *кьэтэмакьын* (*Сидневыр хуабжыу кьэтэмакьауэ кьыщылъэтри пэшым кьыщIэклац*²⁸), *кьызэкIуэжIын* (*Кьанлы кьызэкIуэжIац. Темболэт и адэри нэхь тIасхьэу кьэгубжыатэжым*²⁹), *кьэцIыдыжын* (*– Ей, зо, зыдэтицIэр Iейуэ кьэцIыдыжауэ цIэси, кьоджа пэт цхьэ умыкIуэрэ? – жеIэ хьыдыжэбзым (Фулэд зыхуигьазэу), и цхьэр бжэм дигьэжауэ*³⁰), *кьызэцIэлэдыэн* (*– Сэ сызыгьэсам и деж унэмыс уэ, хьэтишыр! – кьызэцIэлэдыащ цIалэр*³¹), *кьылъын* (*Тхьэ дывмыгьэпсэурэ, фэри зыцIэвмыгьэпсэхур ло?! – кьылъащ ар (фызыр) я бжэIупэм кьыщыIуцIа хьэщIэхэм, кьраха сэламри жэуапыншэу кьыгьэнауэ здаблитхьум*³²), *кьэIэлын* (*Цыху гуэрым кьыгьэгубжыу и жьакIэм епхьуэжамэ, абы щыгьуэ Абдул-Вахаб кьэIэлауэ арати узижэгуэуныр абдежым пэщIэхуэуэ абы*³³), н.кь.

Синонимием дыщытепсэлъыхькIэ фразеологиеме Iэмал имыIэу и гугьу тцIын хуейщ, сыт шхьэкIэ жыпIэмэ фразеологизмэхэр зыхэщIэныгьэхэм я купкь дьдэщ. Ар адыгэхэм, адыгэбзэм я шхьэхуэныгьэхэм язщ³⁴. Дэтхэнэ гурышIэм и гугьу умышцIам, псоми фразеологизмэхэр хэтщ, зыхэщIэныгьэхэр кьыуатэу. Псалъэм и хьэтыркIэ: *Темботрэ Лурэ я нэр кьыхуу дэплэейрт, клансэ кланэр кьызэIэрыхьэм ехуэпсэн*³⁵. *Баблинэ игу кьызэфIэнэри гьащ*³⁶. (*Хьисэ:*) *Абы хэту Iейуэ сыкьызэгуэри сыкьыщылъэнтац, Хьэцищрэ Бэгьудзэрэ зэхэзгьэныцIкIуэ кьысфIэщIу си дзэхэр зэрыгьэжихащ, зызымышIэжэуи Iейуэ сыхьуэнац*³⁷, н.кь.

Абы нэмышцI, эмотивнэ лэжыгыгэцлэхэр мыхьэнэклэ зэпэщIоуэф, ауэ синонимие гупым елытауэ апхуэдэ псалъэхэр адыгэбзэм щынэхэ машIэщ. Псалъэм папщIэ, *дыхьэхихьын – гьын, гуфIэн – нэцхьейн*, н.кь. Антонимическэ гупым фразеологизмэхэри хэбгьэуэв мэхьу: *бэмпIэн – гур зэгьэн, нэжэгуужэн – дзэр льын, кьыфIэмыIухун – нэклэ шхын*, н.кь. ЗэпэщIэуэ зэхушытыкIэм и гугьу тцIымэ, энантиосемием Iэмал имыIэу дытепсэлъыхьын хуейщ. Бзэм ущрохьэлIэ зы псалъэм мыхьэниIэ зэпэщIэуэ иIэу, абы энантиосемиекIэ йоджэ³⁸. Псалъэм и хьэтыркIэ, *кьыщыудын* псалъэм мыхьэниIэ иIэщ: (1) «зыхуэмыубыдыжу гьын»; (2) «зыхуэмыубыдыжу дыхьэшхын». Евгьапщэт: *Щхьэ сыбгьэбамIэрэ? – жиIэри Анчарэ*

кыщцуудауэ унэм цIэлъэтри шыгъуэгу хадэм илъэдац³⁹. Лу **кыщцуудыным** тIэкIут къэнэжар, ар фIэдыхъэшхэнти⁴⁰. А зи гугъу тщIы лэжыгыгъэцIэр гъын е дыхъэшхын псалъэхэм я гъусэу псалъэухам кыщцыкIуи шыIэш: Ар (ГупымыкI) **кыщцуудри** и гушыкъур къутэху **гъащ**, зыфIэтхъэмыщкIэжу, зыфIэнасыпынишэу⁴¹. Кхъухъыпщыр **кыщцуудри дыхъэшхащ**: – Мыр лIо, цыжъбанэ, укыщцIэмыхъэу укыщцIоджагуэри?⁴² Апхуэдэхэм деж езы псалъэухам наIуэ къещI псалъэм и мыхъэнэ хъур.

Гу зэрылгытгащи, эмотивнэ мыхъэнэ зиIуэ хэтхэмкIэ лэжыгыгъэцIэхэр адыгэбзэм и зи щхъэ хущыт адреи псалъэ лъэпкыгыгъуэхэм хэпщIыкIу йобэкI. Абыхэм зыхэщцIэныгъэ зэмылIэужыгыгъуэхэр къаIуатэ. Мыхъэнэ яIэмкIэ эмотивнэ лэжыгыгъэцIэхэр гупитхуу бгуэш хъунуш. Бзэм шызекIуэ семантическэ зэхушытыкIэхэм а зи гугъу тщIы лэжыгыгъэцIэхэр хэтхэщ, мыхъэнэбагъэ, синонимическэ, антонимическэ гупхэр къагъэхъуу. КIэщцIу жыпIэмэ, эмотивнэ лэжыгыгъэцIэхэм адыгэбзэм увыпIэшхуэ шаIыгъщ, абыхэм бзэр куэдкIэ нэхъ къулей ящI.

ТегъэцIапIэхэр

1. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике. Вопросы психолингвистики. № 9. 2009. С. 29–42.
2. Aitchison J. Words in the mind: an introduction to the mental lexicon. Oxford: Basil Blackwell, 1987. 158 с.
3. Бижоев Б.Ч., Токмакова М.Х. Гендерная специфика выражения эмоций адыгскими женщинами (на материале кабардино-черкесского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 126–131.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. Введение // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 263–305.
5. Къэрриокъуэ М. Азэмэт. Налшык: Эльбрус, 1984. 392 н.
6. Дыгъужь Къу. ТехъэщцIэ // Дыгъужь Къу. ТехъэщцIэ. Уэхъутэ М. Лабэ кыкIа хъэщцIэ. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ Къэрэшей-Черкес отделенэ, 1976. Н. 3–157.
7. Хъэх С. Насыпхуэплъэ // Хъэх С. Курых. Налшык: Эльбрус, 2008. Н. 19–28.
8. КIыщцокъуэ А. Нал къута // Тхыгъэхэр томиплIым щызэхуэхъэсауэ: в 4-х т. Налшык: Эльбрус, 1985. Т. 3. Н. 207–404.
9. ЩоджэныцIыкIу I. Уи цIэр фIэсщынщ. Налшык: Эльбрус, 1973. 304 н.
10. ШэджыхъэщцIэ Хъ. Гум псори къонэ. Налшык: Эльбрус, 1984. 452 н.
11. ЩоджэныцIыкIу I. Уи цIэр фIэсщынщ. Налшык: Эльбрус, 1973. 304 н.
12. МафIэдз С. Гъыбзэ хуэфашэт. Налшык: Эльбрус, 1992. 448 н.
13. КIыщцокъуэ А. Лъапсэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Налшык: Эльбрус, 2006. Т. 5. Н. 3–370.
14. КIэщт М. ГъащIэм и дерс // КIэщт М. Лъагъуныгъэм и уасэ. Налшык: Эльбрус, 1972. Н. 33–106.
15. Кхъуэхъу Ц. ФатIимэт. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ Къэрэшей-Черкес отделенэ, 1970. 376 н.
16. ШэджыхъэщцIэ Хъ. Гум псори къонэ. Налшык: Эльбрус, 1984. 452 н.
17. Кхъуэхъу Ц. ФатIимэт. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ Къэрэшей-Черкес отделенэ, 1970. 376 н.
18. Нало З. Гуэбэшы Хъусин и тхыдэ // Нало З. Къру закъуэ. Налшык: Эльбрус, 1981. Н. 97–119.
19. Хъэх С. Шамсир // Хъэх С. Курых. Налшык: Эльбрус, 2008. Н. 68–73.
20. Словарь кабардино-черкесского языка. Москва: Дигора, 1999. 860 с.
21. Токмакъ М.Х. Адыгэбзэм эмотивхэм семантическэ ассоциативнэ полехэр кызырщыгъэхъур // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНИЦ РАН. Нальчик, 2011. Вып. 18. С. 143–148.
22. КIыщцокъуэ А. Хъуэпсэгъуэ нур. Тхыгъэхэр томиплIым щызэхуэхъэсауэ: в 4-х т. Налшык: Эльбрус, 1984. Т. 1. 600 н.

23. *Шортэн А.* Бгырысхэр. Налшык: Къэбэрдей тхыль тедзапIэ, 1954. 504 н.
24. *ЩоджэңцЫкIу I.* Софят и гъатхэ // *ЩоджэңцЫкIу I.* Тхыгъэхэр: в 3-х т. Налшык: Эльбрус, 1989. Т. 3. Н. 7–235.
25. *КЫщокъуэ А.* Лъапсэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Налшык: Эльбрус, 2006. Т. 5. Н. 3–370.
26. Нэргхэр. Налшык: Эльбрус, 1995. 288 н.
27. *Дыгъужь Къу.* Щымахуэ лэгъуыкIу. Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс Республикэм и къэрал тхыль тедзапIэ, 2011. 176 н.
28. *Теунэ Хь.* Шэджэмокъуэ лъэпкъыр. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1967. 512 н.
29. *МафIэдз С.* ЩакIуэ фЫщIэ. Налшык: Эльбрус, 1974. 240 н.
30. *Къэрмокъуэ М.* Шыхухэр иджыри мэкI. Налшык: Эльбрус, 1976. 384 н.
31. *ШэджыхъэщIэ Хь.* ЛыщIэж // ШэджыхъэщIэ Хь. ЛыщIэж. Налшык: Эльбрус, 1992. Н. 5–212.
32. *Хьэх С.* Сигу, къэувыи сызылъэщIэгъэхэ! // Хьэх С. Курых. Налшык: Эльбрус, 2008. Н. 296–467.
33. *Шортэн А.* Бгырысхэр. Налшык: Къэбэрдей тхыль тедзапIэ, 1954. 504 н.
34. *Токмакъ М.Хь.* Соматизмэхэр адыгэбзэ эмотивнэ лексикэм зэрэхэтыр // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. № 1 (28). Нальчик, 2016. С. 66–71.
35. *КЫщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Тхыгъэхэр томиплIым щызэхуэхъэсауэ: в 4-х т. Налшык: Эльбрус, 1984. Т. 1. 600 н.
36. *Дыгъужь Къу.* ТехъэщIэ // *Дыгъужь Къу.* ТехъэщIэ. Уэхьутэ М. Лабэ кыкIа хъэщIэ. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ Къэрэшей-Черкес отделенэ, 1976. Н. 3–157.
37. *Махъсидэ З.* Хьисэ и махуэ блэкIахэр // *Махъсидэ З.* Зи лъэужьыр мыужьыха. Налшык: Тхыль тедзапIэ ООО «Печатный Двор», 2015. Н. 15–30.
38. *Токмакова М.Х.* Эмотивная лексика кабардино-черкесского языка. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2017. 274 с.
39. *КЫщокъуэ А.* ЩыңэхужьыкIуэ. Налшык: Эльбрус, 1985. Т. 3. Н. 6–206.
40. *КЫщокъуэ А.* Мазэ ныкъуэ цхъуантIэ. Налшык: Эльбрус, 1984. Т. 2. Н. 499–853.
41. *МафIэдз С.* ЩакIуэ фЫщIэ. Налшык: Эльбрус, 1974. 240 н.
42. *КЫщокъуэ А.* Кхъухъ пхэнж // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Налшык: Эльбрус, 2006. Т. 5. Н. 494–517.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Токмакова Мадина Хасанбиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), tokmak_madina_h@mail.ru

Эмотиология – неисследованная область кабардино-черкесского языкознания. Изучение ее в отечественной и зарубежной лингвистике в последние десятилетия стало очень популярным. Связано это с пониманием значимости эмоций в нашей жизни и необходимости исследования данной сферы в языкознании. Изучение эмотивов тесно связано с культурологией, которая накладывает свой отпечаток на обозначение и выражение эмоций, какими бы универсальными они не казались. Анализ эмотивов как грамматических единиц способствует пониманию природы исследуемых лексических единиц, способов их образования, возможных приемов использования в речи и т.д. В данной статье предметом исследования становится самый многочисленный среди знаменательных частей речи – глагол. Определяются его основные семантические типы, отмечается активное участие данных эмотивов в синонимических, антонимических, полисемантических отношениях, выявляются их особенности.

Ключевые слова: эмотиология, эмотивные глаголы, синонимия, антонимия, полисемия, энантиосемия, фразеология.

FEATURES OF EMOTIVE VERBS IN KABARDINO-CHERKESS LANGUAGE

Tokmakova Madina Hasanbievna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), tokmak_madina_h@mail.ru

Emotiology is an unexplored area of the Kabardino-Circassian language. Studying it in domestic and foreign linguistics in recent decades has become very popular. This is due to the understanding of the significance of emotions in our lives and the need to study this sphere in linguistics. The study of emotions is closely related to cultural studies, which leaves its mark on the designation and expression of emotions, no matter how versatile they may seem. The analysis of emotives as grammatical units contributes to the understanding of the nature of the studied lexical units, the ways of their formation, possible methods of use in speech, etc. In this article, the subject of the study is the most numerous among the significant parts of speech – the verb. Its main semantic types are determined, the active participation of these emotions in synonymous, antonymic, polysemantic relations is noted, their features are revealed.

Keywords: emotiology, emotive verbs, synonymy, antonymy, polysemy, enantiosemia, phraseology.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-58-63

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВНИКА ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ

Шокарова Оксана Аминовна, аспирант Научно-образовательного центра Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (НОЦ КБНЦ РАН), shokoksana@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы формирования словника на примере рассмотрения толковых словарей адыгских языков. Выделены четыре основных подхода к выборке слов для составления лексикографических работ. С опорой на исследования и теоретические воззрения известных отечественных и северокавказских лингвистов и лексикографов отмечено условное выделение трех этапов процесса формирования словника в соответствии с общими требованиями создания словаря. Главное исследовательское внимание акцентировано на универсальных и специфических для адыгских языков принципах формирования словников толковых словарей – частотность, нормативность, полнота охвата лексики, системность представления лексических единиц и т.д. В результате выявлены факты соблюдения/несоблюдения этих принципов, их предпосылки и последствия в толковых словарях адыгских языков.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, адыгейский язык, словник, толковый словарь, лексическая единица, лексикография, принцип, подход.

Словник, по мнению большинства лексикографов, представляет собой один из самых важных компонентов любых типов словарей, на котором базируется вся словарная работа, и одновременно его составление признается сложнейшей проблемой, от удачного решения которой зависит создание качественного лексикографического труда.

Современная лексикография располагает несколькими общими подходами к формированию словников двуязычных (и других) словарей.

Первый подход предполагает сплошную выборку лексем из таких печатных изданий, как, например, художественная литература, периодика, словари и другие справочные пособия. Насколько можно судить по иллюстративным материалам, приведенным к словарным статьям для аргументации семантизации слов, составители толковых словарей адыгских языков при формировании словника руководствовались данным подходом. В частности, в «Словаре кабардино-черкесского языка» (далее – СКЧЯ) встречаются примеры к словарным дефинициям, выбранные из произведений известных кабардинских и черкесских авторов – Шоры Ногмова, Али Шогенцукова, А. Кешокова, А. Шортанова, А. Ханфенова, В. Абитова и многих других. Результаты этого же подхода прослеживаются в толковых словарях адыгейского языка (далее – ТСАЯ) разных годов издания, в которых содержатся иллюстрации из художественных текстов адыгейских писателей и поэтов – Ц. Теучеж, Т. Керашева, Ю. Тлюстен, М. Паранук. Кроме того, отбор некоторых лексем производился из фольклорных текстов – сказок, легенд, преданий, Нартского эпоса и т.д.

Второй подход представляет собой выборку слов из конкретных произведений – из творчества определенного автора, писателей того или иного литературного направления, отдельных жанров (например, из крупных прозаических жанров – повести и романа) конкретного временного отрезка, из определенно

сформированного списка СМИ, независимо от формы (печатной или электронной) издания. К примеру, в современной адыгской лексикографии практикуется выборка из республиканских газет «Адыгское слово» («Адыгэ псалъэ», КБР), «Черкес хэку» («Черкесия», КЧР) и «Адыгский голос» («Адыгэ макъ», Адыгея). В адыгской лексикографии результатами формирования словников с опорой на второй подход стали словари отдельных авторов – «Словарь языка Али Шогенцукова» (1975)¹ и «Словарь языка Алима Кешокова» (2016)².

Третий подход заключается в выборке лексики определенных тематических групп, функциональных и речевых стилей, области использования и т.д. Данный подход не может быть использован при формировании словников общефилологических толковых словарей, однако тематические словари тоже в некоторой степени могут быть толковыми. Примерами словников и словарей, составленных с использованием третьего подхода, являются «Словарь адыгских названий растений» (1975, 1992)³ Б.Ю. Хакунова, «Словарь названий животных» (1990)⁴ Н.Т. Гишева, «Фауна в лексике черкесов. Мир птиц: этноорнионимия» (2007)⁵ Х.С. Братова и др.

Четвертый подход предполагает выборку, базирующуюся на тех или иных принципах – например, таких, как частотность, употребительность, нормативность и др. Важно заметить, что данный подход как определяющий, регламентирующий и ограничивающий критерий применим и к другим указанным выше видам выборки. Данный подход применим ко всем разновидностям словарей, хотя бы на уровне соблюдения в них принципа нормативности.

Процесс формирования словника словаря определенного языка (например, адыгских языков) в соответствии с общими требованиями к переводным практическим лексикографическим работам, как правило, состоит из трех этапов, которые в определенной степени взаимосвязаны и взаимодействуют с обозначенными выше другими подходами к составлению словников.

Результатами первых опытов составления словарей стали вокабулярии, глоссарии непонятных лексем, присовокупляемых к тому или иному произведению (например, «Кабардино-русский словарь» Ш.Б. Ногмова прилагался к его грамматике). При этом непонятность слов (и, как следствие, необходимость их пояснения) стала единственным критерием отбора слов на первоначальном эмпирическом этапе развития практической лексикографической науки.

На втором этапе, когда произошла эволюция непосредственно национально-иноязычной лексикографии, составителями первых словарей (в большинстве случаев носителями опорного языка) были сделаны попытки максимального охвата лексического состава языка. Одним из составителей первых двуязычных словарей К.К. Юдахиным отмечалось, что в целом ни о какой-либо выборке лексического материала не могло быть и речи: в словари включалось все, что собиралось лексикографами или встречалось им случайно. Поскольку не было хоть какого-либо выбора, приходилось только собирать и компоновать то, что попадалось. Следовательно, в первых словарях не могли быть соблюдены такие принципы, как пропорциональность между представленными в словаре отдельными группами лексем, критерии наиболее или наименее частой употребительности той или иной лексемы, строгая оценка слов и выражений с позиции их грубого или вульгарного оттенка и т.д.⁶

Эпоха составления первых национально-русских словарей (не считая отдельные лексикографические труды, созданные в дореволюционный период – например, «Кабардино-русский словарь» (1830) Ш.Б. Ногмова, «Русско-кабардинский словарь» (1890) Л.Г. Лопатинского и др.) характеризовалась протеканием в стране стихийных процессов, связанных со строительством социалистического общества. В дальнейшем переломным моментом в истории всей страны стал период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., за которым последовал длительный

тяжелый этап восстановления разрушенного войной. Все эти явления отразились не только на качестве созданных в указанные эпохи и последующие несколько десятилетий словарей, но и на универсальных принципах составления всякого рода лексикографических работ.

Одной из проблем составления словарей на начальном этапе развития национальной лексикографии стал тот факт, что адыгские языки были младописьменными, и по этой причине они не успели обогатиться целостным словарным запасом опорных языков. Данным фактом было обусловлено то, что в словари без строгого отбора включались все доступные лексикографу термины. При этом неизбежным явлением был и остается в настоящее время субъективизм со стороны составителя, приводящий к нарушению принципов выборки, сбора и систематизации лексического состава словаря. На протяжении многих десятков лет субъективизм как неискоренимое явление присутствует как в российской в целом, так и северокавказской в частности лингвистике. Данный факт отмечен теоретиками отечественной лексикографии А.А. Юлдашевым и В.П. Берковым. По мнению первого, чаще всего составлению словаря не предшествуют предварительная подготовка и обсуждение, он формируется лексикографами в ходе работы над словарем, при этом бывают случаи составления без наличия словарной картотеки и на основе ранее созданных лексикографических трудов⁷. Говоря о двуязычной лексикографии, В.П. Берковым также отмечен субъективный отбор лексем при составлении словаря⁸.

Современное развитие национальной лингвистики, в особенности в сфере прикладных исследований, предоставляет свои результаты для создания словарей, в частности для составления их словарей. В адыгских (как и во многих других) языках созданы указанные выше словари языков отдельных авторов⁹, некоторые из которых (например, «Словарь языка Алима Кешокова») являются частотными. В частотных словарях (с указанием частоты использования того или иного слова в конкретном произведении, в творчестве определенного автора и т.д.) субъективизму нет места, поскольку основой принципа частотности и употребительности не могут выступать личные представления составителя о частоте использования какого-либо слова в творчестве определенного автора или в конкретном произведении. Вместе с тем следует отметить, что частотность, базирующаяся на учете частоты использования той или иной лексемы, не может быть принята в качестве самого надежного и единственно достоверного принципа. Использование данного принципа предполагает учет двух важных моментов: во-первых, частотность слова, зафиксированная даже с большой достоверностью, не всегда связана и взаимодействует с частотой носителя языка (референта), другими словами – обязательно с неопровержимой точностью коррелирует со значимостью лексемы для коммуникации людей именно этого языкового сообщества; во-вторых, выходной язык словаря, а также тематика коммуникации языковых сообществ входного и выходного языков словаря способствуют определению словаря входного языка¹⁰.

Принцип частотности, на наш взгляд, имеет определенное значение и может учитываться как один из критериев составления словаря, однако он не может быть обязательным и тем более исключительно достоверным при выборке лексем для словаря. А при создании толковых словарей его эффективность сводится к минимуму, поскольку в эти типы лексикографических трудов включается не только общепотребительная (так называемая «частоупотребительная»), но и менее активная лексика в виде архаизмов, диалектизмов, а в некоторых случаях – слов и выражений с яркой экспрессивной окраской типа:

ЦАШАГЪЭ мерзость, подлость, гадость / МыхъумышЦагъэ, бзаджагъэ, хъэбыршыбыргъэ.

ЦАПЭ подлый, гадкий, мерзкий / Цапагъэ зылэжь, зезыхъэ, бзаджэнаджэ, хъэбыршыбыр.

ЦАПЭРЫЛЪХУ отродье, выродок / ЦапIэм къильхуа¹¹.

В ТСАЯ приводится лишь одно из приведенных слов:

ЦЭШАГЪ. Пакость, мерзость; подлость. Бзэджагъ, мыхъо-мышIагъ.
*ЦIэпIагъэ зыгорэм ришIэныр ац икIас*¹².

В целом, В.П. Берковым было выведено правило отбора слов для двуязычного словаря, которое может быть применено и к многоязычным словарям. По его мнению, составитель словаря прежде всего должен учитывать функциональную роль слова в том или ином конкретном языковом сообществе, а также значимость и функции эквивалента в сообществе выходного языка¹³.

Вторым принципом, ограничивающим составителей словника в отборе лексем, является нормативность. В предисловии первого толкового словаря адыгских языков – «Толкового словаря адыгейского языка» (1960) А.А. Хатанова и З.И. Керашевой – подчеркивается, что представляемый лексикографический труд базируется на указанном принципе, в частности составители пишут: «Словарь основывается на орфографических правилах, утвержденных постановлениями исполкома облсовета. Словарь указывает нормы правописания и употребления слов»¹⁴. Во вводной части СКЧЯ указывается что, «при работе над <...> ним использован опыт составления «Толкового словаря адыгейского языка» А.А. Хатанова и З.И. Керашевой (Майкоп 1960), в котором впервые в кавказоведении синтезированы принципы составления национального толкового и двуязычного словарей»¹⁵. Следовательно, при формировании словника СКЧЯ его составители руководствовались некоторыми принципами (в том числе и нормативным). Эти же принципы использованы и создателями трехтомного «Толкового словаря адыгейского языка»¹⁶. Кроме слов из кабардино-черкесского и адыгейского литературных языков, в указанные словари также включен незначительный пласт архаизмов, диалектизмов и просторечных выражений, употребляющихся в адыгских языках. Приведем некоторые примеры. В СКЧЯ встречаются следующие просторечия со специальной пометой «кызыэр.» – «простореч.»:

ЕМЫНЭ П 2. кызыэр. хороший, качественный / ФЫ, дэгъуэ. *Вакъэ емынэ къэсцэхуац.*

ЕМЫНЭРЫЛЪХУ кызыэр. вредный, коварный / Емынэ щыльху, бзаджэ, угъурсыз. ■ *Хьэхьей, Сосрыкъуэ, дэ ди ныкъуэкъуэгуэ, емынэрыльху, къэзыльхуар зымыщIэж, къэгъазэ!* Нарт¹⁷.

В ТСАЯ 1960 года издания встречаются устаревшие слова и выражения с пометой «жыгыгъэ» – «устар.»:

ЛЪЭУАС (лъэуасэр) *жыгыгъэ. цена, выплачиваемая за убитого.* Щыфэу аукIыгъэм ыль ыуасэу зыукIыгъэм ахъщэу, былымэу аукIыгъэм янэ-ятэмэ аритырэр ары. *Лъэуасэ ытыгъ. Лъэуасэ ытынэу тыралъхьагъ*¹⁸.

Если сравнить все толковые словари адыгских языков, больше всего устаревших слов зафиксировано в СКЧЯ с пометой «жыгы» – «устар.». Вот некоторые из них:

АФЭХУ жыгы кольчуга, покрытая серебром / ДыжьынкIэ ла, щIэгъэна афэ. ■ *Дэ дымыделэтэмэ, Уей, ди СосрыкъуатIэр, Ди лы фIыцIэ гъуцIынэр, Ди емынэ шужьейр, Зи лъэужьыр тхуэмахуэр, Зи афэхур тхуэпаиэр кызыдетшэжсэнт.* Нарт¹⁹.

МАЖУСИЙ жыгы 1. языческая религия / Тхьэ куэд зиIэ дин. ■ *Псатхьэ пасэрей адыгэхэм яхэлъа мажусий диным хэта тхьэц, псэм и тхьэц.* Къэб. п. и ант²⁰.

МАИСЭ жыгы острый меч / Жану лъа джатэ. ■ *Лъэтиц махуищым маисэ зырыз нарт зэишищым яхуищIац.* Нарт²¹.

В ТСАЯ 2012 года издания встречаются некоторые диалектные слова с пометой «диал.» – «диалектное (слово, выражение)»:

ПАГО, -гох, / п а г о, -гохэр, -гомэ // -гохэм. 1. *Диал. Рыба.* Пцэжьый. *Шъхьэ-гуацэ пагохэр бэу хэсыщтыгъэх*²².

В СКЧЯ диалектные слова приводятся с указанием конкретного диалекта, а именно с пометами «к.-з.» – «*кубано-зеленчукские говоры*», «*бесль.*» – «*бесленевский диалект*» и т.д. В некоторых случаях слова зафиксированы с двойными пометами. Например:

ФИЩЖЫГ *бесль. бот.* вишня птичьа, черешня птичьа (*Cerasus avium*) / Пхъэшхэмыщхэ дьдж-гуащIэ кызыпыкIэ жыг лIэужыгыгуэ²³.

Говоря о толковых словарях адыгских языков, отдельного рассмотрения требуют некоторые конкретные проблемы, связанные с формированием словника. Одна из них – случаи несоблюдения правил системного представления лексических единиц. Так, например, в СКЧЯ присутствуют слова *геолог* и *геологие(я)*, *архив* и *архивариус*, *археолог* и *археологие(я)*, *архитектор* и *архитектурэ(а)* и многие другие им подобные пары-микросистемы, что представляется положительным моментом. Однако невозможно признать целесообразным явление, при котором в словаре есть слово *танк* и нет слова *танкист*; есть *гимназие(я)* и нет *гимназист*; есть *фIыцIэжь* – «пики», *трамэ* – «черви», но нет *лэкьум* – «бубны» и *чрес* (или *чрест*) – «крест»; есть *туз*, но нет *дадэ* – «король», *хьыджэбз* – «дамэ», *щIалэ* – «валет»; есть *аспирант*, *астрономие(я)*, *классик*, *бандэ(а)* и т.д., но нет *аспирантурэ(а)*, *астроном*, *классикэ(а)*, *бандит*; есть *реализм*, но нет *романтизм*, *классицизм* и т.п. При наличии слов *бас*, *баритон*, отсутствует *тенор*, которое вдруг всплывает в иллюстрированной части без каких-либо пояснений, а согласно лексикографическим принципам, в метаязыке словаря не должно быть слова, отсутствующего в словнике и не получившего толкования. Таких примеров в толковых и других словарях адыгских языков немало. При этом недостатки словников этих словарей заключаются не только в пропусках важных слов, но и в «переизбытке» использования лексем. Например, в ТСАЯ 1960 года издания наблюдается равноправное использование слов «сталь» и «щылыч» для обозначения одной и той же разновидности металла – стали. Причем в словаре представлено толкование слова «щылыч», но отсутствует словарная статья по слову «сталь».

ЩЫЛЫЧ (щылычыр) *сталь.* ГъучI пытэ лъэпкъ. *Щылычым фэдэу пытэ*²⁴.

На наш взгляд, составители имели право не включать в словарь слово «сталь» и отдельную словарную статью по нему, но при таком раскладе данная лексема должна быть исключена (путем использования ее эквивалента «щылыч») и из иллюстративного материала. К примеру, при толковании слова «гъучIы» – «железо» используется «щылыч»²⁵, а в иллюстрациях, приводимых к слову «металл» употребляется «сталь»²⁶. Подобные явления на уровне микроструктуры (словарной статьи) отрицательно влияют на макро- (словарный корпус, включающий словарные дефиниции) и мегаструктуру (словарь как единая целостная система) словаря.

Кроме того, в толковых словарях адыгских языков, например, в СКЧЯ, интернациональные и русские заимствования представлены довольно скромно. Пропущено множество новых и давно известных лексических единиц. Между тем в СКЧЯ включены такие слова, как архаичные:

АРЩЫН *жьы* аршин / Сантиметр 71-рэ хъу кIыхьагъ, бгъуагъ кызыэ-рапщ шапхэ (метр бжыкIэр къежьэн ипэкIэ къагъэсэбэпу шытащ). ■ *Ди зэманым къэсыхункIэ мыкIуэдыжауэ щыIэщ IэфракIэщыцыз, арыцын жыхуалэ шапхэщIэхэр.* Физ.

АСМУШКИЭ *жьы* восьмушка / Зыгуэрэм и еяне Iыхьэ. *МахоркIэ асмушкIэ*²⁷. В целом, можно заключить, что при формировании словников толковых словарей адыгских языков в основном соблюдался принцип нормативности и отбора наиболее употребительной, активной лексики. При этом сложнее всего было составителям первого толкового словаря²⁸, поскольку в младописьменных адыгских языках и национальной лингвистике отсутствовали всякого рода лексикографические работы, которые можно было бы брать за основу. Отдельные труды, созданные

до него, представляли лишь небольшие вокабулярии, включавшие определенное количество лексем, причем их словники не были систематизированы по какому-либо принципу (за исключением «Кабардино-русского словаря» Ш.Б. Ногмова, который был антропонимическим и изначально основанным на тематическом принципе: в нем были собраны имена и географические названия). В дальнейшем указанный «Толковый словарь адыгейского языка» (1960) стал важным подспорьем при создании других словарей (СКЧЯ. 1999; ТСАЯ. Т. 1. 2011; ТСАЯ. Т. 2. 2012; ТСАЯ. Т. 3. 2014). И в настоящее время при составлении толковых словарей закономерным и целесообразным представляется опора на словники предыдущих идентичных лексикографических работ. В предисловии наиболее позднего трехтомного «Толкового словаря адыгейского языка» (2011, 2012, 2014) прямо указывается, что составители пользовались всеми изданными словарями адыгских языков, а также подчеркивается особая значимость двух указанных выше словарей (Хатанов, Керашева ТСАЯ 1960; СКЧЯ 1999) «при толковании адыгейских слов и выборе принципов составления адыгейского толково-двуязычного словаря»²⁹, в том числе и принципов формирования словника.

Кроме обозначенных общих принципов, при формировании словников каждого толкового словаря адыгских языков были использованы некоторые правила, выработанные составителями в соответствии со спецификой языка, а иногда и с учетом определенных экстралингвистических факторов. Так, например, помимо включения в СКЧЯ активной лексики кабардино-черкесского языка, в нем «сделана попытка выделить двухкомпонентные устойчивые сочетания, не относящиеся к фразеологизмам, служащие названиями обычных понятий, явлений, действий и т.д. типа: **адыгэ хабзэ** адыгский этикет, **жыы къепщэн** дуть – о ветре, **уэс къесын** идет снег, снежит, **уэшх къешхын** идет дождь, дождит и т.д.; они даются с переводом и толкованием, как и заглавные слова, но в статье первого компонента, входящего в составную лексическую единицу»³⁰.

Одним из важных принципов формирования словника двуязычных толковых словарей является стремление к наиболее полному охвату лексики входного языка³¹. Если рассматривать соблюдение/несоблюдение данного принципа в качестве отдельной проблемы, то толковые словари адыгских языков, как и все лексикографические работы подобного уровня и масштаба, не лишены недостатков. Встречаются случаи пропуска слов, многие из которых (например, *уахътынишэ* – бессмертный, *зыхуэпэкIэ* – манера одеваться, *адэнишэ* – безотцовщина, *дэКыгъуей* – трудный подъем и др.) относятся к наиболее активной лексике. Значительным недочетом в ТСАЯ 1960 года издания представляется отсутствие в нем терминов *ШЪЫПАЦIЭ* – имя существительное и *ПЛЪЫШЪУАЦIЭ* – имя прилагательное, а также помет, обозначающих эти части речи, в то время как есть термины, именующие другие части речи – местоимение, наречие, числительное и т.д. Следовательно, словарные дефиниции по лексемам типа «тхылъ» – «книга» (сущ.) и «фыжьы» – «белый» (прил.) приводятся без специальных помет. Подобного рода упущения частного характера обнаруживаются в словниках всех без исключения толковых словарей адыгских языков.

В целом, как показывает проведенный в данной статье обзорный анализ выборки лексем для создания толковых словарей кабардино-черкесского и адыгейского языков, их авторы-составители попытались в возможной и доступной им степени следовать всем общепринятым принципам формирования словников, хотя и с некоторыми отклонениями, обусловленными теми или иными лингвистическими и экстралингвистическими факторами. На первоначальных этапах они проводили сплошную выборку материала, представленного в печатных источниках, устном народном творчестве, средствах массовой информации, учебной и научной литературе, повседневной коммуникации носителей языка, а в случаях наличия изданных ранее словарей по адыгским языкам использовали их за основу словника создаваемого ими лексикографического труда.

Таким образом, в ходе исследования выявлены следующие важнейшие принципы и правила, соблюдавшиеся адыгскими лексикографами при создании толковых словарей:

- составление картотеки;
- предварительное составление и обсуждение словника;
- включение активной, наиболее употребительной лексики;
- отбор лексем по принципу частотности и употребительности;
- принцип нормативности;
- стремление к наиболее полному охвату лексики входного языка;
- системность представления лексических единиц;
- избегание субъективизма.

Примечания

1. *Захохов Л.Г.* Словарь языка Али Шогенцукова [ЩоджэнцЫкыу Алий и бзэм и псалъальэ]. 7200 слов. Нальчик: Эльбрус, 1975. 328 с. Захохов СЯА.Ш. 1975.
2. Словарь языка Алима Кешокова [Кышчокьуэ Алим и бзэм и псалъальэ] / под науч. ред. Б.Ч. Бижоева. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 1148 с. // <http://www.kbigi.ru/fmedia/izdat/ebibl/slovar.pdf> (Дата обращения: 05.01.2019). СЯА.К. 2016.
3. *Хакунов Б.Ю.* Словарь адыгских названий растений [Адыгэ къэкЫгъэцІэхэр]. Нальчик: Эльбрус, 1992. 256 с. Хакунов САНР 1992; *Хакунов Б.Ю.* Словарь адыгских названий растений. Черкесск, 1975. 204 с. Хакунов САНР. 1975.
4. *Гишев Н.Т.* Словарь названий животных: около 400 слов [ПсэушъхьацІэмэ ягушыІаль]. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1990. 192 с. Гиш СНЖ 1990.
5. *Братов Х.С.* Фауна в лексике черкесов. Мир птиц: этноорнионимия. В 2-х т. [Адыгэхэм я къуалэбзу шІэныгъэр]. Черкесск–Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2007. Т. 1. 256 с. Братов ФЛЧ.МП:Э. 2007.
6. Киргизско-русский словарь / сост. К.К. Юдахин. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. С. 57–58. КРС(б) 1940.
7. *Юлдашев А.А.* Принципы составления тюркско-русских словарей. М.: Наука, 1972. С. 58.
8. *Берков В.П.* Двухязычная лексикография: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2004. С. 26–27.
9. *Захохов Л.Г.* Словарь языка Али Шогенцукова...; Словарь языка Алима Кешокова...
10. *Берков В.П.* Указ. соч. С. 26.
11. Словарь кабардино-черкесского языка: Около 31000 слов [Адыгэбзэ псалъальэ] / Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 1-е изд. М.: Дигора, 1999. С. 749. СКЧЯ 1999.
12. Толковый словарь адыгейского языка [Адыгабзэм и зэхэф гушыІаль]: В 3-х т. / ред.: Н.Т. Гишев, У.С. Зекох, Х.З. Панеш и др. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг». Т. 3 [Т–ІУ]. 2013 (на обложке – 2014). С. 375. ТСАЯ Т. 3. 2014.
13. *Берков В.П.* Указ. соч. С. 26.
14. *Хатанов А.А., Керашева З.И.* Толковый словарь адыгейского языка [Адыгабзэм изэхэф гушыІаль]. 17000 слов / ред.: Х.Б. Дауров, Ю.И. Тлюстен, Ю.А. Мухамеджанов. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1960. С. VII. Хатанов, Керашева ТСАЯ 1960.
15. Словарь кабардино-черкесского языка... С. 7.
16. Толковый словарь адыгейского языка [Адыгабзэм и зэхэф гушыІаль]: В 3-х т. / ред.: Н.Т. Гишев, У.С. Зекох, Х.З. Панеш и др. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг». Т. 1 [А–З]. 2011. 486 с.; Т. 2 [И–С]. 2012. 500 с.; Т. 3 [Т–ІУ]. 2013 (на обложке – 2014). 552 с. ТСАЯ Т. 1. 2011; ТСАЯ Т. 2. 2012; ТСАЯ Т. 3. 2014.
17. Словарь кабардино-черкесского языка... С. 155.
18. *Хатанов А.А., Керашева З.И.* Толковый словарь адыгейского языка... С. 401.
19. Словарь кабардино-черкесского языка... С. 29.
20. Там же. С. 507.
21. Там же. С. 507–508.

22. Толковый словарь адыгейского языка [Адыгабзэм и зэхэф гушыгаль]: В 3-х т. / ред.: Н.Т. Гишев, У.С. Зекох, Х.З. Панеш и др. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг». Т. 2 [И–С]. 2012. С. 273.
23. Словарь кабардино-черкесского языка... С. 666.
24. *Хатанов А.А., Керашева З.И.* Толковый словарь адыгейского языка... С. 669.
25. Там же. С. 75.
26. Там же. С. 409.
27. Словарь кабардино-черкесского языка... С. 28.
28. *Хатанов А.А., Керашева З.И.* Толковый словарь адыгейского языка...
29. Толковый словарь адыгейского языка [Адыгабзэм и зэхэф гушыгаль]: В 3-х т. / ред.: Н.Т. Гишев, У.С. Зекох, Х.З. Панеш и др. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг». Т. 1 [А–З]. 2011. С. 9.
30. Словарь кабардино-черкесского языка... С. 8.
31. *Бижоев Б.Ч., Кумыкова Д.М., Тимижев Х.Т.* Учебный русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик, 2013. 848 с.

PROBLEMS OF FORMATION OF THE VOCABULARY OF EXPLANATORY DICTIONARIES OF THE ADYGHIAN LANGUAGES

Shokarova Oksana Aminovna, graduate student of the Scientific and Educational Center of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (SEC KBSC RAS), shokoksana@mail.ru

The article is devoted to the study of the formation of the vocabulary on the example of explanatory dictionaries of the Adyghe languages. There are four main approaches to the selection of words for the compilation of lexicographical works. Based on the research and theoretical views of well-known domestic and North Caucasian linguists and lexicographers, the conditional identification of the three stages of the vocabulary formation process was noted in accordance with the general requirements for creating a dictionary. The main research attention is focused on the universal and language-specific principles for the formation of vocabularies of explanatory dictionaries – frequency, standardization, comprehensive vocabulary coverage, systematic presentation of lexical units, etc. As a result, facts of observance / non-observance of these principles and their prerequisites and consequences in the explanatory dictionaries of the Adyghe languages are revealed.

Keywords: Kabardino-Circassian language, Adyghe language, vocabulary, explanatory dictionary, lexical unit, lexicography, principle, approach.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-64-71

ОБОГАЩЕНИЕ КАБАРДИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НОВЫМИ ИМЕНАМИ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

Алхасова Свeглана Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alkhass55@mail.ru

В статье впервые подробно рассматривается творчество таких писателей периода «оттепели», как Нургали Пшуков, Хасан Кодзоков, Барасби Тхамоков. Автор статьи отмечает, что в 50–70-е годы развитие переводческого искусства в стране положительно сказалось на развитии самой кабардинской литературы, поэзии и прозы. Кабардинский читатель получил на русском языке произведения русской и мировой классики. В свою очередь, кабардинская литература ответила тем, что постепенно приобщалась русской литературе, десятки произведений кабардинской литературы значительно обогатили её. Благодаря переводам на русский язык, молодая кабардинская литература заняла свою нишу, обрела вторую жизнь в культурном мироздании. Теперь русский читатель мог судить, как идейно-художественные тенденции и традиции русской реалистической литературы преломлялись в творчестве тех или иных кабардинских писателей. В результате анализа автор пришел к выводу, что следует говорить о взаимовлиянии литератур. Приводится замечание о том, что в кабардинской литературе еще встречались отдельные, небольшие подражательные произведения. Но в общей сложности в кабардинской литературе появились свои, уходящие корнями в народное творчество и национальный менталитет, чисто адыгские сочинения. В эту эпоху появились имена многих талантливых кабардинских прозаиков и поэтов – Хасана Кодзокова, Нургали Пшукова, Барасби Тхамокова и других.

Ключевые слова: кабардинская литература, период «оттепели», поэтика жанра, особенности прозы.

В период «оттепели», в 50–70-е годы XX в. в молодой кабардинской литературе наметились новые тенденции в литературном процессе. Ей приходилось решать сложнейшие художественно-эстетические и идейные задачи. Это касалось не только литературы, но и ее переводов. Устойчивыми и известными стали имена таких русских переводчиков, как В. Гоффеншефер, С. Липкин, В. Звягинцев, А. Шпирта, Н. Милованова, Э. Левонтина, А. Адалис, С. Обрадович, Г. Шергова, Н. Гребнев, Я. Козловский и др. Их вклад в дело самоутверждения, сближения кабардинской литературы с другими литературами, ее выхода на Всесоюзную арену, сыграли неоценимую роль. Московские писатели и переводчики группами приезжали в национальные республики, собирали и переводили на русский язык все лучшее, что имела национальная литература, а затем многие произведения кабардинских писателей издавались в Москве. Например, в Кабардино-Балкарию в 60-е годы приезжали С. Липкин, Ю. Либединский, Н. Гребнев, Н. Тихонов, Г. Шергова, Р. Казакова и многие др.

Первыми российскими переводчиками кабардинской литературы, в особенности поэзии, были Н. Тихонов, Н. Заболоцкий, А. Шпирта, С. Липкин, А. Адалис и многие другие.

Развитие переводческого искусства в стране положительно сказалось и на развитии самой *кабардинской литературы, поэзии и прозы*. Кабардинский читатель

получил на русском языке произведения русской и мировой классики. В свою очередь, кабардинская литература постепенно становилась органической частью русской литературы, десятки произведений кабардинской литературы значительно обогатили русскую литературу.

Благодаря переводам на русский язык, молодая кабардинская литература заняла свою нишу, обрела вторую жизнь в культурном мироздании. Теперь русский читатель мог судить, как идейно-художественные тенденции и традиции русской реалистической литературы преломлялись в творчестве того или иного кабардинского писателя. С полным правом можно говорить о взаимовлиянии литератур. Без преувеличения отметим, что в кабардинской литературе еще встречались отдельные, небольшие подражательные произведения. Но в общей сложности в кабардинской литературе появились свои, уходящие корнями в народное творчество, в национальный менталитет, чисто адыгские сочинения. В эту эпоху появились имена многих талантливых кабардинских прозаиков и поэтов, среди них – Нургали Пшуков, Хасан Кодзоков, Барасби Тхамоков и другие.

Хасан Кодзоков успел при жизни издать три книги: «Дорога в космос»¹, «Рождение песни»², «Незаживающая рана»³. В них писатель предстает перед нами как художник слова, превосходный рассказчик, увлекающий читателя своим неординарным взглядом на жизнь, искренностью и открытостью суждений. Писатель пишет о том, что пришлось ему лично пережить и о тех трудностях, через которые сам прошел. Детство сирот, совпавшее с войной и послевоенными годами, – вот основная тематика его рассказов. Мальчики и девочки, плохо одетые, вечно голодные, рано повзрослевшие, рано потерявшие отцов и матерей в страшные годы войны, но согретые теплом (насколько это позволяли обстоятельства того времени) своих родственников, сельчан, воспитателями детских домов, учителей школ – главные герои произведений Кодзокова. Как пишет автор, конечно же, никто не мог заменить этим детям родителей. У самого писателя пережитое осталось в душе незаживающей раной, открытым рубцом на сердце.

Х. Кодзоков жил в ногу со своим временем. Это было время становления, взросления его поколения, отмеченного чувством ответственности за каждое слово, за правдивое воссоздание картин прошлого. И в то же время, оставаясь в гуще жизни, писатель пристально всматривался в сегодняшний день. Его интересовало все: неповторимые народные песни адыгов, песни всей страны, сложная духовная жизнь его современников, приметы родного края, – и все это живописал яркими словесными красками. В рассказах из сборника «Рождение песни» каждый из его героев в его предельно лаконичных по-чеховски рассказах, наделен своим обликом, своими собственными, неординарными мыслями, манерой поведения; у каждого свой взгляд на происходящее вокруг. Таковы герои его рассказов Лукман, Хачим, Музарин, Исмаил, Латиф, Чапай и др.

Памятью сердца писатель часто возвращается к годам детства, и на страницах своих книг оживляет сверстников, каждый из них наделен своим неповторимым характером. Мальчишки и девчонки предстают перед читателем со всей детской непосредственностью, с взрослыми мыслями о жизни. Пережив трудности, дети эти растут честными, принципиальными, с чувством справедливости, готовыми прийти на помощь любому, кто нуждается в ней, кому нужно товарищеское участие, чтобы тот не чувствовал себя одиноким, никому ненужным, брошенным. «Одинокая птица ночная / Над своим разоренным гнездом», – эти строчки из стихотворения самого Хасана Кодзокова могли бы стать эпиграфом ко всем рассказам, написанным им о своем детстве и о детстве своих сверстников, с которыми жизнь его свела в детском доме.

Память писателя сохранила характерные эпизоды тех дней, когда почтальоны приносили «похоронки», способные сломить неокрепшие души детей. Но, как пишет автор, на помощь им приходили взрослые, выжившие родственники, соседи,

односельчане, учителя школ, воспитатели детских домов, которые на своих плечах несли тяготы военных и послевоенных лет. В своих произведениях, будь то стихи, поэма, рассказы, Кодзоков показал всю боль тех, кто потерял в годы войны самых дорогих людей – мать и отца. Все увиденное, услышанное, пережитое с годами переросло в думы о прошлом, настоящем и будущем. Вечная тревога, чуткость писателя к судьбе других, готовность прийти на помощь тем, кто нуждается в душевном тепле – это все оттуда, из послевоенного детства писателя.

Содержание рассказов Кодзокова таково, что их нельзя относить только к детским рассказам. В равной степени – это рассказы и для взрослых, так как нет в них четкой грани, они одинаково интересны как детям, так и взрослым. Содержание каждого рассказа предельно ясное, не нуждающееся в особых комментариях. Нет в этих рассказах ничего вычурного, рассчитанного на эффект. Они словно написаны на одном дыхании: герои рассказов естественно и просто входят в сознание каждого читателя, оседая в его душе. Краткость, глубокое содержание, своеобразность формы, эмоционально выраженные чувства делают его героев близкими сердцу вдумчивого читателя.

В поэме «Незаживающая рана» речь идет о чувстве привязанности человека к родному краю, ответственности перед землей дедов и отцов. Глубокие размышления лирического героя о родной земле, о долге человека-труженика, ученого, певца перед прошлым и будущим своего народа. Своей родины, пронизывает всю поэму. Герой ее и на чужбине остается верен своей земле до конца. Земле, вспоившей и вскормившей его. Эта поэма свидетельствует о тяге поэта к большим лиро-эпическим произведениям, о его немалых возможностях в этом нелегком жанре.

В 60–70 гг. в поэзии обозначилась романтическая идея одержимости любовью, идея всемогущества любви и поэзии. Признание в любви – основной тезис произведений кабардинских писателей. Характерным в этом отношении является творчество поэта Пшукова Нургали Хазизовича (1942–1978). Нургали Пшуков вошел в кабардинскую поэзию рано, будучи еще незрелым юношей. Однако сразу же серьезно заявил о себе своим талантом поэта, обладающего тонким чутьем, вдумчивым, философским восприятием окружающего мира и пониманием жизни, трепетным отношением к родной земле. Его лирические стихи о любви наполнены высокими и светлыми чувствами. Его стихи публиковались в газете «Ленин гъуэгу», журнале «Ошхамахо». Однако сборник стихов был издан только после его смерти, в 1981 году. Сборник стихов назывался «Пожелание», где были опубликованы его лучшие стихи, такие, как «Жизнетворящая любовь». «Каждый день кто-то из людей», «Люди, я тревожусь за вас», «Мой друг, моя жизнь» и другие⁴.

Вот как вспоминает о нем его друг и сокурсник, известный драматург Борис Утижев: «Среди нас были те, кто начал не совсем удачно пробовать свое перо, а были и те, кто с критикой еще не был знаком, но, по общему мнению, уже твердо ступил в литературу. Вот таким и был рано ушедший от нас поэт, человек чистый, душевный, живший с совестью в ладу, наш лучший друг Нургали Пшуков. Мы часто шутили друг над другом, писали друг другу дружеские эпиграммы. Вот одну, что я посвятил Нургали Пшукову, помню: «Байрон, Пушкин, Лермонтов, Пшуков!.. Остальных забудьте – не годятся!»⁵ (подстрочный перевод наш).

К сожалению, Нургали Пшуков прожил очень короткую жизнь, и не успел многие свои произведения опубликовать. Однако он успел написать много стихов, о чем говорят его рукописи в личном архиве.

Словно чувствуя близкий конец, он написал такие строки:

«Я буду, буду жить,
И душа моя вечно будет витать над моей родиной»
(Подстрочный перевод наш)

В 2008 году Союзом писателей Кабардино-Балкарии была издана Антология поэзии 20 века. В ней опубликовано девять стихотворений Н. Пшукова.

Не будь его жизнь столь трагически короткой, нет сомнения, что он порадовал бы читателей еще многими талантливыми произведениями.

К писателям эпохи «оттепели» следует отнести и Тхамокова Барасби Гумаровича (1940–2010). Еще в 60-х годах, будучи юношей, стал публиковать свои первые стихи. Стихи для детей появились в газете «Ленин гъуэгу» и журнале «Ошхамахо». Но в конце 70-х годов он порадовал читателей прозой: на свет появился первый сборник рассказов для детей на кабардинском языке «Удз гъэгъахэр» («Цветы»)⁶. Затем в издательстве «Эльбрус» был издан второй сборник рассказов «Насыпыр Ыхъэ мыгуэщ» (Счастье – вещь неделимая)⁷. В 1994 г. Тхамоков порадовал читателей поэтическим сборником «Псальэ Ёсэ» (Спокойное слово)⁸. В журнале «Ошхамахо» Тхамоковым опубликованы отдельные рассказы, но и поэмы, стихи, одноактные пьесы.

Поэтические произведения Тхамокова Б. тематически можно разделить на несколько групп: это дружбе; о любви; о родном крае. Каждая тема раскрыта оригинально, наполнена богатством оттенков чувств и ощущений.

Однако при внимательном рассмотрении можно заметить общую тенденцию, пожалуй, главную их особенность – стихи Тхамокова не содержат словесных излишеств, надуманных красотостей. Стихи ясны и просты, это живые образцы доступного адыгского языка. Свидетельством тому отрывок из стихотворения «Встречая снова доброе утро» из сборника «Спокойное слово»: «Встречая снова доброе утро, / Радостно приветствую весь мир. / Здравствуйте, люди светлицы, / Горы, леса, много повидавшие! / Как вам спалось с яркими звездами, / Приснились ли Вам добрые дни?» – пишет он. (подстрочный перевод наш).

Только поэт с тонкой и доброй лирической душой может написать такие проникновенные строки. Тепло и светло становится от этих незатейливых слов. В стихах Тхамокова, чему бы они ни посвящались, всегда присутствует эта удивительная простота и душевная щедрость.

В предисловии к сборнику стихов «Спокойное слово» поэт Лиуан Губжоков пишет: «Когда читаешь стихи Тхамокова, замечаешь душевность автора, красоту его сердца, его тихий, словно песня, разговор с читателем. Стихи незаметно втягивают тебя в среду красивых мыслей и делают тебя своим собеседником. Это то, что является мечтой многих поэтов-лириков. В каждом стихотворении Тхамоков доводит свою мысль до логического конца. При этом автору удается сильно и убедительно закрепить свои идеи».

Интересны с точки зрения жанровой идентификации рассказы Тхамокова: «Кхъуэц кызэралъыхъуар» (Как искали свиной волос) и «Адакъэр псывэм хэупащ» (Петух попал в кипяток // («Ошхамахо», 1994, № 1)⁹. Их без сомнения можно назвать современными сказками. Сюжет у них прост: это необычные люди, попадающие в нелепые и смешные обстоятельства. На первый взгляд, в этих сказках происходят смешные и довольно абсурдные вещи. Например, в рассказе-сказке «Кхъуэц кызэралъыхъуар»¹⁰ главный герой объездил много стран и государств, в поисках спасительного лекарства для своего друга. Увлечшись поисками, под влиянием различных обстоятельств, он постепенно перерождается, превращается в фанатичного искателя богатств. И, похоже, добивается успехов. Однако, все достигнутое – блеф, как и многие вещи в этой жизни. Необычное и своеобразное в этом рассказе – не сюжет, а сказочные обстоятельства, жизненность характера главного героя и актуальность поднимаемых проблем. И хотя в рассказе нет ни одного назидательного слова, никаких выводов и обобщений, внимательный читатель не может не разглядеть в нем новые, живые струи ветра, новый взгляд на явления действительности.

Таким образом, для писателей и поэтов периода 60–70 годов характерно то, что в их произведениях нет простых показателей «национального колорита»,

которые так легкодоступны для графомана. Чтобы передать богатство чувств, мыслей, красок, они подчас используют пережитое самим художником. Поэтичность произведений кабардинских поэтов-шестидесятников заключалась в том, что они стремились воплотить новаторский духу предшественников, таких, как Алим Кешоков, например. Впрочем, прекрасное знание народного эпоса, фольклорных песен и легенд, а также адыгских этнопсихологических особенностей позволяло подчас создавать талантливые как поэтические, так и прозаические произведения. И это было отнюдь не подражание и не заимствование из Алима Кешокова или Али Шогенцукова. Это было обогащение и трансформация в соответствии с особенностями творческой индивидуальности поэтов и прозаиков. Обогащение самой кабардинской литературы 60–70 годов новыми оригинальными произведениями.

Примечания

1. *Кодзоков Х.* Космосым кIуэ гъуэгу. (Дорога в космос): рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1961.
2. *Кодзоков Х.* Уэрэдым и кьежьапIэ (Рождение песни): повести и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1962.
3. *Кодзоков Х.* УIэгэ мыкIыж (Незаживающая рана): поэма. Нальчик: Эльбрус, 1975; «Мазэр пшэ гуэрэным..» // Антология кабардинской поэзии 20 века. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2008. С. 330.
4. ПшыукI Нурхъэлий. Хъуэхъу Усэхэр // Налшык: Эльбрус тхыль тедзапIэ, 1981 // Нургали Пшуков. Пожелание. Сборник стихов. Нальчик: Эльбрус, 1981.
5. Къэбэрдей усэм и антологие ХХ лIэшIыгуэ // Антология кабардинской поэзии 20 века. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2008. С. 507–509.
6. *Тхамоков Б.* Удз гъэгъахэр (Красивые цветы). Рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1980.
7. *Тхамоков Б.* Насыпыр Iыхэ мыгуэщ (Счастье неделимо). Рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1989.
8. *Тхамоков Б.* Псалъэ Iэсэ (Спокойное слово). Сборник стихов. Нальчик: Эльбрус, 1994.
9. *Тхамоков Б.* Тхамоков Б. Адакъэр псывэм хэупIащ (Петух попал в кипяток); Рассказы-сказки // Iуашхъэмахуэ. 1994. № 1.
10. *Тхамоков Б.* Тхамоков Б. Кхъуэц къызэралыхъуар (Как искали свиной волос); Рассказы-сказки // Iуашхъэмахуэ. 1994. № 1.

THE ENRICHMENT OF THE KABARDIAN LITERATURE OF NEW NAMES IN THE PERIOD OF «THAW»

Alkhasova Svetlana Mikhailovna, doctor of Philology, leading researcher of the Kabardino-Cherkess literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alkhas55@mail.ru

The paper first explores the works of such writers of the period of «thaw», as Nurgali Pshukov, Hassan Kozakov, Barasbi of Kamokow. The author notes that in the 50–70s the development of translation art in the country had a positive impact on the development of Kabardian literature, poetry and prose. Kabardian reader received in Russian works of Russian and world classics. In turn, Kabardian literature replied that it was gradually introduced to Russian literature, dozens of works of Kabardian literature significantly enriched it.

Thanks to translations into Russian, the young Kabardian literature has taken its niche, found a second life in the cultural universe. Now the Russian reader could judge how ideological and artistic tendencies and traditions of Russian realistic literature were refracted in the works

of various Kabardian writers. As a result of the analysis, the author came to the conclusion that we should talk about the mutual influence of literature. It is noted that in Kabardian literature there were still some small imitative works. But in total, Kabardian literature has its own, rooted in folk art, in the national mentality, purely Adyghe works. In this era appeared the names of many of the talented Kabardian prose writers and poets – Hassan Kozakova, Nurgali Pshukova, Barasbi Chumakova and others.

Keywords: Kabardian literature, the period of «thaw», poetics of the genre, features of prose.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-72-77

ОБРАЗ СУДЬИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ СКАЗКЕ

Берберов Бурхан Абуюсуфович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), burhan_berberov@mail.ru

Кучукова Зухра Ахметовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», kuchuk60@list.ru

В рамках научной фольклористики авторами статьи рассматриваются художественные особенности «юридического цикла» карачаево-балкарской бытовой сказки. Первостепенное внимание уделяется собирательному образу «судьи», имеющему множество метафорических и аллегорических воплощений, простирающихся от условного зооморфного фигуранта до исторически достоверных представителей карачаево-балкарского политико-правового института «Тёре». К ним примыкает особая группа сказок, тематическим центром которых является «божий суд», вершимый посредством определенных сакральных предметов. Все судебные сказки организованы согласно следующей композиционной структуре: социальный конфликт между двумя антагонистами – апелляция к условному или профессиональному судье – судебное разбирательство – вынесение разумного или комического приговора – реакция окружающих на приговор судьи. В качестве конфликтующих сторон чаще всего выступают соседи, хозяин и работник, муж и жена, два брата, простак и хитрец. Провозглашение культа разума и идеи социальной справедливости является основным философским посылом проанализированных сказок.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, сказка, художественный конфликт, образ судьи, преступление, наказание, культ разума.

Стремительное развитие антропоцентрической филологии в XXI веке обострило интерес ученых к жанру народной сказки, где в концентрированной форме запечатлен многовековой опыт человечества в решении сложных онтологических проблем. Как отмечает американский фольклорист с мировым именем Кларисса Эстес, «в сказках есть наставления, помогающие нам пробиваться через жизненные тернии. Сказки убеждают нас в том, что таящийся в глубине архетип необходимо вытащить на свет, и дают способ, как это сделать»¹.

Из всех существующих в мировом фольклоре жанровых модификаций бытовая сказка является наиболее конфликтогенной по содержанию, поскольку ее психологическое пространство наполнено столкновением самых разных точек зрения, идей, позиций. Само название «бытовая сказка» подсказывает, что в ее орбиту вовлечены герои из гущи жизни – института патриархальной семьи (свекровь, теща, муж, жена, зять, сноха, дети), трудовой сферы (работодатель и трудящиеся), религиозной сферы (священнослужитель и прихожане) и т.д.

Карачаевский фольклорист Р.А.-К. Ортабаева, характеризуя бытовые сказки своего народа, пишет: «Они строятся на основе острого социального конфликта: человек из народа – пастух, землепашец, кузнец – сталкивается с представителя-

ми господствующих классов – богачом, мельником, судьей (*тёре*), эфенди (*эфенди*) – и, благодаря своему трудолюбию, честности, уму, выходит победителем («Три брата», «Хитрый эфенди» и др.)»².

Выявляя сущностные черты бытовой сказки, Т.В. Зуева справедливо подчеркивает, что «жанр оформлялся в период разложения родового строя параллельно сказкам волшебным и независимо от них, своеобразие его историзма определялось столкновением эпохи родового единства с новым миропорядком сословно-классового общества»³. Здесь же, касаясь персонажей бытовой сказки, исследовательница делает важное уточнение, что «фантастические образы (чёрт, Горе), появляющиеся иногда в бытовых сказках, нужны только для того, чтобы выявить реальный жизненный конфликт»⁴.

Во все времена человечество осознавало, что ценнее мира ничего нет на свете, вследствие чего изобретало всевозможные способы разрешения конфликтов. Сама ситуация, где сталкиваются два непримиримых антагониста со своими двумя «правдами», требовала вмешательства условного «третьего» участника, который по своим моральным и умственным качествам мог встать «над» ситуацией. Именно предлог «над» определяет позицию «судьи» (в широком смысле) в момент взрывоопасного столкновения двух противников. Обосновывая с философской точки зрения значимость фигуры «судьи» и процедуры справедливого судейства, культуролог В. Руднев пишет: «Важную роль при изучении механизма действия бинарной оппозиции играет понятие медиации, то есть посредничества между крайними членами оппозиции». Другими словами «в модальных оппозициях вводится третий срединный член, который нейтрализует два противоположных»⁵.

Свидетельством тому, насколько важное место в мировом фольклоре занимают «юридические» сказки, является издание в 1985 г. специализированного сборника «Книга о судах и судьях», где автор предисловия М.С. Харитонов пишет: «Легенды, рассказы, сказки, басни и анекдоты о судах принадлежат к числу наиболее распространенных в мировом фольклоре. Они имеются, по существу, у всех народов наряду с рассказами о хитрецах, глупцах и простаках, о состязаниях и разделах. Это и неудивительно: с древнейших времен, задолго до того как у разных народов оформилось государство и развитое право, в жизни людей постоянно возникали спорные и конфликтные ситуации, требовавшие третьей-ского разрешения»⁶.

В данной статье ставится задача на материале карачаево-балкарских сказок (бытовых и о животных) с привлечением соответствующего этнографического материала рассмотреть народную методологию разрешения бытийных конфликтов, а также воссоздать портрет судьбы во всем богатстве его вариативного спектра.

Сразу хотим пояснить, что многочисленные сказки о судьях не могут быть причислены к единой тематической группе. Обращая внимание на эту особенность «юридических» сказок, М.С. Харитонов пишет: «В знаменитом указателе Аарне-Томпсона это, например, номера 155 (неблагодарное животное хочет съест своего спасителя; оба обращаются к судьям), 926 («Суд Соломона»: две женщины претендуют на ребенка; судья выявляет настоящую мать), 976 (необходимо выяснить, кто из трех братьев вор; рассказывается история о благородных поступках жениха, возлюбленного и вора; тот, кто называет самым благородным вора, невольно выдает свою сущность и оказывается разоблачен); 1310 (о щуке, которую в наказание решили утопить), 1585 (человека научили, как притвориться на суде сумасшедшим, чтобы не уплатить советчику за помощь); 1660 («Шемякин суд»: человек показывает судье камень за пазухой; тот думает, что это взятка, и выносит несправедливый приговор) и многие другие»⁷.

Первобытному человеку с его мифологическим сознанием живая природа предоставлялась единым большим домом, где все субъекты и объекты связаны между собой видимыми и невидимыми нитями: «боги, духи, герои связаны чисто

человеческими семейно-родовыми отношениями»⁸. Язычникам, носителям пантеистического мировоззрения, кажется, что тотемное животное следит за миропорядком и является вершителем вселенской справедливости. Такого рода «верховным судьей» в карачаево-балкарском фольклорном сознании выступает волк. По законам симпатической магии, «юридические» полномочия волка переносятся на его зооморфные элементы. Такая форма архаического судопроизводства приводится в монографии М.Ч. Джуртубаева «Древние верования карачаевцев и балкарцев»: «Человеку, подозреваемому в воровстве давали в руки зажженную волчью жилу или заставляли его перепрыгивать через нее, полагая, что, если подозрения основательны, у вора начнутся корчи или что он распухнет и умрет. Когда подозреваемый отрицал факт воровства, а возможности проверить его не было, говорили: *«Къолунга бёрю сингир берге эдим»* – «Дать бы тебе в руки волчью жилу» – настолько велика была вера в магические свойства ее»⁹.

В рамках сложившейся фольклорной эстетики, как известно, в сказках о животных художественными «заместителями» людей выступают представители мира фауны. Не являются исключением и «юридические» сказки, где роли всех членов «следственного комитета» играют тщательно подобранные безымянным автором лесные звери. Ярким примером такого текста является анималистическая сказка «У лжеца короткий хвост». Суть конфликта: один лжец намеревается забрать себе новорожденного жеребенка своего соседа, ссылаясь на то, что тот рожден от его телеги, которую сосед одалживал, а не от собственной матери-кобылицы. По сюжету два соседа-антагониста отправляются за правдой в лесную «прокуратуру», где председательствует медведь, а среди свидетелей и защитников значатся другие звери.

В сказке колоритно выписан образ подкупленной лисы, которая казуистически, злонамеренно доказывает, что «раз жеребенок даже не подходит к кобыле, а все время стоит у телеги, значит, он признает телегу своей матерью»¹⁰. В роли честного и компетентного адвоката выступает опоздавший еж, который восстановил справедливость нетривиальным, остроумным способом. Свое опоздание еж стал объяснять неожиданно выпавшим густым снегом, непогодой. На возражение лисы о том, что в середине лета не может выпасть снег, находчивый еж ответил: «Только что ты, рыжая, говорила, что телега могла родить жеребенка, и хотела, чтобы все тебе поверили. Так почему же ты не веришь, что в середине лета может выпасть не только дождь, но и снег?»¹¹.

Прозвучавший риторический вопрос ежа возвращает членов «следственного комитета» в русло здравого смысла. Философская идея приведенной сказки сводится к тому, что социальные законы справедливости по своей абсолютной точности должны равняться физическим законам природы.

Судя по карачаево-балкарским сказкам, народный идеал судьи обладает сверхнормативным разумом. Недаром в большинстве определений, становящихся основой заголовочного комплекса, присутствуют концепты «ум», «разум», «мудрость», характеризующие судью – «Умная сноха», «Смышленный мальчик», «Учитель» и т.д. Умение мгновенно оценить опасность экстремальной ситуации, отделить поруганное добро от воинствующего зла, восстановить справедливость – все эти качества демонстрирует главный герой в сказке «Мудрый старик».

Первопричиной конфликта здесь становится обыкновенная человеческая доброта, граничащая с простодушием: крестьянин вызволил из сундука, встреченного по дороге, огромную змею. Неблагодарное пресмыкающееся, в котором тут же проснулся природный инстинкт, стало обвиваться вокруг тела своего спасителя с желанием съесть его. Крестьянин пошел на хитрость и предложил змее спросить у трех встречных, можно ли отплачивать злом за добро? Первые два персонажа (тощая лошаденка и покалеченная корова) на собственном примере показали живучесть закона социальной несправедливости и фактически легализовали

вероломное намерение змеи. Третьим встречным оказался мудрец-старик, который рассудил по-другому. Выслушав доводы противоборствующих сторон, он сказал: «Ни одному из вас не поверю, пока сам не увижу, как могла змея уместиться в этом сундуке! Если все так, как вы говорите, я прошу змею снова залезть в сундук, чтобы я увидел это своими глазами»¹². И, естественно, едва змея заползала обратно в сундук, старик мгновенно захлопнул крышку сундука, вернув неблагодарного спасенного в его исходное состояние. В данном случае поступок находчивого старика можно квалифицировать как судебно-следственный эксперимент, который одновременно становится и обвинительным приговором, приведенным в исполнение прямо на месте преступления.

Важное место в юридической системе занимает фигура следователя. В самой этимологии данного слова содержится концепт «след», указывающий на необходимость отследить, проанализировать, правильно интерпретировать вещественные доказательства и причинно-следственные обстоятельства совершенного преступления. В мировом фольклоре многократно запечатлены образы таких тонких читателей бытийных знаков, по которым можно распутать весь клубок действий злоумышленника. Задолго до того, как ученые ввели в научный оборот термины «индуктивный» и «дедуктивный», народная фантазия успела запечатлеть в социально-бытовых сказках проницательных, наблюдательных героев, которые способны методом «от частного к общему» или «от общего к частному» сделать далеко идущие выводы относительно какого-либо загадочного инцидента.

Типичный образ такого «шерлока холмса» изображается в карачаево-балкарской сказке «Смышленный мальчик». Детективная история начинается с того, что у крестьянина пропал осел, и он с аульчанами бросился на его поиски, попутно осведомляясь у встречных, не доводилось ли им увидеть похищенное животное. Вскоре им повстречался мальчик, который дал полную характеристику пропавшего осла – «левый глаз не видит, на правую заднюю ногу хромает, а на спине у него мешок с овсом»¹³, хотя при этом уверял, что самого осла он не видел. Сельчане, убежденные в том, что мальчик и есть похититель чужого имущества, силой повели его к судье. Самооправдательная речь мальчика перед судьей и зрителями является своего рода «мастер-классом» следовательской работы, основанной на индуктивном методе расследования преступления: «Шел я по дороге и увидел следы копыт осла. След правой задней ноги меньше, а шаг короче, чем у остальных. Тут любой человек понял бы, что осел хромал на заднюю правую ногу. Дальше я заметил, что с правой стороны дороги трава съедена, а с левой даже не тронута. Если бы осел видел траву на левой стороне дороги, он пощипал бы и ее. Значит, тот осел слеп на левый глаз. Пошел я дальше и вижу: на ветках дерева остались нитки от мешковины, а под деревом рассыпан овес. Видно, осел остановился возле дерева, почесался об него – овес и рассыпался»¹⁴.

Вплоть до второй половины XIX в. в карачаево-балкарском обществе судебные функции исполнял общенародный Тёре – своего рода политико-правовой институт. Как отмечают историки, «принцип формирования этого Тёре был выборным. Выборы в Халк Тёре проходили один раз в семь лет. Балкарский Тёре собирался один раз в 2–3 месяца по мере накопления вопросов, общих для входивших в союз обществ»¹⁵. Полномочия народного суда были весьма обширными и включали в себя вопросы, связанные с корректировкой территориальных границ, надзором за ирригационной системой, ремонтом колесных дорог, сбором средств для народного ополчения, общественной жизнью аула, морально-этическим нормотворчеством и др. Любопытная деталь: в состав Тёре входило именно нечетное количество лиц, для того, чтобы при голосовании объективно выявлять приоритетную форму решения спорного вопроса.

При формировании данного политико-правового органа соблюдался и принцип демократического централизма, если учесть, что «на первом этапе аульный

сход избирал пять или семь выборщиков, кандидатуры которых до этого тщательно обсуждались на ныгышах, где взрослые мужчины проводили досуг, обменивались мнениями, иногда вырабатывали согласованные решения»¹⁶. После прихода исламской культуры на Северный Кавказ, в состав Тёре стали включать «мусульманского священнослужителя, который помимо шариатского обеспечения деятельности совета выполнял и обязанности секретаря»¹⁷. Фольклористы отмечают, что «в XIX веке в местечке Доннгат, между селениями Уллу-Эль и Думала, было построено специальное здание для заседаний тёре, развалины которого по сей день называются “Тёре джыйылгъан юй” – “Дом заседания тёре”»¹⁸.

В карачаево-балкарском фольклоре термин «*тёре*» иногда используется и как синоним «судьи». Народная память сохранила множество историй, где *тёре* или *тёречи*, благодаря своей смекалке, неординарному мышлению и отваге предотвращал победоносное шествие социального зла.

Общеизвестно, что одним из самых авторитетных народных заступников в культурном пространстве средневекового Северного Кавказа был Жабаги Казанок, образ которого запечатлен в фольклорных системах многих народов. Выступая на региональной научной конференции в 1985 г. Х.Х. Малкондуев отметил в своем докладе: «Во многих легендах Жабаги показан в тёре – общинном совете балкаро-карачаевцев, где решались спорные вопросы между отдельными людьми, родами, а также дела о преступлениях, мести, земельные тяжбы и т.д. Как правило, Тёре проходил в Чегемском ущелье»¹⁹. Ж.Г. Тхамокова, подчеркивая типологическое сходство самого известного на Северном Кавказе мудреца с мировыми судьями, пишет: «Если в древнееврейском это – Соломон, в индийском – Будда, в адыгском – Жабаги Казанок – национальный мудрец, поборник справедливости»²⁰.

Вместе с тем в фольклорном сознании карачаево-балкарского народа зафиксированы и отрицательные образы «народных судей», недобросовестно исполняющих свои профессиональные обязанности, легко поддающихся на коррупционные соблазны. Полновесный психологический портрет такого антигероя воссоздается в национальной бытовой сказке «Наны и Джаны». Содержательную основу текста составляет перечисление «преступлений» одного незадачливого бедняка, который «взял кусочек *джёрме* (домашняя колбаса) для своих голодающих детей со стола богатого брата», «оторвал хвост соседского осла, пытаюсь помочь вытащить животное из болота», «переночевал в чужом доме и был обвинен в воровстве», «пытаюсь от горя покончить собой, прыгнул с высокой скалы и ранил пастуха». В сопровождении целого отряда жалобщиков и обвинителей Джаны отправился к тёре и по дороге у родника подобрал красивый блестящий камень и на всякий случай засунул его за пазуху.

Судья с его потребительским отношением к клиентам в первую очередь обращает внимание на многообещающий сверток за пазухой бедняка, из чего сделал вывод, что оправдание бедняка сулит ему определенную материальную выгоду.

Абсурдный текст итогового судебного постановления выглядит как сатира на недобросовестных представителей правовой системы: «Выслушал он старшего брата и сказал: «Когда ты станешь бедным, а твой брат богатым, ты тоже укради у него кусочек *джёрме*». Выслушал он хозяина осла и сказал: «Ты отдай своего осла Джаны, а когда у него вырастет хвост, заведи его обратно». Выслушал он хозяина чердака и сказал: «Ты тоже можешь одну ночь переночевать на чердаке дома Джаны». Выслушал он пастуха и сказал: «Пусть Джаны сядет под скалой, а ты прыгни на него вниз со скалы!»²¹.

Камень, который вместо ожидаемого слитка золота бедняк вытаскивает в финале сказки, превратившись из утилитарного предмета в емкий иносказательный образ, символизирует силу народного гнева против нечистоплотного судопроизводства. Типологически сходный сюжет на тему «преступление и наказание» приводится также в карачаево-балкарской бытовой сказке «Бедняк и судья»²².

Исследованный нами материал показывает, что важное место в национальном фольклоре карачаевцев и балкарцев занимает специализированный цикл, посвященный образу народных судей, описанию типичных конфликтных ситуаций и способов достижения консенсуса. Для всех такого рода «судебных сказок» характерна поэтизация разума, носителем которого выступает честный, справедливый, мудрый конфликтолог. Судя по проанализированным сказкам, «каждая историческая эпоха имеет свои ценностные ориентации и присущие ей противоречия»²³.

Народный идеал «третейского суда» из фольклора переходит и в сферу профессиональной литературы, обретая художественное воплощение в произведениях классиков карачаево-балкарской литературы. Данный факт свидетельствует о вневременной актуальности тех культурных констант, «которые, так или иначе, имеют отношение к сохранению представлений о красоте, о духовности, о поисках гармонии в этом сложном мире»²⁴.

Примечания

1. *Эстес К.П.* Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. К.: София; М.: ИД «Гелиос», 2002. С. 28.
2. *Ортабаева Р.А.-К.* Карачаево-балкарская сказочная традиция // Традиции и современность. Метод и жанр. Черкесск, 1986. С. 117–132.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2003. С. 992.
4. Там же.
5. *Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. С. 39.
6. Книга о судах и судьях. Легенды, сказки, басни и анекдоты разных веков и народов о спорах и тяжбах, о судах и судьях, о хитроумных расследованиях и удивительных приговорах / сост., вступ. ст., указ. и примеч. М.С. Харитоновна. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1985. С. 5.
7. Там же. С. 6.
8. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Т. I. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 13.
9. *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1991. С. 35.
10. Карачаево-балкарские народные сказки. Черкесск: КЧИГИ, 2006. С. 227.
11. Там же.
12. Балкарские и карачаевские сказки. М.: Детская литература, 1983. С. 66.
13. Там же. С. 16.
14. Там же.
15. *Хатуев Р.Т., Малкондуев Х.Х., Сабанчиев Х.-М.А.* Политико-правовые институты // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 329.
16. Там же. С. 332.
17. Там же. С. 333.
18. Там же. С. 332.
19. *Малкондуев Х.Х.* Къазан улу Жабагы (Жабагы, сын Казана) // Жабаги Казанок – 300 лет: материалы региональной научной конференции (30–31 октября 1985 г.). Нальчик, 1987. С. 85.
20. *Тхамокова Ж.Г.* Адыгская бытовая сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении). Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2014. С. 72.
21. Карачаево-балкарские народные сказки. Черкесск: КЧИГИ, 2006. С. 169.
22. Народные сказки балкарцев и карачаевцев. М.: Российский Архив, 2003. С. 226.
23. *Берберов Б.А.* Специфика художественного конфликта в карачаево-балкарской бытовой сказке // Вестник КБИГИ. 2016. № 1 (28). С. 84.
24. *Гутов А.М.* Константы в культурном пространстве. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 5.

IMAGE OF JUDGE IN KARACHAY-BALKARIAN FAIRY-TALE

Berberov Burkhan Abuyusufovich, Doctor of Philology, Leading Scientific employee, head of the Karachay-Balkarian folklore sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), burhan_berberov@mail.ru

Kuchukova Zukhra Akhmetovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literatures – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov», kuchuk60@list.ru

In the framework of scientific folklore authors of the article consider the artistic features of the «legal cycle» of the karachay-balkarian everyday fairy-tale. Primary attention is paid to the collective image of the «judge», which has many metaphorical and allegorical incarnations, ranging from the conventional zoomorphic figurant to the historically reliable representatives of the karachay-balkarian political and legal institute «Töre». The proclamation of the cult of reason and the idea of social justice is the main philosophical premise of the analyzed fairy-tales.

Keywords: karachay-balkarian folklore, everyday fairy-tale, artistic conflict, image of a judge, crime, punishment, cult of reason.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-78-84

ЖАНР ИСТОРИЧЕСКОГО РАССКАЗА В СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ПРОЗЕ

Бетуганова Елена Наргшаовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alena.betuganova@yandex.ru

В кабардино-черкесской литературе постсоветского периода исторический жанр претерпел существенные трансформации, связанные с изменениями в социально-политической жизни России. Сейчас возникает потребность в переосмыслении проблем «человек и история», «личность и государство», «человек и власть»; назревает необходимость исследовать жанрово-стилевую динамику современной исторической прозы и таким образом воссоздать целостную картину ее развития. В предлагаемой статье на материале произведений 90-х годов исследованы особенности художественного воплощения исторической проблематики в жанре рассказа; проблема художественного историзма в ее преемственных связях с национально-художественной традицией. Материалом исследования послужили рассказы кабардинских и черкесских авторов (А. Камергоев, Б. Кагермазов, Н. Лукожева, М. Кармоков, Л. Бозиев, Ж. Дауров).

Ключевые слова: гласность, идеология, адыгский фольклор, хроника времени, малые жанры прозы, историзм, поэтика.

Гласность, открывшаяся с середины 80-х годов XX века, дала возможность создать исторически достоверную, подлинно философскую литературу об эпохе и ее людях во всей сложности и противоречивости их судеб и характеров. Причем интерес представляет трактовка данного исторического этапа авторами нового поколения. Рассказ постсоветского периода можно охарактеризовать как качественно новый этап в художественном освоении прошлого, хотя это утверждение не принижает ценности предыдущих этапов, написанных талантливыми авторами.

Одной из отличительных особенностей кабардино-черкесской литературы конца XX века является разнообразие форм использования исторического материала. «Эволюция литературы, как и всякого другого искусства, – писал в свое время еще Вл. Ходасевич, – есть эволюция стилей»¹. Например, в рассказах, описывающих систему тоталитаризма, особую роль сыграл фольклор, обращение к его поэтике, что является показателем творческих поисков писателей в области стиля и жанра. Такого рода рассказы вызывают трудности в определении их жанровой принадлежности, так как исторически конкретное проявляется слабо, а преобладает символическое начало. Тем не менее, они художественными средствами воссоздают атмосферу эпохи, изображают исторический конфликт.

В рассказе «Къаплъэн сэхъуа» – «Избалованный тигр» Б. Кагермазов выстраивает сюжет по схеме жанра сказки. Но это не подражание, а сознательно используемый художественный прием. Образ тигра, готового принести в жертву себе других животных, ассоциируется у автора с культом власти, тяготеющей к абсолютному контролю над обществом. Автор мастерски использует природные

свойства персонажа-животного, которые приводит в соответствии с чертами такой исторической фигуры, как Сталин: «Ущымышыни еплъыт: занщЭу къэщЭэнт абы и гущЭгъуншагъэр... Абы игу тухуэртэкъым уеблэмэ зымащЭкИи уемыдЭуэныр. ЖиЭэр хабззу есат»² – «Попробуй его послушаться: сразу почувствуешь его жестокость. Он не принимал малейшего непослушания. Его слово было закон». Очевидна авторская оценка, причем нарочито резкая. Изображение Сталина как персонажа литературных текстов можно встретить у разных авторов. Причем, далеко не всегда такой подход становился творческой удачей. Не дополняясь авторским мировидением, его философской концепцией, образ получался порой декларативным, иллюстративным. Итак, создание новой истории сопровождалось авторскими поисками, писатели прибегали к фольклору, символике; иногда выстраивалась не подлинная, а мифологизированная история.

В современной прозе исторический рассказ появляется при наличии аналитического взгляда, когда не только описываются, но и осмысливаются события прошлого. Отстраняясь от повествования, автор создает свою версию истории. Рассказ Н. Лукожевой «Псэ зэрышх» – «Метания души» – это своеобразная хроника времени, увиденная сквозь призму восприятия автора. В нем отображаются такие периоды исторической эпохи, как Гражданская война, тоталитарный режим, советское время, распад СССР, постсоветское период. Скрепляет все эти исторические промежутки путешествующий во времени Гужоко. В начале пути он видит, как Псыхогуаша выходит из кровавой реки, на берегу которой шайтаны пустились в пляс. Эту картину сменил белый дом, построенный из человеческих черепов, стен, пропитанных запахом пота. На стене дома висел какой-то портрет. Как только люди, собравшиеся около дома, его увидели, стали ему кланяться. После чего взор путешествующего привлек танец двенадцати душ. Авторское отношение к изображаемому не находит отражения в прямых оценках, анализ семантики и символических смыслов, присущих мифическим божествам дает возможность рассмотреть специфику авторской модели мира.

Революция в рассказе подобна шайтанским пляскам, куда человека вовлекают обманом, вводят его в заблуждение. Автор рассматривает данную историческую эпоху как манипулирование общественным сознанием. Странный белый дом и непрерывно кланяющиеся люди отражают феномен тоталитарного режима, названный исследователями личностью «массового человека, человека массы» – продукта своей эпохи, ставшего объектом манипулирования, утратившего свою индивидуальность.

Исторический рассказ – это жанровое образование, имеющее свою специфику на содержательном уровне. Наиболее его характерными признаками является: актуализация исторического материала, обращение к прошлому как к объекту и субъекту изображения, специфические отношения между фактом и вымыслом, историческими лицами и вымышленными персонажами. По своей жанровой сущности – это всегда обращение к крупным историческим событиям, сыгравшим большую роль в судьбе определенной нации. Это изображение конфликтного, тревожного состояния мира, нарушенной гармонии, драматических, трагических судеб, показ личности на изломе, в момент наивысшего напряжения. Он отличается острой конфликтностью, показом противостояния, столкновением личного и общего, личности и власти. Названные особенности определяют язык произведений на исторические темы, их сюжетно-композиционную организацию. Специфика конфликта в историческом рассказе обусловлена осмыслением конкретно-исторических противоречий.

А. Камергоев рассказывает о страданиях безвинно репрессированных, без суда и следствия: «Лъэхъэнэр бзаджэт. Къоджэрти уцЦашырт. Каторгэр хъэзырт. Зыри къоупщЦыртэкъым – щЦым и гъунэр унанЦэт...»³ – «Время было сложное. Могли прийти и забрать. Каторга была готова. Никто ничего не объяснял –

отправляли на край света». Автор в рассказе «ДошIэ икIи дыбзыщIкьым» – «Помним и не будем скрывать» тщательно анализирует систему личной власти и всеобщего подавления, создает галерею образов, представляющих систему тоталитарного режима, показывает, что происходило с теми, кто пытался протестовать против чинимого произвола или отстаивать элементарные нормы человеческого достоинства: его арестовывали, отправляли в тюрьмы, расстреливали. Налицо массовый террор периода «ежовщины», осуществляемый властями страны на всей территории СССР на основании «спущенных на места» цифр, вернее, «плановых заданий» по выявлению и наказанию людей, якобы вредивших советской власти (так называемых «врагов народа»). В рассказе нашел отражение апофеоз тоталитарного времени – доноительство, представляющееся в литературе постсоветского периода как специфическое явление. В эти годы была введена печально знаменитая 58-я статья о государственных преступлениях, принятая в 1926 году, которая имела несколько пунктов, где предусматривалось уголовное наказание «за недонесение». «Бзэгур куэдэрэ абдежым?.. Жыжжэ занцIэуноIусри, кIагуэжэ закъуэм фIэклIабгъэдэмылгу Темыржаныр дапхуэтыр – бгъуэтмэ, къащтэ – мэбзэхыр!..»⁴ – «Разве долго донести? Как только донесли, в одной старой телогрейке Темиржана забрали – найди, если сможешь – и след его простыл!..». Автор придерживается исторической реальности, пытается отразить мироощущение определенной эпохи.

Осуществление задачи «реконструкции» исторического характера — не только как исторической личности, но и как «частного» человека своей эпохи во многом оставалось делом будущего. Однако подлинное искусство предполагает умение сочетать «течение исторических и частных событий». Обобщенный лик героя определенного исторического этапа начинает приобретать индивидуальные черты в рассказах Кармокова М. «ЖызыIэр текIуадэри гушыIэр къэнащ» – «Правдолюб пострадал – лицемер уцелел», «Дыщэм нэхрэ нэхъ лъапIэ» – «Дороже золота», Л. Бозиева «Партым и унафэIэ» «По распоряжению партии». «Особое эпическое событие только тогда может достигнуть жизненности, – писал Гегель в «Эстетике», – когда оно способно теснейшим образом слиться с одним индивидом»⁵. К особенностям исторической прозы Л. Бозиева следует отнести четкую структурированность построения произведений: с событиями исторического ряда точно увязываются индивидуальная психология и даже частные эпизоды, так что не ощущается разрыва между личной жизнью героев и историческими событиями.

Писателя привлекает не история как таковая ее преломление в человеческом сознании, сложные и противоречивые реакции героев. В рассказе «Партым и унафэIэ» – «По распоряжению партии» автор повествует о школьнике Лаше, который стал жертвой осуществляемой в 30-е годы XX в. индустриализации, когда трудовыми ресурсами, необходимыми для выполнения сверхплана, становились юные школьники. Главного героя принудительно отправили на сенокос: он должен был работать с раннего утра до поздней ночи, по плану должен был накосить невыполнимые объемы. За трудовой день ему полагалось всего двести граммов пшеницы. Эти жестокие законы касались и бедных вдов, которые должны были горсточкой кукурузы, полученной за свой каторжный труд, насытить своих детей. Но никто не смел возражать, боясь прослыть врагом народа. Образ врага народа в тоталитарную эпоху рассматривался как инструмент воздействия на массовое сознание, удобным орудием в руках власти для его манипуляции. Запуганные этим зловещим словом, и стар и млад безропотно подчинялись партии. Вот, что пишет Бозиев Л.: «Еплъ мо хъарып гупым. Я сабий быныр шхын шхъэкIэ этелIэу гъэ псом губгъуэм щылэжъа фызхэм махуэ лэжъапщIэу гуэдз Iэбжыгу зырыз къратри къаутIыпщыжаш. Куэдрэ ярымькьуни ар абыхэм!»⁶ – «Посмотри на этих бедняжек. Работавшим весь год женщинам за трудовой рабочий день

выплачивали горсть пшеницы. Надолго ли хватит детям?. Никто не смел возражать: сильная власть внушала народу страх. Те, кто был против советской власти, подлежали физическому уничтожению. «Зыгуэр жыпІэнуци, враг народыр уи Іэрыльхьэш»⁷ – «Попробуешь возражать, нарекут врагом народа», – пишет автор. Лаша сопротивляется установленным правилам, его удивляет безмолвие людей, которые беспрекословно выполняют любые указания председателя колхоза. Не выдержав таких физических нагрузок, юный школьник совершил побег, выразив тем самым протест, пусть и незначительный.

В условиях тоталитарного общественного устройства людей рассматривали как винтики, необходимые для формирования единого целого. Отказавшись от своего «я», они растворяются в безличном «мы», потеряв свою яркую, неповторимую индивидуальность. Люди предстают в рассказе как послушная масса, не оказывающая ни индивидуального, ни коллективного сопротивления». Вот как описывает Л. Бозиев группу людей, собравшихся судить школьника, который позволил себе собрать немного дров в лесу: «*Күэд дыдэкІи уемыджэну, колхоз правленэм, пицІантІэм, цыыхухуэ гун цызэхэст. Бжыгьэр ирагьэкьун цхьэкІэ зэухахусагьэнт*»⁸. – «Их было немного мужчин, собравшихся во дворе правления. Скорее, их собрали для количества». Автором демонстрируется вторичность модели человека культуры тоталитарного режима, ценность которой подменена ценностью государства, заинтересованного в человеке верноподданном, «мыслящем категориями службы государству, преданности государю». Условием «конструирования» такого типа человека становится создание нового смысла жизни – служение одной великой цели – общему благу. Такой верноподданный в рассказе – Халид, для которого советская власть была больше чем Бог. Не случайно в произведении много раз повторяются его слова, которые звучат как клятва: «Партри властри згьэщІауэ сопсэу сэ нобэрей Іуэхум ухущІезмыгьэгьуэжмэ»⁹ – «Клянусь партией, властью, что ты пожалеешь о сегодняшнем дне». Председатель – трагическая фигура своего времени. Держать людей в страхе и зависимости от себя – главный принцип его руководства. Он стал безликим орудием власти, которая укрепляла свою идеологию с помощью таких слепо верующих и исполняющих указания сверху «халидов», не вникая в их содержание. Автор создает образ человека, несущего в себе главные закономерности эпохи.

В рассказе М. Кармокова «Правдолюб пострадал – лицемер уцелел» – «ЖызыІэр текІуадэри гушыІэр кьэнащ» показал специфику тоталитарного сознания. Главный герой рассказа решил выступить с пламенной речью на собрании: «*СІо мы выжь-жэмыжь кьомыр унагьуэ кьэс цхьэхуэ-цхьэхуэу кьыщІетльэфэкІыр, уэтэр цхьэхуэ зырыз цыдыдІэр*»¹⁰. – «Зачем в каждой семье отдельно разводить скот и почему у каждого должна быть своя отдельная кошара». Автору удалось запечатлеть сознание, ограниченное заданным бытием, утратившее связь со своим внутренним миром, с самим собой. Средством исторической аллегории М. Кармоков в ироничной форме смог отметить одну из наиболее отличительных черт тоталитарной мысли – требование всеобщего равенства. Человек в пространстве антикультуры тоталитарного общества был лишен своей личностной индивидуальности, так как вынужден жить в отведенном ему способе существования». Автор показал новый тип личности «некоего homo totalitarius с особым психическим складом и подавленным личностным началом. Таким человеком не надо управлять, он сам самоуправляется, руководствуясь догмами, которые выдвигает правящий круг. Идеология советского патриотизма того времени, утверждавшая приоритет социалистических ценностей, порождало людей с соответствующим мировоззрением.

Рассказ З. Канкулова «Жэщ псалэмакь» – «Ночной разговор» – диалог воскресших мертвых. Кулак Залим, даже после смерти, не может простить

представителю советской власти Исуфу того, что его репрессировали и сослали в Сибирь, только потому, что он разводил пчел. Автор поднимает проблему власти и личности, показывает, как в отношении противников коллективизации принимались жесткие меры: осужденных ждала ссылка в Сибирь. Те сферы, которые власть не может подчинить себе, становились нежелательными и подвергались уничтожению.

Короткие рассказы А. Камергоева уходят своими корнями в культурную память речевых (нарративных) жанров, в частности, анекдота. Его рассказы носят ярко выраженный анекдотический характер. В коротких рассказах А. Камергоева «БатIэ» («Бата»), «Аргуэру къыттекуащ» – «Опять победил нас» обнаруживаются черты политического анекдота, который впервые был обнаружен в 1918 году. На основе записей анекдотов был выделен сюжет, отражающий время коллективизации и индустриализации. Конститутивные признаки, свойственные рассказу, позволяют его причислить к жанру новеллы-анекдота. Они невелики по объему, просты по композиции, при этом ключевая композиционная роль часто отводится микродиалогу; следует учесть парадоксальное завершение. В рассказе «БатIэ» – «Бата» автор рассказывает смешную историю о жителе села Бате, который отличался своей необычной манерой одеваться: летом любил носить плетеную шляпу, зимой длинное модное пальто. Однажды на грубый жест пастуха-односельчанина, который сорвал с него шляпу, Бата в свойственной анекдотическому жанру форме кратко, остроумно ответил: «Уэлэхьы, си къуэшыжь, лыгъэ зепхъэ уигугъэмэ, укьопцIэмэ – пыIэр къэсщгэжрэ згъэкъэбзэжмэ зэфIэклIащ. Ауэ мы узытегужьейкIа мылькур, мэл хъушэшхуэр япэ иту, пщэдей колхозым хэплъхэмэ, уигу сыкъэгъэкIыж»¹¹. – Олаги, брат, если ты думаешь, что показал мне свою силу, ошибаешься. Я-то подниму шапку и почищу ее. Но если твое стадо овец, которым ты так дорожишь, завтра отдашь колхозу, вспомни меня). Меткие фразы, вложенные в уста пастуха Баты выражают тонкую иронию по поводу советской действительности.

В рассказе «Пять монет» – «Фэнжеитху» Ж. Даурова скупой глава семейства, получив от друга письмо, что все нажитое им хозяйство, стадо овец, конфискуют вместо того, чтобы накормить голодающих детей, обменял овец на монеты, которые со временем обесценились и так никому и негодились. Использование в рассказе жанровых особенностей политического анекдота позволило авторам рассказать о политических стереотипах, свойственных значительной части населения, особенностях восприятия современниками советской власти.

Таким образом, новое наполнение историзма на нынешнем этапе развития общества позволило писателям ощутить остроту художественного зрения: на путях поиска и воплощения исторической правды кабардино-черкесские писатели достигают новой глубины.

Примечания

1. *Ходасевич В.Ф.* Памяти Гоголя // <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/kritika/hodasevich/pamyati-gogolya.htm> (дата обращения 10.04. 2019).
2. *Кагермазов Б.Г.* Очевидец. Стихи, поэмы, миниатюры. Нальчик: Эльбрус, 2006. С. 210.
3. *Камергоев Т.Ж.* Двойник. Новеллы и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 88.
4. Там же.
5. *Гегель.* Лекции по эстетике. Т.3. // <http://esthetiks.ru/category/gegel-lektsii-po-estetike-tom-3/page/4> (дата обращения 10.04. 2019).
6. *Бозий Л.* Гъузгу нэшэкъашэ: Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2003. С. 254.
7. Там же.

8. Там же.
9. Там же.
10. *Кармоков М.М.* Мужские слезы. Повести. Рассказы. Пьесы. Нальчик: Эльбрус, 1991. С.176.
11. *Камергоев Т.Ж.* Двойник. Новеллы и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 64.

THE GENRE OF HISTORICAL NARRATIVE IN CONTEMPORARY KABARDINO-CHERKESS PROSE

Betuganova Elena Nartshaovna, Candidate of Philology, researcher of the Kabardino-Cherkess literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alena.betuganova@yandex.ru

In the Kabardino-Circassian literature of the post-Soviet period, the historical genre undergoes transformations associated with changes in the socio-political life of Russia. There is a need to rethink the problems of «man and history», "personality and state», «man and power»; there is a need to explore the genre-style dynamics of modern historical prose, thus recreate a holistic picture of its development. In the article on the material of the works of the 90^s the peculiarities of the artistic embodiment of the historical perspective in the genre of the story are investigated; the problem of artistic historicism in its successive relations with the national artistic tradition. The genre-style originality of the historical story of the post-Soviet period is also revealed. The research is based on the stories of Kabardino-Circassian authors (A. Cameroun, B. Kagermanov, N. Lukasheva, M. Karmokov, L. Basiev, J. Dauria).

Keywords: publicity, ideology, national folklore, Stalin, chronicle of time, totalitarian social structure.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-85-90

МИР ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ПОИСКОВ КЯЗИМА МЕЧИЕВА И ЕГО НОВАТОРСТВО

Биттирова Тамара Шамсудиновна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала «Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии и наук» (ИГИ КБНЦ РАН), tbittir@mail.ru

В статье анализируются основные концепты поэзии классика карачаево-балкарской литературы Кязима Мечиева в контексте его новаторства, отмечается роль поэта в становлении литературного языка как основы письменной формы поэзии. Отдельно рассматривается трансформация литературного термина «назму», перешедшего из духовной поэзии в светскую. В работе выделяются основные семантические составляющие поэзии социального протеста в творчестве К. Мечиева, автор статьи специально останавливается на его стихах – обращениях к лидерам народа, изложенные в формате просветительских идей.

В исследовании выделяется ряд ключевых проблем, над решением которых должны работать литературоведы, занимающиеся вопросами духовно-культурных основ национальной литературы.

Ключевые слова: карачаево-балкарская, поэзия, литература, Кязим Мечиев, традиции, новаторство, советская эпоха.

Творчество Кязима Мечиева стало важным сегментом национальной культуры и объектом внимания не одного поколения исследователей. Однако до сих пор не нашлось убедительного объяснения тому непреложному факту, каким образом Кязим определяет духовную жизнь народа на протяжении более ста лет – с тех пор, как начал слагать свои первые стихи и песни. Никакая идеология (религиозная или государственная) не оказала столь масштабного воздействия на формирование художественного сознания и идеологических воззрений балкарского народа, как поэзия Кязима Мечиева. Возможно, искомое объяснение и не может быть найдено, если исходить из оценки, данной творчеству поэта Кайсыном Кулиевым, – «кто хочет коснуться живого сердца Балкарии, тот должен раскрыть кязимовскую книгу»¹. Творчеством К. Мечиева можно восхищаться, зачитываться, удивляться, но дойти до сути некоторых художественных явлений, как и проникнуть в суть и разгадать душу народа до конца невозможно. Ведь Кязим – «живое сердце Балкарии».

Многие факты творческой биографии поэта не установлены. В виду того, что не написана критическая биография К. Мечиева, строго следующая документам и другим достоверным источникам, периодизация его творчества также не может быть объективной. Достаточно сказать, что атрибуция текстов поэта производилась часто без учета художественных явлений кумыкской литературы. Значение же кумыкской литературы для карачаево-балкарской поэзии в период становления письменной литературы (в особенности – религиозной) было во многом основополагающим.

Есть и более существенные пробелы в кязимоведении. Так, до сих пор не получили должного научного освещения художественные особенности поэзии

Кязима. В работах А. Тепеева, З. Толгурова, М. Джуртубаева, Р. Кучмезовой, З. Кучуковой и др. достаточно глубоко исследуются идейно-содержательные концепты поэзии Кязима, его новаторство в раскрытии многих тем². Однако столь же масштабно должны вестись исследования и в отношении художественно-эстетических структур поэзии К. Мечиева.

К. Мечиев – и классик, и новатор карачаево-балкарской поэзии. Необходимо подчеркнуть, что новаторство поэта было изначально осознанным. Знатор родного фольклора, восточной поэзии, он понимал необходимость создания литературных художественных структур, регламентации литературного языка, контракции фольклорных традиций до границ письменных. В течение своей активной творческой деятельности Кязим Мечиев реализовывал в поэзии вышеназванные задачи. Последний этап творчества поэта приходится на годы становления письменной литературы, на годы, отмеченные значимыми приобретениями, и большими потерями в этнокультуре балкарцев и карачаевцев.

Несмотря на то, что К. Мечиев около 30 лет прожил при Советской власти и при нем учреждались многие атрибуты письменной культуры – издательское дело, органы печати, успешно прошла кампания по ликвидации безграмотности, был создан писательский союз, в литературу пришла крепкая смена с новыми идеями и темами, – он остался верен выработанным собственным принципам творчества, новые обстоятельства еще больше подчеркивали его непохожесть на остальных.

Неоднократно было отмечено исследователями, что он стоит между устным фольклором и письменной литературой³. Это характерное явление для всех национальных литератур, не имевших к началу 20 века письменности: они шли от устной традиции к письменной, соединяя их, являясь передаточным звеном. Будучи одним из последних представителей бесписьменного периода родной литературы, К. Мечиев выполнил особую миссию в истории культуры и литературы. Он обогатил карачаево-балкарскую литературу новыми жанрами и изобразительно-выразительными средствами, оригинальными идеями и сюжетами. Литературный язык в период формирования письменности начинает складываться опираясь на язык произведений К. Мечиева.

В истории развития национальной литературы в начале XX века наступил период, когда устный характер литературы затруднял внедрение неизвестных поэтических форм и распространение новых творческих идей. Здесь необходимо подчеркнуть, что к данному историческому периоду балкарцами и карачаевцами предпринимались неоднократные попытки по созданию письменности – было издано до десятка книг типографским способом в издательстве М. Мавраева в Темирхан-Шуре. Просветители С. Урусбиев, И. Крымшамхалов, И. Акбаев, Л. Асанов в разное время предлагали свои версии национального письма, И.А. Урусбиевым в 1908 году в слободе Нальчик была открыта типография⁴. Начали появляться первые признаки письменной литературы – Исламом Крымшамхаловым была написана повесть «Здесь и там», И. Акбаев и И.Крымшамхалов активно работали в жанре басни, был поставлен гимназистами спектакль на сюжет лиро-эпической песни «Каншауби и Гошаях» и даже появились рецензии на спектакли, написанные Б. Шахановым и И. Карачайлы. Октябрьская революция ускорила естественный ход развития культуры, закономерным итогом которого явилось создание печатных органов и письменной литературы.

Ко времени прихода К. Мечиева в поэзию карачаево-балкарцев словесная культура народа еще оставалась синкретичной, поэтический текст без музыки самостоятельно не существовал. Отдельные произведения, исполняемые речитативом (махараз), имели функции, ограниченные жанром. Первые приметы самостоятельной декламационной поэзии мы встречаем в сатирической поэзии Аппы Джанибекова, а также в баснях названных авторов. Однако традиция декламации стихотворений установилась в карачаево-балкарской поэзии с творчеством К. Мечиева. Кайсын Кулиев с нескрываемым восхищением вспоминал свои встречи с

Кязимом, который совершенно удивительно читал стихи собственного сочинения в технике махарадза, в то время как его односельчане, родственники и друзья их распевали.

К. Мечиевым был введен в художественный оборот и литературоведческий термин «назму» в значении «стихотворение». Изначально термином «назму» в карачаево-балкарской поэзии обозначались исключительно религиозные песнопения, передаваемые в настоящее время термином «зикир». Первые назму со светским содержанием были элегические. В конце 19 века была широко распространена традиция сочинения элегических назму. Они отличаются от фольклорных «кюй» конкретностью содержания, где индивидуализирован объект оплакивания или воспевания. В поэзии К. Мечиева этот жанр имеет своеобразную форму – поэт моделирует диалог с читателем в двух лицах – первом и третьем, обращаясь к слушателю или к читателю. Если в других произведениях (философских и лирических раздумьях) Кязим старается избежать субъективности, то в элегических «назму» он нарочито демонстрирует свои чувства и переживания. К примеру, ставшее песней стихотворение Кязима, посвященная сыну Мухаммату, начинается строкой:

«Назму этеме, келюм тола...»

(«Сочиняю стих, сдерживая слезы...»)

В этой песне еще зримы черты синкретичности жанра назму. В последующих произведениях, сочиненных в послереволюционные годы, мечиевские стихи декламировались. Таким образом, культура декламации пришла в карачаево-балкарскую поэзию со стихами Кязима Мечиева.

Первые стихи Кязима Мечиева, если исходить из двухтомника, изданного КБИГИ в 1989 году (составитель и автор предисловия А. Теппеев), были лирические⁵. Он посвятил любимой девушке 15 стихотворений, где описал красоту своей избранницы, в которых мы видим искреннее восхищение ее богатым духовным обликом. Сокровенные мысли поэта о настоящей любви, где выбор определяется духовной близостью – в основе первых его лирических произведений. Они резко отличались от традиционной поэзии, где воспевались красота девушки, и художественный портрет которой не имел ничего общего с конкретной личностью.

Художественная специфика письменной культуры в сравнении с устной базируется на нескольких принципах. Прежде всего, это принципы изображения объекта исследования – героя произведения. К примеру, каждое из фольклорных лирических стихов или песен могло быть адресовано любой горянке, поскольку они безадресны, если даже содержат имя девушки. Психологическая индивидуализация героев лирики и эпических произведений К. Мечиева – первый шаг на пути становления письменных литературных традиций. Лирические стихи К. Мечиева создают неповторимый облик любимой, свидетельствуют о душевном богатстве, искренности, преданности поэта. Персонификация личности: ее связи с обществом: показ индивидуальных черт характера – эти удачные художественные попытки К. Мечиева привели в конечном счете к созданию реалистических произведений. Стремление понять любимую – довлеющий мотив первого стихотворного цикла К. Мечиева. Поэт, в начале творческого пути, как и во всех последующих произведениях, показал себя цельной личностью, когда слова имеют первоначальный смысл и служат не для того, чтобы скрывать свои подлинные мысли, а для того, чтобы добиться искренности и ответные чувства.

К. Мечиев также автор первых письменных светских поэм, построенных по всем канонам литературного жанра. Его поэмы «Раненый тур», «Желтый домик»⁶, «Бузжигит» были абсолютно новым явлением в карачаево-балкарской словесности. Авторская идея в них воплощается через четкую систему художественных образов, через мастерски построенный и динамично развивающийся сюжет. Ко

времени создания этих поэм в карачаево-балкарской поэзии имели богатую традицию фольклорная историко-героическая поэма и в авторской традиции – лирическая. Историко-героические поэмы «Карча», «Бекмырзала, Кайсынла», «Мисирбий», «Хасаука» и др., поэмы о любви – «Каншауби и Гошаях», «Хаммесей» Калтура Семенова, «Хорасан» и «Айджаяк» Каспота Кочкарова оставаясь в стихии народной лирики, сохранили многие сегменты индивидуального творчества. Существующая в этих произведениях грань между фольклорной эстетикой и эстетикой литературы достаточно условна. Эпические произведения, созданные К. Мечиевым, находясь в русле поэтических традиций, на которых базируются названные произведения, имеют уже другой уровень мировосприятия, ориентированы на другую поэтику. К примеру, поэма «Раненый тур» К. Мечиева метафорична начиная с самого названия. В этом произведении, где поэт сравнивает балкарский народ с раненым туром и показывает всю трагичность его положения на рубеже столетий, когда старое отжило, а сложившаяся реальность требовала новых социальных отношений, он показал себя мастером сюжетостроения, реализовал свой творческий опыт в раскрытии образа горца, как объекта истории.

Наращение социальных конфликтов в конце 19 века обусловило появлению в творчестве К. Мечиева радикальных произведений, таких как поэма «Раненый тур», где личность в обществе не защищена ни правом, ни моралью, ни адатами, и, по мысли автора, она обязана занять активную общественную позицию.

К. Мечиев в молодости был свидетелем множества несправедливостей. В горских обществах она была особенно суровой, усложненной системой сословных отношений. Они зачастую принимали кастовый характер и в свою очередь эти отношения в социуме регламентировались давно сложившимся сословно-иерархическим порядком и ставшим препятствием для дальнейшего развития общества. Он много размышлял об этой предопределенности, стремился творить на ее преодоление. Если судить по сохранившимся произведениям, К. Мечиев – поэт социального протеста. Однако вполне определенная тематика раскрывается в творчестве художника и философа на основе сопоставлений самого широкого плана. В них нет дидактики, утрированной философской концепции, есть боль и чувство, которые заставляют читателя самому задуматься над социальными неурядицами.

И в раскрытие этой темы (ставшей основной в балкарской поэзии 20–30-х годов XX века) К. Мечиев привнес совершенно неожиданный ракурс, новый для карачаево-балкарской литературы дооктябрьского периода. Если Аппа Джанибеков однозначно называет князей и богачей «плохой народ», то К. Мечиев не торопится со скорыми выводами. Или же в поэзии Каспота Кочкарова строго противопоставляются сословия, а Кязим Мечиев к этой теме – взаимоотношения как между сословиями, так и внутри них – подходит с мировоззренческих позиций. Философское восприятие жизни и взгляд на эти отношения ярко выражены в стихотворении «Такие нам нужны князья»:

Къул, езден деп айырмагъан,
Мадар излеп, тюз къарагъан,
Орун берген игибизге,
Аллай бийле керек бизге...

Подстр. перевод

Не делящие народ на кулов и узденей,
Ищущие верные пути,
Оберегающие талантливых,
Такие нам нужны князья...

В этом программном стихотворении – «Такие нам нужны князья» очевидна попытка примирения бедных с богатыми. Здесь открыто декларируются просветительские

принципы, которые во многих его произведениях завуалированы. По мнению поэта, если бы князя осознавали несправедность своих поступков, они бы лучше понимали заботы простых горцев, и потому он создает идеальный образ князя, когда настоящий предводитель общества по отношению к зависимым сословиям реализует принцип толерантности.

Призыв к единению народа, к примирению между сословиями, соответствие поступков и князей, и карахалка (простого народа) выработанных веками кодексу обычаев – «тау адет» звучат в поэзии Кязима накануне революции и в разгар братоубийственной гражданской войны.

Дар предвидения отличает Кязима от немногочисленных в ту пору его собратьев по перу. Возможно поэтому многие идеи и темы, звучащие в творчестве поэта, не потеряли своего значения и сегодня. Особое место в его поэзии занимает отношение к общественным институтам. Патриархальный уклад, когда старший был почитаем наравне с пророками; прошлое, где «были равны и бедный, и богатый», идеализируются поэтом, покрываются романтическим ореолом. В то же время очевидно стремление к усовершенствованию взаимоотношений в «жамауате» (общество), провозглашается – «такие нам нужны князья», где основное требование к «хорошим князьям» – объединение народа перед надвигающимися революционными событиями. Предотвращение раскола в обществе становится главной идеей творчества поэта в период революции.

Кязим Мечиев посвятил, если судить по единственному прижизненному изданию и последующих его сборниках стихов и поэм, воспеванию Советской власти и социалистического строительства до десятка стихотворений. Классовое сознание К. Мечиева, о котором написано множество исследований (вернее, во всех исследованиях за исключением последних двух десятилетий, когда взгляды критиков и литературоведов стали свободны от идеологических требований соцреализма) не было столь определенным. Общечеловеческое, гуманистическое превалирует во всех его произведениях. В стихотворении «На кладбище Безенги» восприятие добра и зла достигает высокого прозрения и остроты. Здесь противопоставляются два князя, поступки которых по отношению к своим соплеменникам были диаметрально противоположными. Если князь Тарюк выступает защитником своего народа, то другой князь представлен его врагом. И в то же время поэт полон веры в то, что мир создан для добра и князей необходимо учить совершать справедливые поступки.

Естественное, закономерное развитие горской поэзии 19 века привело к началу 20 века, ко времени прихода на Северный Кавказ печатного станка, к пониманию предметности поэзии, осознанию общественного значения слова, реальности его воздействия на события. Кязим Мечиев в Балкарии, Бекмурза Пачев в Кабарде, Каспот Кочкаров в Карачае, Коста Хетагуров в Осетии, Абусуфьян Акаев в Дагестане и другие выдающиеся мастера слова изменили облик своих национальных литератур. При всей неодинаковости судьбы и творчества их объединяет многое. И прежде всего – стремление использовать поэтическое слово для преобразования социальных отношений. Схожесть очевидна не только на идейно-тематическом уровне, объяснимой одинаковыми условиями горского быта переживаемой эпохи, но и более сложном – в творческом поиске, направленном и на сохранение богатых традиций прошлого и на привнесение в национальные литературы непривычных для горской поэзии форм, отвечающих новым историко-культурным реалиям.

Каких бы сторон горской жизни ни касался в своем творчестве Кязим Мечиев, он стремится дойти до сути, осмыслить современные ему реалии горской действительности в неразрывном единстве с предыдущими. Поэтому он обращается и к восточным мотивам, итогом чего явилась поэма «Бузжигит». Поэма соединила в сюжете две темы – любовь главных героев Бузжигита и Зулейхи и смысл человеческого существования. Первая тема служит иллюстрацией ко второй, глобальной.

К. Мечиев в своем творчестве раскрыл все проблемы балкарского общества конца 19 – первой половины 20 века, в последовавшее за установлением Советской власти двадцатилетие он вместе с народом пережил и взлеты, и падения своих надежд на счастливую жизнь, последние стихи поэта отразили трагедию народа, связанную с депортацией. Как подлинный художник слова он обобщил в своем творчестве народный поэтический опыт восприятия действительности.

Примечания

1. *Кулиев К. Ш.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 29.
2. *Теппеев А.* Кязим Мечиев. К 120-летию со дня рождения основателя балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1979; *Теппеев А. М.* Кязим Мечиев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 2010.; *Толгуров З.Х.* Движение балкарской поэзии. Нальчик: Эльбрус, 1984; *Джуртубаев М.Ч.* Преодоление трагедии. В кн. «Душа Балкарии». Нальчик: Эльбрус, 1997; *Кучмезова Р.* И мой огонь горел: Эссе о слове Кязима. Нальчик: Эльбрус, 1996; *Кучукова З.А.* Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. Нальчик, 2005.
3. *Маммеев Д.М.* Кязим Мечиев. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. С. 36.
4. Этюды о Балкарии. Вводная статья, статьи об авторах, комментарий Биттировой Т.Ш. Нальчик, 2005. С. 17.
5. *Мечиланы Кязим.* Кязим Мечиев. Стихотворения и поэмы. В 2-х томах. На балк. языке / сост., автор предисл. и коммент. А.М. Теппеев. Нальчик, 1989.
6. Название поэмы «Сары кьош» в научной литературе принято переводить как «Жёлтый домик», что не отвечает содержанию словосочетания. Сары – желтый, кьош – кошара, которая находится в отдалении от села и где могут проживать скотоводы сезонно. Устоявшийся перевод не передает смысла названия. Более удачным нам представляется название в переводе Г. Яропольского «Желтый кош».

WORLD OF SPIRITUAL AND MORAL SEARCHES OF KYAZIM MECHIEV AND HIS INNOVATION

Bittirova Tamara Shamsudinovna, Doctor of Philology, Leading researcher of the Karachay-Balkar literature Department of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), tbittir@mail.ru

The article analyzes the main concepts of the poetry of the classic of the Karachay-Balkarian literature, Kyazim Mechiev, in the context of his innovation, notes the role of the poet in the development of the literary language as the basis of the written form of poetry. Separately, the transformation of the literary term «nazm», which has passed from spiritual poetry to secular, is considered. The work highlights the main semantic components of the poetry of social protest in the works of K. Mechiev, the author of the article specifically dwells on his poems – appeals to the leaders of the people, presented in the format of educational ideas.

The study highlights a number of key problems that should be addressed by literary scholars who deal with the spiritual and cultural foundations of national literature.

Keywords: Karachay-Balkar, poetry, literature, Kyazim Mechiev, traditions, innovation, Soviet era.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-91-96

ЖАЗЫУЧУНУ СУРАТЛАУ ДУНИЯСЫ (Толгурланы Зейтунну 80 – жыллыгына)

Сарбашланы Мустафаны кызы Алёна, филология илмуланы доктору, Гуманитар тинтиулени Институтуну «Федерал илму араны «Россей академияны илмуларыны Кыбаргы-Малкяр илму ара» деген Федерал кырал бюджет илму учрежденияны Филиалыны кырачай-малкяр адабият бёлюмюню таматасы, alenasarb@mail.ru

Статья белгили малкяр литературовед эм жазыучу, филология илмуланы доктору, профессор, миллет адабиятны эм кесамат илмуну айныууна уллу кыйын салган Толгурланы Зейтунну 80 жыллыгына жораланганды. Иште жазыучуну суратлау дуниясы ачыккланады, чыггармачылыгыны айныу жолу, поэтика эм жанр бла байламлы соруула тинтиледи. «Айыуташ», «Эрирей», «Кыызгыл кырдыкла», «Ашык оюн», «Ак гыранча», «Жетегейле», «Кёк гелеу», «Ак жыйрык» деген повестле бла романла сюзюледиле, аланы кыралыу, ниет-суратлау энчиликтери, чойреликтери ачыккланадыла, жазыучуну жашауга эстетика кёз кырамыны миллет энчилиги белгиленеди.

Баш сёзле: чыггармачылыкны айныу жолу, фахму, роман, повесть, кылык, чойрелик, эстетика энчилик.

Быйыл белгили малкяр жазыучуга, КъМР-ны адабият эм искусство жаны бла Кырал саугасыны лауреаты Толгурланы Зейтунна 80 жыл толлук эди. Жарсыуга, кьадар кесини огурсуз оноун кишиге да сормай, адам улуну фахму-суна, бардырган жашаууна, ишине да кырамай этеди. 23 январьда 2016 жылда Зейтунну жашауу замансыз юзюлду.

Толгурланы Зейтун 1939 жылда Элбрус районда Быллым элде тууганды. Гитчелей ёксюзлюкню сынаганды: атасы жалган дау бла тутмакга тюшгенди, анасы ауруп ёлгенди. Зейтунну анасыны эгечи ёсдюргенди. Кёчгюнчюлюкде Павлодар областда Назаровка элде жашаганды. Сабийликден окьуна окьууга тартыннганды. 1947 жылда школга барады. Жашчыкны ол итиниюун орус, немец устазла да ёслегендиле. Суратлау ишге фахмусу школ жыллада окьуна ачык болады. Сёз ючюн, 9 классда сурат эм назму жазган эришиуде Зейтун биринчи жерге тийишли болады. Онжыллык школну Джамбулдан узак болмаган Мерке деген элде бошайды. 1957 жылда Тууган журтуна кьайтады эм ол жыл окьуна КъМКЪУ – ни орус-малкяр бёлюмюне окьургга киреди. 1962 жылда аны жетишимли бошагандан сора «Коммунизмге жол» деген газетде ишлегенди. Зейтун жазган статьялада, фельетонлада жашауда болган кемчиликлени юсюнден жютю сёз бла айтады. Билимин ёсдююр муратда аспирантурада окьуйду. 1967 жылда Бакуда «Романы Галины Николаевой» деген кандидат диссертациясын кьоруулайды, 1987 жылда уа Москвада «Формирование социалистического реализма как художественно-эстетической системы в литературах народов Северного Кавказа» деген доктор диссертациясын кьоруулайды. 1960 жылланы ортасындан башлап ахыр кюнлерине дери Толгурланы Зейтун КъМКЪУ-де устазлык ишин тынгылы бардырады, миллет билимни айнытыуда кыйыны уллуду. 1977–1984 жыллада КъМКЪУ – ни орус литератураны кафедрасына, 1999–2009 жыллада уа малкяр тил бла литератураны кафедрасына башчылык этеди. Окьутуу иш бла чекленмей Зейтун илму ишни да айнытады. Шимал Кавказда

адабият илмуну тинтиучилернини арасында аны аты белгилиди, илму ишлери бийик даражагъа тийшли боладыла. Толгъурланы Зейтун бир къауум китапланы авторуду: «Формирование социалистического реализма в балкарской поэзии» (1974), «Заман бла литература» (1977), «Движение балкарской поэзии» (1984), «Лирика Керима Отарова» (1984), «В контексте духовной общности» (1991), «Малкъар прозаны юсюнден» (1994), «Литератураны теориясы» (1997), «Малкъар литература» (2000), «Миллет эс бла миллет литература» (2008), «Эстетика кез къарам» (2013), «Жанр баллады в балкарской поэзии» (2015). Зейтунну ишлери миллет адабиятны тинтген илмуну мурдорун къурагъандыла. Аны башчылыгы бла кеп алимле кандидат, доктор диссертацияларын жетишимли къоруулагъандыла. Миллет илмугъа салгъан къыйыны ючюн 1999 жылда Толгъурланы Зейтун Къабарты-Малкъар республиканы илмусуну сыйлы къуллукъчусу деген атха тийишли болгъанды. 2009-чу жылдан башлап жашауну ахыр кюнлерине дери Зейтун Гуманитар тинтиуле бардыргъан институтну къарачай-малкъар адабият бёлюмюне башчылыкъ этип тургъанды.

Алимни жашаунда илму бла бир сагырда суратлау чыгъармачылыкъ иши баргъанды. Зейтун суратлау чыгъармала жазып 1960 жылда башлагъанды. «Ашыкъгъан суу тенгизге жетмез», «Жашаудан дерс», «Алма терек», «Жол айырылгъан жерде» эм дагыда бир къауум гитче хапарларында жаш адамны жашаугъа кез къарамы ачыкъланады. 1966 жылда уа жазыучуну «Айыуташ»¹ деген биринчи китабы басмаланады. Бу гитче повестинде жазыучу онбиржыллыкъ сабийни кезю бла урушну кюйсюзлюгюн, адам улуну огъурсузлугъун, адамсызлыгын кёргозтеди.

Табийгъатны этген заранлыгы ючюн инсаннга кече билмеклиги Зейтунну сабийлеге аталгъан «Юч да тюлкю балачыкъны хапары» деген чыгъармасыны баш фикириди. Табийгъатны, анда жашагъан жаныуарланы да жамауатдача баш жорукъларындан бири – азатлыкъды. Жазыучуну оюмуна кере, аны сыйырыргъа, жашау тынчылыкъны бузаргъа бир инсан да эркин туююлду.

Жаш жазыучуну суратлау чыгъармачылыкъда ал атламлары тиридиле, нек дегенде ол заманнга кере миллет адабиятлада ара жерни алгъан марда эстетиканы жорукъларына бойсунмайды, къурагъан чыгъармалары башха жазычуланы ишлеринден айырмалыдыла. Толгъурланы Зейтунну жашау сынауу аз эсе да, суратлау чыгъармачылыгында жамауатда, тарыхде да тинтилмеген сорууланы ачыкъларгъа итинеди. 1972-чи жылда жазыучуну «Эрирей»² деген повести басмаланады. Бу чыгъарма саулай да малкъар адабиятны айныуунда жангы кезиуню белгилейди. Толгъурланы Зейтун ниет-тематика жаны бла, эстетика къарамы бла суратлау адабиятда жангы сезюн айтады. Бу чыгъарма тау элдеде колхозну къуралыуна жораланады. Повестни суратлау кючу недеди дегенде, жазыучу миллет адабиятны тарыхында колхозла къуралгъан кезиунюню юсюнден тередеча махтау сез бла айтып къоймай, ол кезиу туудургъан жамауат жашауда кемчиликлени, къырал политиканы айнытыуунда этилген халатланы юсюнден кесамат сезню кючу бла хапарлайды. Быллай шарт а жазыучуну инсан жигитлигин белгилейди. Ары дери социалист жашау «буллутсуз», чюйреликсиз суратланган эсе, жазыучу ол жорукъну бузады, белгиленген кезиуню мутхуз бетлерин ачыкъларгъа итинеди. Быллай мадар жашау кертиликни толусунлай кёргозтюрге себеплик этеди. «Эрирейде» жаланда эл мюлк къурулуш бла байламалы болумла суратланып къалмайдыла, аллай болумлада адам улуну къылыгы, ич дуниясы къалай тюрленнгени да ачыкъланады. Ол себепден кесаматчыла бу чыгъармагъа бийик багъа бичгендиле.

Чыгъармада философия магъаналы соруула салынадыла: къуллукъну бла намысны, адамлыкъны араларында байламлыкъ, аланы къайсы къайсына бойсунады, къуллугъу болгъан адамны намысы боламыды огъесе намысны жолу башхамыды.

Жазыучу бек баш суратлау борчларын – заманны чюйрелигин ачыкълауну, жашау кертиликни суратлау кертиликге жетиштириуню тамам этер ючюн, хар чыгъарманы мурдоруна адамланы (Сафарны, Наипханны, Шарауну) къадарларын, аланы бир бирлерине сезимлерин, тарих болумла бла байламлыкъларын салады.

«Эрирейде» белгиленген суратлау борчла жазычуну «Къызгъыл кырдыкла»³ деген повестинде да салынадыла. Бу чыгъарма жазычуну фахмусуну айныуна шексиз шагъатлыкъ этеди. Толгурланы Зейтун миллет адабиятта биринчилени санында ниет сайлау бла байламлы сорууланы ачыкъларгъа итинеди. Повестьде чюйрелик ызла бир къауумдула: атаны бла баланы араларында келишмеклик, адамны бла жамаутны, адамны бла табийгъатны араларында чюйреликле. Жашауда адам улуну адамлыгъын, батырлыгъын, туугъан жерине кертичилигин сынарча къадар онг береди. Белгиленген шартла бютюнда къыйын жашауда неда тарых болумлада толу ачыкъланадыла. Аллай сынаулада хар ким да кесича ангылайды эм толтурады инсан борчун. Жыл саны эм жашау сынауу жетген Къаспотну бла аны алты жашындан бири Каракайны араларында ниет чюйрелик повестьни сюжет ёзегин къурайды. Къаспот бек уллу насыпха туугъан жерине керти сюймекликни санайды эм ол уллу сезимни жашларыны эслерине сингдирирге кюрешеди. Къаспотну сыфаты терен суратланады. Алты жашны атасыны жашауда умутлары жарыкъ эдиле. Алай аны ачыулу этген бютюнда бек базынган жютюкёз жашы Каракай болады.

Ёхтемлик бла махтанчакълыкъ жашны къылыгыны баш шартларыдыла. «Тийишлисича ёлюу – жашауча бийикди» деген жорукъ Къаспотха да, аны жигитлеча туугъан жерин душманладан къоруулауда жоюлгъан жашларына баш жорукъ эсе, Каракай башха низамгъа бойсундурады кесини къадарын. Каракайгъа жамаут да кечмегенди сатхычылыгъын. Андан да уллу ачыу а анга: атасы харам этгенди, аны бла бирге уа жерни налатын, жангызлыкъны азабын сынаиды. Каракайны жашауу мутхузду, ажымлыды. Ол къадардан жангызлыкъны, жерни налатыны ауурлугъун сынатма деп тилейди. Жангыз ёсген назы терек бла хапарлашханда Каракайны ажымлыгъы бютюнда терен ачыкъланады. Ол терекге жууукълашады, къадарларын тенглешире, бир болургъа излейди. Болсада терек анга саулай жерни атындан сёзюн айтады эм кесинден тюртеди: «... Сени къадарынг жокъду. Къадары жалан да халкъ бла жашагъанны болады». Каракай кесинден, къадарындан къачаргъа кюрешеди, алай амал табалмайды. Жигитни къылыгыны айныуун Толгурланы Зейтун тынгылы кёргозтеди. Каракай бир кюннге сатхыч болуп къалмагъанды: къылыгында жюрек къатылыкъ, сакълыкъ, кюйсюзлюк, жаны болгъан затха жан аурута билмеклик гитчелигинден окъуна жашны бийлеген эдиле. «Къызгъыл кырдыкла» деген повестинде Толгурланы Зейтун башха чыгъармаларындача жашырын белгиле бла хайырланады. Чыгъарманы аты окъуна метафоралы магъананы тутады: къызгъыл кырдыкла жерни жаралыгыны белгисича бериледиле.

Миллет кесаматда бу шарт энчи белгиленеди. «Жазычу хайырланган суратлау белгиле, халкъ чыгъармачычылыкъны төрелери чыгъармачылыгында философия магъананы тутадыла, аны суратлау даражасын кючлендиредиле. Малкъар адабиятта биринчи кере таурухла, мифология сезим жигитлени жашауларын айгъакълайдыла»⁴. Толгурланы Зейтунну чыгъармачылыгыны жангылыгыны шарты заманны излемина кёре салынган суратлау борчну толтурууда эстетика энчилигиндеди.

1974 жылда «Къызгъыл кырдыкла» бла бирге жазычуну «Акъ гырянча»⁵ деген повести басмаланады. Окъуучуну эсин жашауда жаш тёлнюю арасында адеп-къылыкъ бла байламлы болумла аладыла. *Акъ гырянча* тиширыуну намысыны кирсизлигини, аны бла бирге уа ёз миллетини иги төрелерине кертичиликни белгисиди.

Чыгъармада жаш доктор Фатиматны бла журналист Мажитни сюймекликлери энчи сюжет ызны тутады. Жаш адамланы жюреклеринде бир бирлерине жарыкъ сезим жаралыды. Таулу тиширыуну адеп-намысха сакъ болмагъаны, биринчи сюймеклигине кертичилей къалмагъаны юйюр насыпдан кенгде къояды повестьни жигитлерин. Аланы юлгюлеринде Толгурланы Зейтун жаш тёлнюе адам улу не заманда да ёз намысына, миллет төрелеге сакъ болургъа керекди, аланы «акълыгъын», кирсизлигин сакъларгъа борчлуду деген насийхат сёзюн айтады.

«Акъ гырянчада» салынган адеп-кыбылыкъ, эл бла шахарны араларында чойрелик бла байламлы соруула жазыучуну «Ашыкъ оюн»⁶ деген повестинде да тинтиледиле. Толгъурланы Зейтунну озгъан заманны бла бусагъатны араларында келишмеклик, унутулуп баргъан иги төреле, ёз намысха эссизлик, адам улуну кыбылыгыны айныууна тыш болумла не себеплик этгени дегенча соруула жарсытадыла. Инсанны эссизлиги, сансызлыкъы тау элни айныууна чырмау этеди. Оюлгъан эски журтланы суратлары, «чалынмай къалгъан кырдыкны бушууу» жазыучуну да, окъуучуну да мудахландырадыла. Толгъурланы Зейтун ёксюз табийгъатны, унутулгъан къабырланы мутхуз сыфатларын толу суратлайды, аланы жарсыуларын жашырмай айтады. Эки тюрлю дуняны тенглешире, жазыучу жанлары болмагъан жангы сыфатла къурайды. Сёз ючюн, эрттегили дорбунну сыфатында анда жашагъан «тепсеген, жырлагъан неда къобуз тартхан, чепкен сокъгъан, урчукъ ийирген таш, агъач гинжиле» озгъан жашауну берекетлигин, адам улуну ишге хунерлигини сыйлы шагъатларыча белгиленедиле. Бусагъатдагы жашау ол дорбун жашаугъа чойре суратланады. Повестьни баш жигити Шабазны да «жюрегинде жарыкълыкъ жокъду». Жашау болумла аны акъылында философия магъаналы соруула туудурады, алагъа тийишли жууапла излетеди. Сансызлыкъны, оюла баргъан жашауну къурманы адам улудан сора да тилсиз жынуарла боладыла. Повестьде аллай, сыфаты тынгылы къуралгъан «жигитледен» бири Къурта деген парийди. Тёгерекни бийлеген шошлукъ аны да мудахландырады, сагъышландырады. Ит да сынаиды жангызлыкъны, нек дегенде «энди уа Шабаз да жокъ, сюрюу да жокъ».

Толгъурланы Зейтун, чыгъармаларында тарых бетлени алышындыра эсе да, эки суйгенни араларында жюрек сезимге энчи эс бурады, аны тинтеди. Анга шагъатлыкъ этген башында айтылгъан повестледен тышында «Тёгюлген минчакъладыла»⁷. Бу хапарны аты окъуна кесине эс бурдурады, кёз къакъмай, окъуп турурча этеди. Суймекликни сыфатын автор «элгенирге хазыр къанатлы» бла, «зыгытланып, чакъмай къалгъан» наныкъ тала бла, «къайыкъгъа ушагъан чурукъланы табанлары эзген минчакъ ташла» бла тенглеширедиле. Суймекликни туудургъан, аны, жаз гюлча, ариу чакъдыргъан неда замансыз ёчюлтген болумланы да жютю кёз бла излейди, бай суратлау мадарла бла ачыкълайды. Ол сезимни социально-ниет эм философия категорияча белгилейди.

1980-чы жыллада жазыучуну чыгъармачылыкъ ишинде жангы кезиу белгиленеди. 1981-чи жылда Толгъурланы Зейтунну «Жетегейле»⁸ деген биринчи романы басмаланады. 1988 жылда бу чыгъарма Москвада орус тилде «Большая Медведица» деген ат бла да чыгъады. Толгъурланы Зейтунну «Жетегейле» деген романы Къабарты-Малкъарда Совет власть тохташа башлагъан къайыгылы, бушуулу кезиуню юсюнден чыгъармады. Сёзсюз, жашауда жангы низам тохташдырыр ючюн, эскилик – ары дери бола келген затланы сёгерге, ояргъа, тюр этерге керек болады. Аны ючюн а ниет ишни тюрлендирирге, биригип, кюрешни къаты бардырыргъа керек болады. Малкъар жазыучу ол зат бла байламлы, сейирлик суратлау сыфатла къурап, адамланы араларында баргъан кюрешни бек ийнаныулу кёрдюзтгенди.

Романны баш жигити Нух эфендини жалчысы, жамауатха энди къошула башлагъан жаш адам Къзакъды. Аны сыфатыны юсю бла жазыучу ёз миллетини ажымлы къадарын суратлайды, терслик бла тюзлюк деген философия ангыламланы араларында чойреликни тинтеди. Толгъурланы Зейтун эсин класс аралы кюрешге артыкъ бурмай, биринчиден, баш жигитни ич дунясында келишмекликни, аны кыбылыгында белгиленген чойрели шартланы ачыкъларгъа итинеди. Жазыучу жамауат жашауда болгъан тюрлениулени суратлау бла чекленип къалмай, ол тарых болумла жигитни кыбылыгында да, къадарында да ажымлы ыз къойгъанын сюзеди.

Толгъурланы Зейтун жашауну тюрлениуон, революцияны ниет излемин романны баш жигитлерини ич дуняларын ачыкълау бла, аланы ишлерини,

кюрешлерини юслери бла ким да ийнанырча тап суратлап кёргюзтгенди. Чыгъармада жазыучу жангы хапарлау ызны сайлайды – жигитни ич сёзюн, ёз оюмун терен ачыкылауу. Быллай суратлау мадар а сыфатны кыылыгыны тюрлениуюн, жашаугъа къарамын ачыкыларгъа себеплик этеди. Артдан-артха жашауу, жангырыуу юслеринден Къзакъны философия оюму, ангылауу ёседен-ёсе баргъаны ачык кёрюнеди. Жашауда бола тургъан кёп тюрлю ишле, ала бла байламлы туугъан соруула («Ол кимди? Не бла ёхтемланаллыкъды?») аны тынгысыз этгенлей турадыла. Байланы бла жарлыланы, кызылланы бла акъланы араларында болгъан айрылыкъ-демлешуу а бютюнда бек жарсытадыла. Алай Къзакъ ол затладан къутулууу жолуна тюшалмайды. Аны себепли: «Да сора мен кимме?» – деген соруу Къзакъгъа тынчылыкъ бермейди.

Романны баш жигити Къзакъ эки отну ортасынады; бир жанындан – большевикле тутхан ниетге экили болууу, экинчи жанындан – Нух кибик бийлени келе-келген жоллары аманлыкъдан топпа-толу болгъанлары, бютюнда кеслерине тап тюшюрюр ючюн, халкъны сатханлары аны жүрегин кюйдюредиле. Къзакъ айтханлай, бу жалгъан дуняда тюз жол сайлай билмеклик кёкню жети къатысына барып къайтхандан эсе кёп да кыйынды. Эки отну ортасында жашамакылыгъ а – бютюнда кыйын.

«Жетегейле» деген романны суратлау кючюне энчи эс бургъан заманыбызда биз бек алгъа адамны бла революцияны араларында байламлыкъны жазыучу уллу усталыкъ бла ачыкылагъанын кёребиз. Былайда Нух бийни сыфатыны къуралыуу формасы да окъуучуну сагъыш этдирмей кыймайды. Уллу байлыгы болгъан, халкъ оноундан чыкъмагъан таулуу, дуняны сагъайтхан тарых тюрлениулени кезиулеринде кесин жүрютюую, не кыйынлыкъда да ёхтемлигин, кишилигин тас этмеген бийни сыфаты бизни суратлау адабиятыбызда ёмюрден-ахыргъа кесини тийишли жерин алгъанлай турлугъу даулашсызды.

Толгур улу Нухну юсю бла, жангы жашауу тузагына тюшюп, анда жоюлгъан кёп тау бийлени, къолларындан келген акъыллы адамланы сыфатларын къурагъанды. Жазыучу Нухну уллу кыйынлыкъгъа тюшгенини сылтауун жаланда аны байлыгы, бийлиги бла байламлы этип кыймайды. Аны адамлыкъ даражасын тас этдирген — жангы жашауу къурайбыз деп, большевикле халкъгъа жетишдирген кыйынлыкъ, ала кёплени халал къанларын тектенлери болгъанын суратлау сёзню кючю бла ангылатады Толгур улу.

Толгурланы Зейтунну «Жетегейле» романы бизни миллет адабиятыбызны тарыхында Совет властыны юсюнден керти хапар айтхан биринчи чыгъармаладан бири болгъанды.

«Жетегейледе» тинтилген соруула жазыучуну «Кёк гелеу»⁹ деген романында да магъаналарын тас этмейдиле. Бу романы ючюн жазыучу 1994 жылда Къабарты-Малкъарны Къырал саугъасына тийишли болгъанды. Толгурланы Зейтун жангы чыгъармасында да халкъны бушуулу къадарын, «бластны» жахил келечилери керти инсанлагъа сынатхан артыкылыкъны тынгылы ачыкылап, кёп тюрлю сыфатла къурауда усталыгъын кёргюзтгенди. Бу романда немислиле Малкъар аузуна кирген кезиу, аланы ызларындан а совет аскерни «азат» этгени – 1942–1944 жылла суратланадыла. Алай романны жигитлерини эсгериулерни окъуучуну эсин кыйырманчы, отузунчу жыллагъа да бурады.

«Кёк гелеу» деген романда къадары да, мураты да башда айтылгъан заманны жели бла тюрлендирилген сабийледен бири ючжыллыкъ Кърымды. Анасы Халимат тели ауруудан ауруп, тели болгъанды деп, жашчыкыны анасыны тамата егечи Айшат ёсдюрюрге алады. Ол, кеси кыйынына ёсдюрмей, Халиматны алтынлары ючюн таукелленгенди. Халиматха хар ким да «акъылдан шашхан», «сакъат» тишируу дейдиле. Кесине да, тюз атын айтмай, Хабла деп къоядыла. Алай, аны тели суннганлыкъгъа, ол тели туююл эди. Ананы сезими, аны сюймеклигини къуршча къатылыгы сабийин тас этгенинде, башхача айтханда, «урлатханында», ачыууу

теренлиги Халиматча тиширыуну сыфатында, баям, малкър прозада биринчи берилген болур. Ол тиширыуну жашчыгына суймеклигини кючюнден, не тели аурруу да, не уллу кыйынлык да хорлаялмагъандыла. Алай, жарсыугъа, Кърымны сабий эси ана кючню аллында къарыусуз эди: айшатчаланы кюйсюзлюгю жашчыкны атасы-анасы ким болгъанын унуттура эди.

Кърымны къадарыны юсю бла жазычу малкър миллетни юсюнден сагъышланады. Терен оюм этген окъуучу Халиматны Айшат, Хафисат, Жюзюм деген эгечлерини сыфатларыны юсю бла бир ненча миллет республикаладан къралгъан къралны суратланганын да эслерикди. Орталарында кыйынлык сынай ёсген ёксюз жашчык а – аз санлы тау миллетлени бетиди.

«Кёк гелеу» деген романында жазычу адамланы жашаулары бла бирге табийгъатны, аны жаныуарларыны жашауларын да суратлайды. Адамланы жашауларына тийишли кюреш жаныуарлагъа да тийишли болгъаны кимге да белгиледи. Алакёз деген атны бла юйюр башчы Гагай деген кёк бёрюню араларында чюйрелик чыгъарманы энчи сюжет ызы болады. Алакёз бла Гагайны араларында баргъан кюрешлерине романны кёп бетлери аталгъандыла. Къаллай фахмулук керекди къара сёзню кючю бла хайыуанны, жаныуарны къруу тыш «сыфатларын», тыш «жашауларын» суратлап кыймай, аланы ич дуняларын да суратларгъа! Алакёз бла да, Гагай бла да танышхан окъуучуну эсине белгили кыргъыз жазычу Чингиз Айтматовну «Плаха» деген романы келирге да болур. Алай «Кёк гелеу» бла «Плахань» тенгледиргенде, биринчи романда бу суратлау амалны юсю бла адамланы араларында жашау-турмуш, саясат чюйрекликни суратларгъа уллу кюч болады, табийгъат болумланы юсю бла айтырын кюзгюде кёргюзтгенча этеди, экинчи роман а кудуретни, табийгъатны сакълаугъа чакъырыу халда жазылгъанды. Эки роман да бирча даражада жазылгъаны уа – была малкър жазычу Толгъурланы Зейтунну бла кыргъыз жазычу Чингиз Айтматовну уллу фахмулукларыны себебиндендиле.

Романда Алакёзню сыфаты кёп магъаналыды, кёп жашау шартланы жашырын белгисиди. Жюйрюк ажир, жигитликни бла кишиликни, халаллыкны белгиси болуп къалмай, халкны озгъан заманыны, тарыхыны да белгисиди.

«Кёк гелеу» деп нек аталгъанды романны, ол кеси да неди деп соргъанла да болурла. Гелеу учхалауук кырдыкды, аякны тирерге онг бермеген, бютюк да ууакъ жауундан сора бузласа. Кёк гелеу жангы «бластны» сыфатыча берилгенди, нек дегенде ол «бласт» кёплени ахшы умутларын жойгъанды, жашау жолларын къысхартханды. Кёк гелеуню бетинде «бластха» сатылгъан Хаким Айшатны эки жашын да ёлтюреди, Алакёзню да кёк гелеу суйген кырдыгы болгъанлыкыгъа, ол «хайт деген атланы, жюйрюк тайланы жыкыгъан, борбайларын кыркып, абындыргъан кырдык эди...»

Жазычуну фахмусуну таркыймагъаныны шагъатыча 2005-чы жылда басмаланган «Акъ жыйрыкъ»¹⁰ деген жангы романы болгъанды. Толгъурланы Зейтун заманны бийигинден ёз халкыны кыйын къадарын суратлай, бюгюнлюкде аны миллет ёзегин (ана тилин, адеп-къылыгъын, миллет терелерин) сакъларгъа не къадар да эс бурургъа кереклисин айтады. Романда эки дуня суратланады: адам улуну – нартланы – дунясы («суратчыла бла жазычула, илмучу адамлары сыйсыз болгъан ..., сабырлыкны бла ёхтемликни мухарлык хорлагъан... дуня») эм анга чюйре келген – миф дуня. Чыгъарманы ал бетлеринде окъуна окъуучу эсин Коштан таудан къарап тургъан нартланы душманларыны – Желбыдыр, Менгиреу, Ючлеме, Тертлеме деген эмегенлени – сейир къралгъан сыфатларына бурады. Эмегенле эрттеден бери нартла ба кюреш бардырадыла. «Жюз жылланы солуу алдырмай кюрешебиз, не этейик хорлаялмайбыз. Жерлери – жерлей, кючлери да таркыймайды. Биз а жылдан жылгъа аз бола, тозурай барабыз», – дейди эмегенледен бири Тертлеме. Кертиси бла да, байлыкны, кючню да нартлагъа жер, аны

агъачы, суу береди. Эмегенле ол себепден адам улуну ол сыйлы жерден кыруругун излейди. Быллай миф жигитлени юсю бла жазычу миллетибизни тыш душманларыны сыфатларын ачыклайды. Халкыгъа, бютюнда аз санлы халкыгъа, заранлык излеген, аны тарых жолун кесерикле бусагъатдагы дуняда баямдыла. Аллайгъа бирден кыжау туругъа эм миллет даражаны сакъларгъа бирлик, ёз адетлеге кертичилик себеплик этерикди. Болсада, миллетни тутуругун бузаргъа халкыны кесини ич душманлары да аз болмагъандыла. Чиппону кылыгында орлукъ, адамсызлык аны юйдегисине, жашы Шамгуннга, туудугу Чапайгъа кыан бла ётедиле. Жазычу белгиленген жигитлени юлгюлеринде кыраллык бла, «бласт» бла, кыуллукъ бла байламлы жютю сорууланы тинтирге итинеди. Жамуатны жашаунда кемчиликле кёбюсюнде адам улуну кырал кыуллукъда кесини инсан борчларын тийишлисича толтурмагъаныны себинденди. Кыуллукъ бахчыны бийиклигине итингенлени кёбюсю акылылары, иш келлюлюкери, адамлыклары бла жетишмегендиле.

Толгурланы Зейтун совет власть кыурагъан жашауну бушуулугуну юсюнден ачык айтады: акыны кыарадан айыра билмеген, иш келлю адамланы жоюп, кыолларындан келмегенлени, ёмюрлери жалчылыкда, жалынчаклыкда ётгенлени кыралгъа оноу этдиргенлени, кысхасы кеси сайлагъанланы, кыолларындан жоюлады ол кеси. Жазычуну жангы романыны Чиппо деген жигитини да «окыуу жокду, акылы билими да озмайды... бусагъатлада «бласт» андан не излегенине ...иги тюзелгенди: бластны душманларын таргъа, ырбыннга тыяргъа, кеси сынагъан учулукну сынатыргъа – олду Чиппону борчу». Чиппоча адамланы адепсиз-кылыксыз ишлерини сылтауларын жазычу терен тинтеди. Адам улу жашаунда кёп азап сынагъанды. Тарыхны желлери (инсан уруш, Улуу Ата журт уруш, кёчгюнчюлюк) бир-бирлерин алыша адамны кыаруулусун, намысласын сындыргъа, ууатыргъа кюрешгендиле. Жашауда аллай бушуулу болумланы тамырларын «бласт» келтиргенди, «бласт» чирчиклендиргенди». Болсада табийгъат бла берилген, кыан бла келген ёз намысха сакылыкны, кыатылыкны аяк тюп этерге чиппочаланы кыолларындан келмегенди. Аллайлагъа, жашауларында этген мурадларына артыклык бла, кыаруу бла жетген кишилеге чюйре жазычу Узунбелланы тукъум тарыхларын суратлайды: Мисирхан, аны кызы Зайнаф, туудугу Аскерхан. Таулу тиширыу Мисирханны сыфатын Толгурланы Зейтун адеп-кылыкыгъа кыатылыкны, ёз намысха сакылыкны тийишли юлгюсюча кёргюзтеди. Кыыйын жашау болумлада окыуна, кыаруу болгъан кыаруусуну хорларгъа умут этген заманда, Мисирхан бюгюлмейди, сабырлыгын тас этмейди, НКВД-ны жесири болгъанда да ниет кирсизлигине кертичилей кыалады. «Аллах кимге да намыс береди, анга керилирге киши да керек тюйюлду. Бласт да унамаз, – дейди тиширыу. – Намыс сакланмагъан жерден насып ёнгелейди». Жарсыгъа, намысха кыатылыкны Мисирханны туудугу Аскерхан сакыламайды. Ырахат жашаугъа алданган тиширыу акъ жыйрыкларын тешерге унамай жашагъан ыннасы, анасы саклагъан намысны жибин юзеди.

Жазычу хар жангы чыгъармасында жангы белгиле кыурайды, ол а чыгъарманы суратлау магъанасын кючлендиреди, поэтика хазнасын байыкъландырады. Акъ *жыйрык* романда метафоралы магъанасындан тышындан да уллу философия магъананы туттады. Бир жанындан, ол «тиширыуну кёлн, ёхтемлигин кётюрюп, акъ жыйрык кийдирген...» сюймеклик сезим бла байланады. Былайда жазычу эр киши бла тиширыуну аралалында туугъан сезимге философия кёзден кыарайды, аны магъанасын окыуучугъа терен тинтип ангылашындыргъа итинеди. Жазычуну оюмуна кёре, акъ жыйрыкны кирсизлигин сакыларгъа хар тиширыуну кыолундан келмейди. Ол кёплеге «ассыры ауур жюкдю». Жазычу бу белгини бир магъана бла чеклеп кыоймайды. «Акъ жыйрык нартланы байраклары кибикди», – дейди жазычу. Ол а миллет намысны, хорламны, келлик жарык заманланы бийик белгисиди.

«Акъ жыйрыкъ» деген романында жазыучу заманланы бирикдиреди: аланы барысын да бушуулукъ бирге байлайды. Озгъан заманны бушуулу бетлеринден бирин – кёчгюнчюлюкню төрели хапарлау халда сурагламай, Толгъурланы Зейтун уллу кыйынлыкъда замансыз жоюлгъан жаш тиширыуну бла андан айырылып кьалгъан кьагъанакъ кьызчыгъыны жанлары кирген Сепкилбаш деген кёгюрчюн бла жаннет чыпчыгъыны кьадарларыны юслеринден сейир сюжет ыз кьурайды.

Ахыр жылларында Толгъурланы Зейтун юч китапдан кьуралгъан «Хутай» деген жангы романын жазып бошагъан эди. Аны баш жигити – инсан урушха кьатышхан малкьарлы жаш Хутайны сыфатыны юсю бла жазыучу озгъан ёмюрде халкыны кьадарын сураглагъанды. Чыгъарманы биринчи эм экинчи кесеклери «Минги Тау» журналны (2007, № 3, № 5, № 6; 2008, № 1; 2012, № 1, № 3) бетлеринде басмаланганлай кьалгъандыла. Жарсыугъа, жазыучу кеси саулукъда да, бюгюнлюкде да ол сураглау чыгъарма энчи китап болуп чыкмагъанды. Дагъыда Зейтунну толмай кьалгъан мураты – «Ай, мени тор атым!..» деген малкьар халкыны жигит уланларындан бири Гемуланы Акону бушуулу кьадарына жораланган чыгъармасы болду. Зейтун солуу кюнлеринде не ишин да бир жанына салып жазуучулукъ ишине бата эди. Бюгюнча эсимдеди, ол бизге жазыла тургъан повестини юсюнден уллу ёхтемлик бла айтханы. Сёзсюзда, суююп жаза эди Акону юсюнден. Жашырмай эди жазыучу ол бийик сезимлерин. Жарсыугъа, Зейтунну ахыр чыгъармасы жарты жазылгъанлай кьалды...

Терен магъаналы сураглау чыгъармала жазгъан Толгъурланы Зейтунну кьаламы жютю болгъанды, ол кертда да жазыу ишинден заукулукъ ала жашагъанды. Аны сураглау сёзге суюмеклиги, кертилиги, ийнаныуу да чексиз эдиле. Белгиленген сезимле жазыучуну илхам отуна жангы кюч бере, ёлюмсюз сураглау чыгъармала туудургъандыла.

Примечания

1. *Толгъурланы З.* Айыуташ. Нальчик: Эльбрус, 1966.
2. *Толгъурланы З.* Эрирей. Нальчик: Эльбрус, 1972.
3. *Толгъурланы З.* Къызгъыл кырдыкла. Нальчик: Эльбрус, 1974.
4. *Болатова (Атабиева) А.Д.* Символы как средство выражения философской концепции писателя (На примере повести З. Толгурова «Алые травы») // Известия Кабардино-Балкарского научного центра. 2013. № 6. С. 207–213.
5. *Толгъурланы З.* Акъ гырянча. Нальчик: Эльбрус, 1974.
6. *Толгъурланы З.* Ашыкъ оюн. Нальчик: Эльбрус, 1983.
7. *Толгъурланы З.* Тёгюлген минчакъла // Малкьар хапары. Айтылмагъан ийнара. Нальчик: Эльбрус, 1989. С. 250–267.
8. *Толгъурланы З.* Жетегейле. Нальчик: Эльбрус, 1982.
9. *Толгъурланы З.* Кёк гелеу. Нальчик: Эльбрус, 1993.
10. *Толгъурланы З.* Акъ жыйрыкъ. Нальчик: Эльбрус, 2005.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПИСАТЕЛЯ (К 80-летию Толгурова Зейтуна)

Сарбашева Алена Мустафаевна, доктор филологических наук, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alenasarb@mail.ru

Статья посвящена юбилейной дате – 80-летию известного балкарского литературоведа и писателя, доктора филологических наук, профессора Зейтуна Толгурова (1939–2016), внесшего большой вклад в развитие национальной художественной и научно-критической

мысли. В работе рассматриваются вопросы эволюции, поэтики, жанрового своеобразия многогранного творчества писателя. Объектом анализа являются наиболее значимые произведения, в частности повести («Медвежий камень», «Эрирей», «Алые травы», «Игра в альчики», «Белая шаль») и романы («Большая Медведица», «Голубой типчак», «Белое платье»), в которых выявляются новаторские тенденции, тематический диапазон, исследуются идейно-композиционные особенности, специфика художественного конфликта, художественно-изобразительные средства, определяется национальная специфика эстетического отношения автора к действительности.

Ключевые слова: творческая эволюция, талант, роман, повесть, характер, конфликт, эстетическое своеобразие.

THE ARTISTIC WORLD OF THE WRITER (To the 80th anniversary of Tolgurov Zeytun)

Sarbasheva Alena Mustafaevna, Doctor of Philology, Head of the Karachay-Balkar Literature Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alenasarb@mail.ru

The article is devoted to the jubilee date – the 80th anniversary of the famous Balkarian literary critic and writer Zeitun Tolgurov (1939–2016), who made a great contribution to the development of national artistic and scientific critical thought. The paper deals with the issues of evolution, poetics, genre originality of the multifaceted creativity of the writer. The objects of analysis are the most significant works, in particular the novels («The Bear Stone», «Erirey», «The Scarlet Grass», «The Game of the Al'chiki», «The White Shawl») and the novels («The Great Bear», «The Blue Tipchak», «White dress»), which identifies innovative trends, thematic range, explores the ideological and compositional features, the specifics of the artistic conflict, artistic and visual means, determines the national specificity of the aesthetic attitude of the author to reality.

Keywords: creative evolution, talent, novel, story, character, conflict, aesthetic originality.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-97-105

К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СОНЕТА И ЧЕТЫРНАДЦАТИСТРОЧНИКА В КАБАРДИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Хавжокова Людмила Борисовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Шогенова Эмма Аслановна, аспирант Научно-образовательного центра Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (НОЦ КБНЦ РАН), emma.shogenova@yandex.ru

Статья посвящена исследованию актуальной для адыгского литературоведения проблемы разграничения сонета и четырнадцатистрочника в кабардинской поэзии на примере некоторых произведений представителей старшего поколения Батала Куашева и Заура Налоева, которыми были предприняты одни из первых попыток освоения жанра. Отмечены общие характерные особенности эволюции жанра сонета в адыгской (кабардино-черкесской) поэзии, освещены первые примеры создания произведений в данном жанре. Главное внимание авторов акцентировано на соблюдении канонов жанра сонета и отступлении от них, следствием чего становится появление произведений, укладывающихся в его строгие рамки или четырнадцатистрочников (так называемых «несостоявшихся» сонетов), соответствующих жанру лишь количеством стихотворных строк, точнее говоря – не отвечающих требованиям жанра и, следовательно, не являющихся сонетом. Подробному и комплексному анализу подвержена архитектоника рассматриваемых произведений – схема рифмовки, стихотворные размеры, идейно-тематическая ориентация. В результате исследования структурно-композиционных параметров установлены принципиальные различия между сонетом и четырнадцатистрочником, наблюдаемые как на формальном, так и на содержательном уровнях.

Ключевые слова: сонет, четырнадцатистрочник, кабардинская поэзия, адыгская литература, поэт, схема рифмовки, структура, композиция, жанр, канон.

В кабардино-черкесской поэзии возникновение жанра сонета датируется второй половиной XX века. Первые сонеты были написаны Адамом Шогенцуковым и Мусарби Сокуровым. Далее за полувековую историю сонет достиг популярности в творчестве Мугаза Кештова, Саладина Жилетежева, Петра Мисакова, Фоусат Балкарской, Мухадина Бемурзова, Бориса Утижева, Афлика Оразаева, Анатолия Камергоева, Руслана Ацканова, Анатолия Мукожева, Латмира Пшукова, Кантемира Абазокова и др. Личным достижением некоторых из них и заметным вкладом в развитие адыгских литератур стало освоение жанра венка сонетов такими поэтами, как М. Кештов, С. Жилетежев, М. Бемурзов, А. Оразаев, Л. Пшуков и др.

Литературный процесс представляет собой одно из динамичных явлений, в котором наблюдается постоянная циркуляция, обновление и видоизменение жанров. Вопреки строгости и сложности жанра, сонет время от времени претерпевает различного рода модификации. В современном сонете канонические требования стали наиболее гибкими благодаря индивидуальным авторским экспериментам, а самое главное – они не только не противоречат эволюции жанра, но и способствуют расширению его границ.

В кабардино-черкесской поэзии эволюцию сонета, на наш взгляд, следует рассматривать не только на базе произведений, созданных в данном жанре с изначальным планированием их формальных и содержательных признаков в русле заданных канонических правил, но и так называемых «четырнадцатистроичников» или «несостоявшихся» сонетов, которые так или иначе способствовали развитию жанра. Так, например, некоторые признаки исследуемого жанра просматриваются в произведении «Осень» («Бжъыхъ») **Бетала Куашева (1920–1957)**. Прежде чем приступить к анализу, считаем целесообразным привести текст произведения целиком в целях более наглядной демонстрации его архитектоники:

<i>Эи слъэгъуакъым мыпхуэдэу бжъыхъ,</i>	a
<i>Жыг тхъэмпэ пыхухэр дыцэпкъыу мэгъуэль,</i>	b
<i>Уэсым къесынуи иджы хуцIэмыхъ,</i>	a
<i>Нэпсу уэсэпсыр нэхуцым полъэль.</i>	b
<i>Къурихэу мывэдзэ дзахъэбэм борэныр</i>	c
<i>Жэцым цоятэр, нартыдзэу мэфий,</i>	d
<i>Фэхухэм цохасэ псыла пшэ гуэрэныр,</i>	c
<i>Нэпкъым утехъэмэ, гуцхъэр цодий.</i>	d
<i>Дыгэм гъатхэфэ зыкыицIу кыкыуэплъым,</i>	e
<i>ТеплъэкIэ цIым нэрылъагъуу зехъуэж;</i>	f
<i>Жыгхэр тIэпIын пIоуцI, цIыр хуэдэцц пиэплъым,</i>	e
<i>Уеплъмэ, гугъэцицI умыгъуэтуэ мэцхъуэж.</i>	f
<i>ДэнкIэ зыбгъазэми, гъацIэм и лъынтхуэм</i>	g
<i>Лъыр зэрыцызекIуэр уи нитIым ялъагъу...¹</i>	h

Здесь, как и в следующих примерах, мы не приводим перевод стиха по той причине, что в данном случае нас интересуют его формальные признаки (что невозможно передать посредством перевода). При обращении к содержательной стороне произведения, будут приведены переводы его отдельных частей.

По многим структурно-композиционным параметрам исследуемое произведение, если не является, то хотя бы приближено к так называемому сплошному сонету. Как и в сплошном сонете в нем нет членения на катрены и терцеты или катрены и двустиие, однако четко вырисовываются три строфы по четыре строки и дистих, что свойственно английской форме сонета. Кроме того, за небольшим отклонением в заключительной строке, в анализируемом произведении выдержана схема рифмовки, характерная также для английской формы сонета: *abab cdcd efef gh* (ср. с английской формой *abab cdcd efef gg*). Что касается стихотворного размера, то оно написано не признанным каноническим для сонета ямбом (пяти- или шестистопным), а четырехстопным дактилем:

*Къурихэу мывэдзэ дзахъэбэм борэныр
Жэцым цоятэр, нартыдзэу мэфий,
Фэхухэм цохасэ псыла пшэ гуэрэныр,
Нэпкъым утехъэмэ, гуцхъэр цодий².*

- U U / U U U / - U U / - U (пирр. * на 4 слоге)
- U U / - U U / - U U / -
- U U / - U U / U U U / - U (пирр. на 7 слоге)
- U U / - U U / - U U / -

Начиная с XX века в русской литературе (из которой сонет перешел в национальные литературы) появились сонеты, написанные хореем, а затем – трехсложными размерами. Поэтому стихотворный размер исследуемого произведения Б. Куашева не препятствует признанию его сонетом.

* Пиррихий.

По своей архитектонике анализируемое произведение обладает многими признаками сплошного сонета (нерасчлененные четырнадцать строк, синтаксическая завершенность строф, конкретные способы рифмовки), а по содержанию – признаками пейзажного сонета. Приведем перевод хотя бы первой строфы:

*Никогда не видал подобной осени,
Опадающие листья ложатся золотом,
И снегу некогда теперь выпасть,
С рассвета, словно слеза, спадает роса.
(Пер. подстр.)*

Заключительный дистих представляет собой «замок» (несмотря на то, что произведение заканчивается многоточием) – философское резюме, содержащее метафоричное описание закона круговорота всего живого во Вселенной.

*ДэнкIэ зыбгъазэм, гъащIэм и лъынтхуэм
Лъыр зэрыщызеклуэр уи нитIым ялъагъу...³*

*Куда не повернись, движение крови
По венам жизни видят твои глаза...
(Пер. подстр.)*

Таким образом, стихотворение «Осень» Б. Куашева, на наш взгляд, больше сонет, чем не сонет, хотя он сам не дает никакого пояснения по данному поводу: было ли это – создание сонета – изначальной авторской задумкой или нет – вопрос сложный и следует только догадываться, но, на наш взгляд, поэт уровня Б. Куашева был знаком с этим жанром и обладал достаточными профессиональными навыками для его построения. Исследователи адыгского сонета (Х.И. Бакков⁴ и А.М. Гутов⁵) обошли стороной приведенное произведение Б. Куашева и само творчество поэта.

Пример четырнадцатистрочника, не имеющего никаких общих признаков (кроме объема – количества строк), сближающих его с сонетом, встречается в поэзии **Заура Налоева (1928–2012)**. В данном случае можно с уверенностью констатировать, что, в отличие от «Осени» Б. Куашева, четвертое стихотворение под заголовком «Необъезженный конь» («Альп мыгъасэ») из цикла «На перепутье двух дорог» («ГъуэгушхьитIыр щызэхэжIым») З. Налоева не является сонетом. Приведем его:

<i>Нарт шабзэкъум хуэдэц адыгэбзэр,</i>	a
<i>Я нэхъ усакIуэфIри къегъэубзэр.</i>	a
<i>Сэ IэцIагъэ сифIэц цIыху гъэунэу –</i>	b
<i>ГъукIэ Лъэтиц IэзагъкIэ сьтеуэнуц.</i>	b
<i>Пхъэми я нэхъ бзаджэм и Iэмалыр</i>	c
<i>Сэ къызогъуэтыфыр бетэмалу,</i>	c
<i>Къуалэбзухэм я бзэр къызгуроIуэ –</i>	d
<i>Адыгэбзэр къысхуэмыгъэдаIуэ.</i>	d
<i>Нартхэм къагъэцIати адыгэбзэр</i>	a
<i>Альп къагъафэ хуэдэ къадэубзэрт.</i>	a
<i>Альп мыгъасэм ушэсын уи гугъэм,</i>	e
<i>Хуейц уиIэн абы хуэфацэ лIыгъэ.</i>	e
<i>Умынарту ди бзэр бгъэдэIуэнкъым –</i>	f
<i>Нартхэ я шабзэкъури къэбгъэшынкъым⁶.</i>	f

Для начала важно отметить, что в стихотворении встречаются семь парных (иногда повторяющихся) рифм – *aa, bb, cc, dd, aa, ee, ff*, что противоречит канонам сонета и не подходит ни под одну из его форм. На наш взгляд, это является

основным недочетом, исключающим возможность признания сонета в рассматриваемом произведении, несмотря даже на то, что в нем обнаруживается удачное использование канонического пятистопного ямба. Кроме всего, в нем не выдержана содержательная схема *завязка*→*развитие*→*кульминация*→*развязка*→*замок*, характерная для сонета.

Таким образом, в данном случае, в отличие от предыдущего («Осень» Б. Куашева), произведение «Необъезженный конь» больше представляет собой четырнадцатистроичник (не сонет), чем сонет. Другими словами, в нем больше отклонений от канонических норм жанра, чем их соблюдение. На наш взгляд, автором произведения оно изначально не задумано как сонет.

В творчестве З. Налоева встречается пример классического английского сонета под названием «Намеревающийся тебя обидеть...» («Къеуэну уи гум зи нэрыгъыр...», 1971). Причем в нем выдержаны не только формальные, но и содержательные каноны сонета. И данное произведение не было замечено и привлечено к исследованиям сонетоведов. Между тем оно представляет собой один из первых удачных образцов сонета, свидетельствовавших о перспективах жанра в национальной литературе уже на раннем этапе его становления.

Сонет «Намеревающийся тебя обидеть...» состоит из трех катренов и заключительного двустушия со следующей рифмовкой: *abab cdcd efef gh* (ср. с английской формой *abab cdcd efef gg*). При этом в соответствии с нормами жанра в трех катренах наблюдается чередование женской и мужской рифм. В каждой строфе наблюдается синтаксическая завершенность, что является одним из канонических требований жанра. Произведение написано классическим для сонета ямбическим размером, но состоящим не из пяти или шести (как в большинстве случаев свойственно жанру), а из четырех стоп:

*Къеуэну уи гум зи нэрыгъыр
ИгъаицIэм хъуркъым псэльэгъуей.
Цыхупсэ къабзэм лъагъуныгъэр
Щхъэ цыхъуу пIэрэ Iуэтэгъуей?*⁷

U – / U – / U U / U – / U

(пирр. на 6 слоге)

U – / U – / U U / U –

(пирр. на 6 слоге)

U U / U – / U U / U – / U

(пирр. на 2 и 6 слогах)

U – / U – / U U / U –

(пирр. на 6 слоге)

Содержательная сторона сонета З. Налоева, как и формальная, соответствует канонам жанра, в частности, выстроена по схеме *завязка*→*развитие*→*кульминация*→*развязка*→*замок*, по которой получает развитие традиционная для сонета тема любви. В первом катрене обозначается тема, т.е. приводится завязка: «Къеуэну уи гум зи нэрыгъыр / ИгъаицIэм хъуркъым псэльэгъуей. / Цыхупсэ къабзэм лъагъуныгъэр / Щхъэ цыхъуу пIэрэ Iуэтэгъуей?»⁸. – «Намеревающийся тебя обидеть / Никогда не будет страдать нехваткой слов. / Почему для чистой души любовь / Бывает труднообъяснимой». Во втором катрене происходит развитие темы, проявляющееся в стремительно нарастающем прогрессе чувств лирического героя: «Гухэль бжесIэну сыныщежъэм / Сэ таучэлу схэлыгъам / И ныкъуэ дзэпциым зауэ гуаицIэм / ЦиIатэм, бийхэр игъэгъат»⁹. – «Когда собирался к тебе с признанием в любви, / Я обладал такой силой, / Что, предводитель на войне, будучи наделенным хотя бы ее половиной, / Заставил бы врагов плакать». Далее в третьем катрене чувство любви достигает своей кульминации: «Уи деж сынакIуэрт си лъэр быдэу, / Бийм ебгъэрыкIуэ дзэпци нэхъей»¹⁰. – «К тебе стремился твердым шагом, / Словно воин-предводитель, идущий на врага». В данном же катрене обостренное эмоциональное состояние героя начинает приближаться к развязке, т.е. к концу пути героя к возлюбленной и к описанию психологического состояния, к которому его

привела любовь: «Услъагъури – си гур, сыхуимыту, / СфІэхъуац абдежым псалъэгъуей»¹¹. – «Увидев тебя – мое сердце, невольно / Стало вдруг безмолвным». И в заключительном двустишии, носящем характер риторического вопроса, представлен вывод (замок), утверждающий, что от сильного чувства наступает безмолвие: «Щхъэ хъууэ пІэрэ фІыуэ пльагъум / Хуэпхъумэ псалъэр жыІэгъуей?»¹². – «Отчего же слово, хранящееся для возлюбленной / Становится труднопроизносимым?».

Начальный этап эволюции кабардино-черкесского сонета в основном характеризовался единичными случаями написания произведений в рамках этого жанра. Многие адыгские (кабардинские и черкесские) поэты делали попытку (в большинстве случаев удачную) создания сонетов и даже писали от одного до нескольких сонетов, но не было так называемых сонетистов со своими личными сонетариями. Первым, чье сонетное творчество составило значительную часть собственного художественного мира стал Адам Шогенцуков. За его исключением, остальные кабардино-черкесские авторы 60–80-х гг. могут быть охарактеризованы как *поэты-односонетники*, подразумевая под этим определением написание ими не только одного, но и нескольких (чаще всего до пяти) сонетов. Другими словами, наиболее интенсивная эволюция сонета в кабардино-черкесской литературе началась лишь после 90-х гг. XX века, с появлением сонетариев Бориса Утижева и Руслана Ацканова.

Примечания

1. *Куашев Б.И.* Стихотворения и поэмы. [На каб. яз.: Усыгъэхэр]. Нальчик: Эльбрус, 1996. С. 115.

2. Там же.

3. Там же.

4. *Баков Х.И.* Эволюция сонета в адыгской поэзии // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2012. № 4 (48). С. 211–215; *Баков Х.И.* Особенности адыгского сонета. [На каб. яз.: Адыгэ сонетым хэль гъэшІэгъуэнагъхэр] // История адыгской (кабардино-черкесской) литературы / под ред. Х.Т. Тимижева. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года», 2017. Т. 3. С. 91–135 // Режим доступа: <http://www.kbgi.ru/fmedia/4.-Адыгэ-литературэм-и-тхыдэ.-3-том.pdf> (Дата обращения: 10.02.2019).

5. *Гутов А.М.* Одна из вершин национальной поэзии. [На каб. яз.: Лъэпкъ усыгъэм и зы лъагапІэ] // Гутов А.М. Сила слова. Статьи о кабардинской литературе. Нальчик: Эльбрус, 2014. С. 186–190.

6. *Налоев З.М.* Избранное. В 3-х т. Том 2. Стихи. Поэмы. Повести. [На каб. яз.: Тхыгъэ къыхэхэхэр. Томишым щызэхуэхъэсауэ. ЕтІуанэ том. Усэхэр. Поэмэхэр. Повестхэр]. Нальчик: Эльбрус, 2015. С. 29.

7. Там же. С. 36.

8. Там же.

9. Там же.

10. Там же.

11. Там же.

12. Там же.

TO THE PROBLEM OF THE DIFFERENCE OF A SONNET AND A FOURTEEN-TERM VERSE IN KABARDINO POETRY

Havzhokova Lyudmila Borisovna, Candidate of Philology, Senior Researcher at the Kabardino-Circassian literature Department of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Shogenova Emma Aslanovna, graduate student of the Scientific and Educational Center of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (SEC KBSC RAS), emma.shogenova@yandex.ru

The article is devoted to the study of the actual literary problem of delimitation of the sonnet and the fourteen-term verse in Kabardian poetry on the example of some works of the older generation Batal Kuashev and Zaur Naloyev, who made one of the first attempts to master the genre. General characteristic features of the evolution of the sonnet genre in the Adyghe (Kabardino-Circassian) poetry are noted, the first examples of the creation of works in this genre are highlighted. The main attention of the authors is focused on the observance or non-observance of the canons of the sonnet genre, resulting in the appearance of works that fit into its strict framework or fourteen source (so-called «failed» sonnets), corresponding to the genre only the number of lines in the verse, more precisely – not meeting the requirements genre and therefore not a sonnet. The architectonics of the works in question are subjected to a detailed and comprehensive analysis – a rhyming scheme, poetic dimensions, ideological and thematic orientation. As a result of a detailed study of the structural-compositional parameters, fundamental differences between the sonnet and the fourteen-line, observed both at their formal and substantive levels, are revealed.

Keywords: sonnet, fourteen-source, Kabardian poetry, Adyghe literature, poet, rhyme scheme, structure, composition, genre, canon.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-106-111

**ТРАДИЦИИ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ
В НАЦИОНАЛЬНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАРРАТИВЕ
(на примере произведений Ю. Чужаяко из книги «Кинжал танцора»)**

Хакуашева Мадина Андреевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dinaarma@mail.ru

Роман «Чужая боль», а также две повести «Последний лай старого выжлеца» и «Кинжал танцора», вошедшие в одноименную книгу Юнуса Чужаяко, отражают процесс формирования гуманистической традиции нового времени в рамках современной адыгской литературы. Они проявляются как протестная реакция художника слова на усиливающуюся тенденцию всеобщей дегуманизации и нравственного упадка. Через символику центральных художественных образов автор указывает на непреходящие ценности народа, в которых заключена тайна будущего, – сохранения и продления рода, – вот лейтмотив, характерный для двух повестей и романа. Произведения автора отражают реальные проявления наиболее актуальных проблем современного национального мира, пронизаны гуманизмом, свойственным всему творчеству писателя, которые в век глобализации и размывания традиционных национальных основ приобретает особенно острое звучание.

Автор в самобытной художественной манере сумел адаптировать и обобщить широкий пласт адыгской мифологии и фольклора, реализовать новые методы организации и структуры художественного текста, которые вывели адыгскую современную прозу на новый уровень мастерства.

Ключевые слова: национальная литература, фольклор, мифологии, связь, традиция, повесть, роман, символ, преемственность, дегуманизация.

До недавнего времени в адыгском литературоведении объектом исследования выступал отдельно взятый региональный художественный материал. Но за последнее десятилетие в кабардинском литературоведении появилась тенденция, в рамках которой адыгская литература рассматривается и изучается в контексте единой национальной культурной традиции, включая литературу обширной черкесской диаспоры. Тесная нерасторжимая связь адыгских субэтносов с единой национальной культурой, этикетом и фольклором обуславливает такие же общие, единые закономерности развития, которые не позволяют рассматривать каждое отдельное произведение вне общего литературного процесса.

Одним из выдающихся художников слова, сумевшим в самобытной художественной манере адаптировать и обобщить широкий пласт адыгской мифологии и фольклора, явился талантливый адыгейский прозаик Юнус Чужаяко. Он сформировал новые методы организации и структуры художественного текста, которые вывели адыгскую современную прозу на новый уровень художественного мастерства. «Новое заключается не только в структурно-содержательном аспекте, – отмечает Р.Г. Мамий, – изобразительные средства, повествовательный тон и ритм намного обогатились. Глубоко реалистические и художественно основательные возможности лирической прозы, требовательно заявившие о себе в 60-е годы в творчестве Х. Ашинова, вслед за ним П. Кошубаева, Ю. Чужаяко и других, и давшие

лироэпические, лирико-философские жанры, получили определенную трансформацию в прозе анализируемого периода»¹.

Исследователь отмечает реальные предпосылки для появления романа. «Первая повесть Ю. Чуяко «Чужая боль» (1978) показала, что в литературу вступает человек, умеющий в лирическом повествовании связать воедино социальное и нравственное, вчерашнее и сегодняшнее. Эта способность с новой силой проявилась и в книге повестей и рассказов «Кольцо не спадает с руки, или История одной любви» (1985). Она замечается и в романах «Красный дом», «Сказание о Железном Волке». Всех их объединяет, с одной стороны, осмысленный историзм, последовательный поиск духовных, психологических истоков национального самосознания современного адыга, а с другой, – эмоционально-взволнованное авторское повествование»².

Тесная связь между фольклорной и литературной традицией – одна из наиболее отчетливых значительных тенденцией современной адыгской литературы. В этом смысле следует рассматривать книгу Ю. Чуяко «Кинжал танцора», которая включает в себя три художественных произведения – две повести и роман.

Повесть «Последний лай старого выжлеца» – драматическое повествование о жизни и смерти гончего пса по имени Бруно. Художественный текст оказывает яркое сильное воздействие с первых же страниц: центральной темой оказывается моральный выбор человека в пограничной ситуации. Сюжет касается времен Второй мировой войны, когда Красная Армия терпела первые серьезные неудачи на Северном Кавказе и ей приходилось отступать в тыл. Но главный герой Гусарук предпочитает спрятаться в одном из хозяйственных колхозных помещений. Он не остается со своими советскими войсками, но и не переходит к врагу, Гусарук – дезертир. Автор оставляет этот персонаж будто бы в тени – в нескольких фразах дается описание главного героя, так что кажется, что повествователя гораздо больше интересует образ собаки Бруно.

Однажды, находясь на рынке, выжлец ощутил запах потерянного дома, побежал в этом направлении. Читателя завораживает логика собачьей любви: она не рассуждает, не сомневается, безраздельно отдается порыву глубокой преданной привязанности. В пустом доме Бруно находит прежнего хозяина, одичавшего, голодного, потерявшего человеческое обличье. Но для собаки человек неизменен, и она измеряет его по своей шкале отношений, которая оказывается куда выше человеческой. Доверчивое животное гибнет от рук бывшего хозяина, который хитростью удушил его удавкой, чтобы потом съесть...

Читатель невольно задумывается над видовым определением этого персонажа. Его уже невозможно назвать человеком, но невозможно назвать и животным, так как животное гораздо более гуманистично и целесообразно устроено, чем Гусарук.

Где дно человеческого падения? Как далеко заходит человек в своем предательстве и потере собственного лица? Где начинается разрушение личности и есть ли для него предел? Позиция автора не проявляется, но оценивается чудовищный процесс личностной деформации через реакцию любящего доверчивого животного. Однако выводы самого читателя неутешительны. Ведь возможен был и другой финал, когда человеческое сопротивляется слепому инстинкту выживания, и два начала борются. Но ничего этого нет: раз без видимого труда перейдя черту, главный герой постепенно изживает в себе человека, и Гусарук превращается в коварное страшное орудие убийства. Только в финале становится оправданным авторский интерес к собаке: ведь именно преданная позиция животного становится вровень с той высокой планкой нравственности, которую обозначил человек для себя. Как ни парадоксально, именно животное становится символом человеческого. Автор выводит беспощадную формулу: человек не может быть синонимом добра. Человеческий стержень может казаться иллюзией, которая проявляется

лишь тогда, когда человек сыт и благополучен. В пограничной ситуации человеческий облик теряется. Благородное животное же при любых обстоятельствах сохраняет преданность хозяину и любовь к дому, и без колебаний может пожертвовать жизнью.

Однако художественный текст мог показаться однозначным, если бы такой вывод являлся общим и распространялся на всех людей. Ведь повествование ведется от лица мальчика Тембота, который несет в себе подлинное гуманистическое начало. И только этот яркий протест, осуждающий гневный рассказ от лица страдающего ребенка оставляет свет надежды в финале.

Повесть «Кинжал танцора» является одним из ранних произведений Ю. Чуяко, но в нем уже намечаются основные тематические направления, которые позже получают развитие, в том числе, в значительном явлении адыгской литературы – романе «Сказание о Железном Волке»: народная сокровищница, оставленная предками адыгов – это духовное наследие, которое несет в себе драгоценную нестареющую основу мудрости и высокой морали. Это тот клад, который является залогом будущего. Несомненное мастерство автора проявляется в умении передать сакральное философское начало через будничные зарисовки, житейские диалоги, обычное, ничем непримечательное течение повседневной жизни.

Символом духовной традиционной основы народа является курган, который выступает главным объектом профессиональных интересов сотрудников музея, в котором работает главный герой Касим. Характерно, что в романе «Сказание о Железном Волке» таким же семантическим средоточием становится курган, который исследуется представителями семей Мазлок и Челестен.

В повести «Кинжал танцора» таким же локальным, «родовым» центром становится старый чердак ветхого саманного дома, в котором «погребены» старые вещи, среди которых по мнению главного героя Касима находятся бесценные предметы старины. И если старый дом олицетворяет традиционные духовные устои прошлого, то новый, еще не построенный дом – будущее мироустройство. Как же они соотносятся, старое и новое?

Как будто бы вполне бытовые противоречия возникают между самыми близкими людьми: Касимом и его супругой Софой. Софа, усвоившая поверхностные ценности эпохи советской модернизации, легко расстается с «отжившим» патриархальным укладом, отстаивает установки нового времени в споре с мужем. Она не хочет обременять себя большой семьей, ей не нужен надел земли, который бы принуждал к возделыванию приусадебного участка – сада, огорода, она говорит о важности общественной работы, профсоюзах... Касим же с усмешкой относится к заявлениям жены, он – преемник старых, но разумных, веками сложившихся народных традиций, которые прошли суровый отбор временем. Он не может себе позволить с той же легковесной решимостью отказаться от былых ценностей.

Касим поддерживает маленькую нанэж – бабушку, которая не хочет расставаться со старым домом, построенным ее мужем: в нем прошла ее жизнь, появились на свет дети... Пристрастия старой матери к старому дому не понимает ее сын Азмет с женой, которым непременно нужно новое жилище, которое бы соответствовало современной моде и затмило бы роскошью соседские дома. Он хочет поскорее избавиться от «ненужного хлама», которым забит чердак. Касим в том же самом «хламе» способен обнаружить бесценные музейные экспонаты, которые становятся знаковыми образами народной жизни адыгов. Среди них – старинный кинжал, с которым танцевал юный герой. Воспоминания о танце с кинжалом, который демонстрирует немецким офицерам несокрушимую мощь народного духа адыгов, его железную волю и мужество, повергает врагов в замешательство, и они убивают танцора. Так постепенно образ кинжала перерастает в символ, с которым связан героический мотив: непреклонность и мужество в отстаивании своей земли, дома, непреложных законов, своего неисчерпаемого духовного наследия.

Сцены, связанные со Второй мировой войной, переплетаются с реминисценциями, которые отражают трагизм времен Кавказской войны, которая еще живет в народной памяти.

Отнюдь неслучайно кинжал находит маленький сын Касима Русик, – именно ему предстоит стать новым хозяином кинжала, за которым – тысячелетние основы народных героических традиций, выпестованной, окристаллизованной народной сути. Закон духовной преемственности, согласно которому опыт народа переходит от старшего к младшему поколению – важнейший принцип национальной культуры, который утверждает автор. В романе это отражено в бережном отношении героя к старинным вещам, в которых воплотился неповторимый национальный дух, – залог выживания в непростой жизни, полной неразрешимых противоречий.

Через символику старинного кинжала автор указывает на непреходящие ценности народа, в которых заключена тайна будущего, – сохранения и продления рода, – вот лейтмотив повести Ю. Чуяко, которая в нынешний век девальвации, размывания традиционных национальных основ приобретает особенно острое актуальное звучание.

Роман «Чужая боль» основана на глубоких философских авторских раздумьях: все живое связано болью, но именно она, боль через понимание, душевное и духовное взаимопроникновение становится великой охранительной силой, которая через соболезнование реализует чудо спасения, сохранения и процветания всего живого. Если выпускник лесотехнической академии Озремес способствует спасению и сохранению лесных обитателей, лесных богатств, то заведующая фермой Ханый неустанно борется с жестокими бюрократами, которые ради выполнения плана посылают на бойню молодых бычков и телочек. Пожилая женщина Кульсома, в которой воплотились лучшие традиции былых времен, суть которых – уважение и взаимная поддержка, ностальгически ищет их в отношениях с окружающими. Воплощение этого духа она находит в процессе традиционного коллективного строительства дома – *шихафе*. Однако сила старой Кульсомы в том, что она, носитель этого духа, непосредственно распространяет его, способствуя проявлению позитивного нравственного начала в людях.

Художественное повествование пропитано горячей авторской любовью к земле, ее нетленной величественной красоте, ко всему живому, населяющему леса, реки, горы, к людям земли, их особой категории – хранителям, которые могут беречь и преумножать великое духовное достояние предков. Через соотнесение исторического и мифологического писателем «воссоздаются те или иные пласты национальной жизни адыгов.., освещение «духовного космоса» предков лучами пытливого мысли потомков открывает совокупный миф народа»³.

Книга талантливого адыгейского писателя «Кинжал танцора», включающая две повести и роман, пронизана гуманизмом, свойственным всему творчеству Ю. Чуяко. Произведения автора отражают реальные проявления наиболее актуальных острых проблем современного национального мира, в первую очередь, всеобщей дегуманизации.

Примечания

1. Мамий Р.Г. Вровень с веком. Майкоп, 2001. 339 с. С. 42–43.
2. Там же. С. 48–49.
3. Аутлева Ф.А. Взаимосвязь фольклорно-эпического и литературного сознания в художественном осмыслении нравственно-философских проблем современного адыгейского романа. Майкоп, 2003. 163 с. С. 152.

**TRADITIONS OF HUMANISTIC POETICS
IN THE NATIONAL ARTISTIC NARRATIVE
(on the example of works by Yu. Chuyako from the book «Dancer's Dagger»)**

Hakuasheva Madina Andreevna, doctor of Philology, researcher of the Kabardino-Cherkess literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dinaarma@mail.ru

The novel «Alien Pain», as well as two novels «The Last Barking of the Old Wiseman» and «The Dagger of the Dancer», included in the same book by Yunus Chuyako, reflect the formation of the humanistic tradition of the new time in the framework of the modern Adyghe literature. They manifest themselves as the protest of the artist's words to the growing tendency of general dehumanization and moral decay. Through the symbolism of the central artistic images, the author points to the enduring values of the people, which enclose the mystery of the future – the preservation and extension of the genus – this is the leitmotif characteristic of two stories and romani narratives. The works of the author reflect the real manifestations of the most pressing problems of the modern national world, permeated with humanism, characteristic of all the works of the writer, which in the age of globalization and erosion of traditional national foundations, acquires a particularly sharp sound. The author, in a distinctive artistic manner, was able to adapt and summarize a wide layer of the Adyghe mythology and folklore, to implement new methods of organizing and structure the artistic text, which brought Adyghean modern prose to a new level of skill.

Keywords: national literature, folklore, mythology, connection, tradition, novel, novel, symbol, continuity, dehumanization.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-112-116

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу «Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе (1918–1940 гг.). Историко-архивные материалы и воспоминания» / автор-составитель А.К. Шапарова. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 824 с.

Кропачев Сергей Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук

Рецензируемая книга «Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе» вносит достойный вклад в историографию государственного террора в СССР. Автором-составителем фундаментального труда является заведующая научным архивом Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН Айшат Кучуковна Шапарова. Это не первая работа автора, но представленная книга является фактически делом всей жизни. А.К. Шапарова родилась в семье репрессированных, и долгие годы посвятила проблеме реабилитации жертв государственного террора. При ее непосредственном участии за последние годы честные имена были возвращены 200 жителям Кабардино-Балкарии разных национальностей, поставлены фильмы, посвященные видным деятелям черкесской культуры, пострадавшим в ходе репрессий.

Сборник «Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе» состоит из четырех разделов: песни-плачи, воспоминания, фотоматериалы, документы. Уникален первый из них – песни-плачи, посвященные репрессированным в 1920–1930-е гг. жителям Кабардино-Балкарии и Адыгеи. Стихи полные горя и отчаяния, долгие годы хранились в семьях, заучивались наизусть и только теперь стали всеобщим достоянием. Не все плачи имеют авторов, история их имен не сохранила. Но остались строки, передающие страшную атмосферу арестов, высылков, депортаций, необусловленную клевету на людей и целые роды.

Второй раздел составили воспоминания из личных архивов репрессированных черкесов (кабардинцев и адыгейцев) и их потомков. Сотни информаторов из России, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана, Казахстана, Сирии, Турции, Франции, США, Канады, Германии предоставили свои воспоминания и воспоминания своих родственников. Они содержат уникальные мемуары о событиях 1920–1940-х гг., преследованиях Советской властью лучших представителей черкесской науки и культуры, духовенства, княжеских и дворянских родов. Тысячи из них были арестованы, расстреляны, осуждены на различные сроки лишения свободы, высланы, но они не потеряли чести и достоинства. Их потомки сегодня живут во многих странах мира, поддерживая связи со своей Родиной.

В третьем разделе, на 275 страницах, собраны сотни уникальных фотографий, рассказывающих о жертвах государственного террора и их потомках. Перед нами предстают те, кому посвящена книга. Из далеких лет на нас смотрят красивые, благородные люди, которым предстоит пройти тяжелые годы репрессий, депортаций, тюрем, лагерей и ссылок. А также те, кто прошел тяжелые испытания, но сохранил интерес к жизни и человечность.

Четвертый раздел содержит многочисленные фотокопии документов о реабилитации, судебные решения, материалы личного характера.

Работа «Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе (1918–1940 гг.)» вводит в научный оборот новые документы, уникальные воспоминания,

примеры народного фольклора о драматических событиях 1920–1940-х гг. Она позволяет судить о масштабах репрессий черкесов (кабардинцев и адыгов) на Северном Кавказе, том ущербе, который был нанесен народу в демографическом, культурном, ментальном аспектах, о диаспорах, появившихся в различных уголках СССР и других странах, в том числе в связи с политикой государственного террора, о судьбах конкретных людей, попавших в жернова политических преследований в 1920–1940-х гг.

Kropachev Sergey Aleksandrovich, Doctor of History, Leading Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Рецензия на книгу «Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе (1918–1940 гг.). Историко-архивные материалы и воспоминания» / автор-составитель А.К. Шапарова. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 824 с.

Мусхаджиев Саид-Хасан Хамзатович, кандидат исторических наук, доцент кафедры административного и уголовного права ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», mussaid72@gmail.com

Тема, поднятая в книге Шапаровой А.К., имеет важное научно-практическое значение, так как ещё раздаются голоса сторонников тоталитаризма и культа личности, которые за «прочным железным занавесом» прошлого так и не смогли осмыслить трагедию миллионов семей наших соотечественников. Объективное и документальное исследование сложных проблем региональной и этнической истории способно внести свою лепту в создание полномасштабной истории России.

Через судьбы черкесов, подвергшихся репрессиям и гонениям, в книге освещается очень важный период не только в российской истории, но и в мировой – с конца Первой мировой войны, обернувшейся революционным хаосом для России, до начала Второй мировой войны, ставшей трагедией глобального масштаба.

Серьёзным преимуществом работы является широкая география работы, включающей практически все регионы Кавказа, а также Москву, страны Запада (Германия, Франция, США, Канада) и Востока (Турция, Сирия), где проживают репрессированные черкесы и их потомки. Автору удалось собрать воедино в своей работе внушительный состав информаторов – более 150 человек.

Ценность исследования ещё и в том, что А.К. Шапарова проделала большой труд по выявлению, систематизации и классификации огромного массива документов, начиная от воспоминаний репрессированных и заканчивая фольклорными материалами и уникальными фотодокументами, запечатлевшими живые мгновения жизни людей, подвергшихся государственному террору, но при этом сохранивших силу духа. Солидную источниковую базу работы составили документы из государственных и личных архивов, материалы национальных, отечественных и зарубежных печатных изданий, воспоминания свидетелей.

Работа имеет удачную структуру: 1) историко-эпические песни-плачи; 2) воспоминания; 3) фотоматериалы; 4) архивные документы. В книге мало субъективного, личного анализа, в то же время она снабжена бесценными, богатыми и уникальными документами, которые раскрывают личные, психологические, социальные и этнокультурные аспекты проблемы.

Важное значение имеет то, что А.К. Шапарова придерживается деидеологизированного подхода, характеризующегося отсутствием пропагандистских и конъюнктурных клише, концептуальной и объективной подачи документального материала. Строго следуя принципам историзма и системности, используя различные методы исторического анализа источников, автору-составителю удалось создать труд, который, раскрывая трагическое прошлое, адресован нынешнему и грядущему поколениям, для которых важно знать, что залогом успеха в горести и радости выступает народное единство. «Черкесы разделяли радость и горе своих новых соседей, – отмечает автор. Во времена депортации чеченцев и ингушей, некоторые из них, руководствуясь моральными соображениями, добровольно отправились в изгнание вместе с приютившими их семьями. Не случайно могилы наших соотечественников

в Чечне, Ингушетии, Дагестане и других местах даже сегодня находятся в ухоженном состоянии».

В трагический период своей истории черкесский народ не раз демонстрировал способность находить мудрые решения и надёжные пути выхода из тяжёлого кризиса. Восстановление исторической правды о судьбах народов – это важный шаг к возрождению России. В этом мы убедимся, если внимательно познакомимся с новым изданием.

Musadzhiev Said-Hasan Khamzatovich, Candidate of History, Associate Professor of the Department of Administrative and Criminal Law of the Maykop State Technological University

ЮБИЛЕИ

ОН ПОСВЯТИЛ СВОЮ ЖИЗНЬ СЛУЖЕНИЮ НАРОДУ

Панеш Аскер Дзапшевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, askerpanesh@mail.ru

Публикация посвящена 80-летию юбилею известного кавказоведа, доктора исторических наук, профессора Д.Х. Мекулова. В ней представлены биографические данные юбиляра, а также прослежена плодотворная научная, организационная и общественная деятельность ученого.

Ключевые слова: Джебраил Хаджибирамович Мекулов, доктор исторических наук, юбилей, кавказоведение, история Адыгеи.

2 мая 2019 г. исполняется 80 лет известному ученому, доктору исторических наук, профессору, главному научному сотруднику отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, первому вице-президенту Адыгской (Черкесской) международной академии наук Джебраилу Хаджибирамовичу Мекулову.

Джебраил Хаджибирамович Мекулов родился в 1939 г. в большой семье уважаемого в ауле Кошехабль кузнеца Хаджибирама Исмеловича и колхозницы Амирхан Хачмафовны. На долю Джебраила выпало нелегкое детство. Воспоминания о трудном военном времени до сих пор остались в его памяти. Именно в эти годы происходило становление его характера. В семье Мекуловых всегда царила атмосфера взаимопонимания. Хаджибирам Исмелович воспитывал своих детей людьми честными и добропорядочными.

В 1957 г. Джебраил закончил среднюю школу. На всю жизнь в его памяти остались школьные учителя истории – *Владимир Дмитриевич Шаханов*, *Ибрагим Асхадович Шоров* и учитель литературы *Мухаммед Шамсудинович Кунижев*, которые сумели привить ему любовь к истории и культуре адыгов.

Трудовая биография Д.Х. Мекулова началась в родном ауле на строительстве автомобильного моста через Лабу. Через год Джебраила призвали в армию, где его будни наполнились не только строевой подготовкой и нарядами по защите рубежей Родины на турецкой границе, но и активными тренировками по классической борьбе и штанге. К концу первого года службы рядовой Д. Мекулов выполнил норму Мастера спорта СССР по борьбе, а по штанге получил 1 -й разряд.

В августе 1959 г. командование воинской части дает Д. Мекулову направление для поступления в Киевское высшее авиационное училище летчиков. Однако заветной мечте Джебраила не суждено было сбыться. Пройдя все вступительные испытания, медицинская комиссия вынесла свой категорический вердикт. Виной тому были злополучные шрамы на теле солдата, которые на всю жизнь остались памятью армейских схваток с нарушителями границы.

Следующий этап в биографии нашего юбиляра был связан с выбором профессии. В 1961 г. Д.Х. Мекулов поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского госуниверситета и окончил его с отличием в 1966 г.

Молодой студент сразу же окунулся в учебную и научную атмосферу одного из лучших в то время высшего учебного заведения. Очень скоро определился

и круг научных проблем. Джебраил принимает активное участие в научном студенческом обществе. Уже на I курсе Мекулов увлекся археологией, принимал активное участие в экспедициях под руководством преподавателя Н.А. Шафиева, под влиянием которого Джебраил сделал выбор в пользу археологии. Его первая работа по кабардинским могильникам XIV–XVI вв. отличалась обстоятельностью и фактологической аргументированностью. Д.Х. Мекулов, будучи уже зрелым исследователем опубликовал книгу, посвященную вопросам археологии¹.

Путь в большую науку у Джебраила был упорным и целеустремленным. Свою трудовую деятельность в качестве учителя истории и обществоведения он начал в одной из сельских школ Баксанского района Кабардино-Балкарии. Педагогическую деятельность он продолжил в с. Вольном, Кошехабльского района. Тяга к науке у Джебраила не ослабевала и он принимает решение поступить в аспирантуру Института археологии АН СССР. Однако в силу различных обстоятельств ему не удалось осуществить свою заветную мечту.

Следует отметить, что на этом этапе выбора профессии по рекомендации обкома КПСС Джебраил принимает решение подготовить реферат по истории СССР для поступления в аспирантуру Института истории СССР АН СССР. Видимо, немаловажную роль здесь сыграли идеологические соображения, нужны были специалисты по истории советского строительства. В 1968 г. Джебраил Хаджибиромович поступает в аспирантуру.

«Годы учебы в аспирантуре были весьма насыщенными, – вспоминает юбиляр, – это и участие в работе аспирантского совета, изучение специальной литературы, сбор архивного материала по теме диссертации и регулярные консультации с научным руководителем». К 1971 г. Д. Мекулов завершил кандидатскую диссертацию и уехал из Москвы в ожидании вызова на защиту.

В ноябре 1971 г. Д.Х. Мекулова назначили заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Кошехабльского райкома партии. Здесь в полной мере проявились его организаторские и деловые качества. Тем временем из Москвы поступали краткие сообщения о переносе даты защиты диссертации. И вот наступил долгожданный день. 27 апреля 1972 г. в Москве, в Институте истории АН СССР состоялась публичная защита Д.Х. Мекуловым кандидатской диссертации на тему: «Роль Советов в хозяйственном и культурном развитии Адыгеи (1922–1937 гг.)». Работа получила высокую оценку в научных кругах.

Молодой ученый Д.Х. Мекулов был полон энергии и больших творческих планов. Но судьба распорядилась таким образом, что Джебраил не сразу получил возможность реализовать все эти планы. С ноября 1971 г. по февраль 1986 г. Д.Х. Мекулов находился на партийной работе, сперва в Кошехабльском райкоме, а затем в областном комитете КПСС.

В феврале 1986 г. Д.Х. Мекулов был утвержден директором Адыгейского ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института экономики, языка, литературы и истории. С первых же дней молодой руководитель стремился создать в коллективе творческую атмосферу и обозначить приоритетные научные направления. Д.Х. Мекулов проводил большую научно-организаторскую работу, и как директор института и, как координатор совместных проектов научно-исследовательских институтов КБР и КЧР.

Д.Х. Мекулов хорошо понимал значение института, его роль и место в общественно-политической и культурной жизни республики. Именно поэтому он усердно добивался повышения статуса возглавляемого им учреждения. 10 декабря 1992 г. решением Кабинета Министров институт был переименован в «Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований».

Поворотным этапом в изучении ранее запретной темы Кавказской войны, да и в самой региональной исторической науке, стал первый Кошехабльский форум «История – достояние народа», состоявшийся в апреле 1990 г. В выступлениях

известных историков А.Х. Бижева, А.Х. Касумова, Х.М. Думанова, А.Ю. Чирга, А.Т. Керашева и др. прозвучал основной тезис о необходимости коренного пересмотра устоявшихся в советской историографии оценок трагического периода в истории адыгов. Организация и проведение этого форума является несомненной заслугой Джебраила Хаджибирамовича.

Здесь следует сказать и еще об одном важном периоде из жизни Д.Х. Мекулова. Речь идет о дружбе с известным ученым-этнологом, доктором исторических наук Хасаном Мухтаровичем Думановым, безвременно ушедшем из жизни в декабре 2011 г. Их дружба, начавшаяся еще в аспирантские годы, была наполнена особым смыслом. Джебраил Хаджибирамович очень дорожил этой дружбой и каждый раз находил возможность встретиться с ним и обсудить вопросы сотрудничества двух родственных научных учреждений.

В 90-х годах остро стоял вопрос о тесном сотрудничестве и координации научных сил адыгов, живущих не только в России, но и за рубежом. Таким консолидирующим органом стала Адыгская (Черкесская) международная академия наук, созданная в 1992 г. За 27 лет она стала уникальной организацией, объединившей более 300 выдающихся деятелей науки, образования и культуры со всего мира.

Д.Х. Мекулов сыграл значительную роль в создании этой организации. Со дня основания академии и по 2008 год он являлся его первым вице-президентом. Он принимал деятельное участие в разработке исследовательских проектов, направленных на возрождение и развитие адыгских традиций, обычаев, культурных и духовных ценностей. Многие известные ученые АРИГИ были избраны действительными членами академии.

Наряду с научно-организаторской работой Д.Х. Мекулов занимался разработкой сложных и неоднозначных проблем, связанных со строительством социализма в северокавказском регионе. За короткий период времени в различных архивохранилищах страны был собран богатый материал по избранной теме.

В 1994 г. в соавторстве с Н.Ф. Бугаем Д.Х. Мекулов опубликовал монографию «Народы и власть: «Социалистический эксперимент» (20-е годы)². Источниковой базой работы стал солидный корпус архивных материалов, значительная часть которых была впервые введена в научный оборот. Авторы проанализировали деятельность органов власти на примере северокавказского региона Российской Федерации по становлению и совершенствованию межнациональных отношений в трудные 20-е годы.

Основные положения и выводы этой монографии и ряда других фундаментальных исследований Мекулова легли в основу докторской диссертации, успешно защищенной им в 1996 г. в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Диссертация получила высокую оценку в отзывах известных ученых.

Многогранную деятельность руководителя научного учреждения Джебраил Хаджибирамович успешно совмещал с преподавательской работой в Майкопском государственном технологическом университете, где он читал курс истории и культуры адыгов. В 1998 г. Д.Х. Мекулову было присвоено ученое звание профессора.

Известно, что 90-е годы были временем становления нового общественно-политического строя в стране и новой идеологии. Происходила коренная ломка устоявшихся стереотипов. Кардинальные перемены затронули историческую науку, на долю которой выпала нелегкая задача – объективно и непредвзято реагировать на все происходившие события. И в этот переломный период историк Д.Х. Мекулов сумел выработать правильную позицию и отстоять ее в сложных условиях того времени.

Более 14 лет Д.Х. Мекулов руководил Адыгейским республиканским институтом гуманитарных исследований. За этот период заметно повысился авторитет

этого учреждения в Северо-Кавказском регионе. Одним из приоритетных направлений в деятельности Д.Х. Мекулова являлась подготовка молодой смены научных кадров. За 1986–2000 гг. количество работающих в институте увеличилось в 4 раза, по целевым направлениям в различных научных центрах было подготовлено более 20 молодых ученых. К 2000 г. в институте уже работало 13 докторов и 25 кандидатов наук (в 1986 г. – всего 7 кандидатов наук и ни одного доктора).

«Одним из главных достижений Д.Х. Мекулова, – вспоминает аспирант Института этнологии и антропологии РАН, а ныне – зав. профильным отделом АРИГИ М.Н. Губжоков, – являлась подготовка молодых научных кадров, ныне являющихся неотъемлемой частью института. Мудрый директор прозорливо предвидел уже тогда намечавшийся разрыв научной преемственности, отсутствие в институте младшего поколения, способного воспринять и развить научные традиции, и волевым решением отправил целую группу молодых специалистов в московскую аспирантуру. Что и говорить – нам тогда несказанно повезло – учиться в крупнейших академических институтах, общаться с ведущими специалистами страны, слушать лекции прославленных ученых, работать в архивах и библиотеках. Но не только это – для многих из нас это было счастливейшее время не только профессионального, но и личностного становления, время обретения друзей и единомышленников из Адыгеи, Кабарды, Абхазии, со всех концов нашей страны. И оглядываясь назад, понимаешь, что московский период был в нашей жизни одним из важнейших, без которого наши судьбы могли бы сложиться совершенно иначе... И сегодня, встречая юбилей Д.Х. Мекулова, «птенцы гнезда Джебраилова» поздравляют своего директора, признаются ему в неизменной любви, с благодарностью вспоминая его вклад в наше обретение судьбы».

По инициативе Д.Х. Мекулова в институте был открыт и успешно функционирует отдел философии и социологии. Сотрудники этого подразделения занимаются разработкой различных проблем общественно-политической жизни республики.

Принципиально значимым историографическим явлением стало появление трудов, посвященных основным тенденциям развития государственности у адыгов. В рамках этого направления были выполнены монографические исследования, в которых активное участие принял Д.Х. Мекулов³.

Пристальный интерес проявляет ученый и к истории родного Кошехабля⁴. Круг научных интересов Д.Х. Мекулова охватывают и проблемы средневековой истории адыгов. В скором времени выйдет в свет монографическое исследование по истории черкесского средневековья. Д. Х. Мекулов является членом авторского коллектива и принимает активное участие в написании отдельных глав для II тома «Истории Адыгеи».

Джебраил Хаджибирамович имеет внушительный список научных публикаций: 21 монография и целый ряд коллективных трудов. Им опубликовано 40 научных статей в Москве, Краснодаре, Нальчике и других городах северокавказского региона. Результаты научных изысканий Мекулова также отражены в 99 газетных публикациях, посвященных различным проблемам истории адыгов.

Заслуги Д.Х. Мекулова в научной и организаторской деятельности отмечены многочисленными наградами: 13 медалей и 18 Почетных грамот. В 2003 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РА». На своей малой родине Джебраил пользуется заслуженным авторитетом, он – «Почетный гражданин аула Кошехабль».

Сегодня Джебраил Хаджибирамович – главный научный сотрудник отдела истории АРИГИ. Он полон сил, энергии и строит новые научные планы.

Вспоминая прошлое, юбиляр с особым трепетом и волнением открывает его первые страницы, где яркое и незабываемое место занимают родители, заложившие в нем стержень, с которым ему было легче преодолевать различные жизненные

ситуации, родной Кошехабль, с которым он был неразрывно связан всю свою жизнь. В памяти Джебраила Хаджибиромовича сохранились верные друзья, которых у него всегда было много – отзывчивых и добрых, готовых всегда подставить плечо другу, учителя и наставники, сыгравшие важную роль в его становлении как человека и историка.

Выпускник Кабардино-Балкарского госуниверситета, а впоследствии – директор Адыгейского НИИ, профессор Д.Х. Мекулов на протяжении долгих лет поддерживал тесные связи с родственным Кабардино-Балкарским Институтом гуманитарных исследований. Это были не только научные контакты, и при каждом посещении г. Нальчика он всегда ощущал теплоту и особое отношение друзей, которых у него было много среди ученых КБИГИ. Многие из них ушли из жизни, оставив яркий и неизгладимый след не только в истории Института, но и в сердце Джебраила Хаджибиромовича. Эту тонкую духовную связь он не потерял и по сей день. Период общения с друзьями и коллегами, годы активного сотрудничества с родственным Институтом навсегда остались в его памяти. Эти воспоминания, окрашенные грустью потерь, придают Джебраилу силы и вдохновляют его на новые творческие поиски.

Говорят, что путь человека на этой земле предначертан его судьбой с момента рождения. Важно, чтобы он осознал свою миссию и достойно прошел свой путь. Можно с уверенностью сказать, что наш юбиляр выбрал дорогу созидания, оставив яркий след в истории родной Адыгеи.

Пожелаем Джебраилу Хаджибиромовичу крепкого здоровья, долгих лет жизни, душевного спокойствия и осуществления всех заветных жизненных и творческих планов.

Примечания

1. *Мекулов Д.Х.* Тайны древних погребений. Майкоп, 1999.
2. *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: Социалистический эксперимент (20-е годы). Майкоп, 1994.
3. *Мекулов Д.Х., Удычак Ю.Ю.* Государственная власть в Адыгее: становление, эволюция, перспектива. Майкоп, 2009; *Мекулов Д.Х., Женетль Н.Х.* Республика Адыгея в формате современной России. Майкоп, 2011; *Мекулов Д.Х., Женетль Н.Х.* Комитет-40 и становление Республики Адыгея. Майкоп, 2013; *Мекулов Д.Х., Женетль Н.Х.* Комитет-40 и становление Республики Адыгея. Дюздже, 2018 (на турецком языке).
4. *Мекулов Д.Х., Бзасежсев З.А., Бзасежева Р.К.* Аул Кошехабль – введение в историю. Майкоп, 2018.

HE DEDICATES HIS LIFE TO SERVICE TO PEOPLE

Panesh Asker Dzapshevich, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of History of the Adygeya Republican Institute for Humanitarian Studies named after T.M. Kerasheva, askerpanesh@mail.ru

The publication is dedicated to the 80th anniversary of the famous Russian Caucasian historian, doctor of historical sciences, professor D.Kh. Mekulov. It presents the biographical data of the hero of the day, as well as traced the fruitful scientific, organizational and social activities of the scientist.

Keywords: Dzhebrail Hadzhibiramovich Mekulov, Doctor of Historical Sciences, anniversary, Caucasology, history of Adygea.

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:

- история;
- филология;
- проблемы развития современного общества;
- культурология.

2. Требования к оформлению статей:

2.1. Рекомендуемый объем для статьи – до 15 с. (с учетом требований п.п. 2–4), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.

2.2. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации).

2.3. Название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом.

2.4. Сведения об авторе/авторах на русском языке (фамилия, имя, отчество (без сокращений), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, электронный адрес).

2.5. Аннотация (не менее 100 слов) и ключевые слова на русском языке – шрифт 12 pt.

2.6. Текст статьи должен быть набран шрифтом Times New Roman 14 pt через полугорный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после «Примечаний» под заголовком «Принятые сокращения». Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).

2.7. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:

1) Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.

2) Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора (выделить курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

2.8. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 2.3.–2.5.) на английском языке.

3. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Первая страница статьи подписывается автором.

4. Вместе со статьей в редакцию представляются:

4.1. направление организации, в которой работает автор;

4.2. акт экспертизы / заключение о возможности публикации.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному экземпляру и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Усл. печ. л. 11

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 234

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*